

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 32

Нижний Новгород

2015

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 32. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. – 220 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), С.М. Фомин (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгоцкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 32

Nizhny Novgorod

2015

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 32. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2015. – 220 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), S. Fomin (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium),
D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), M. Ruep (Germany),
K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Е.В. Ефимова (<i>Нижний Новгород</i>) Семантический потенциал номемы	11
А.В. Кашкина (<i>Воронеж</i>) Выражение обещания и формы будущего времени (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов)	20
Н.Ф. Крюкова (<i>Тверь</i>) Текстовая форма как средство интерпретации: герменевтическая диалектика понимания	32
И.О. Фролов (<i>Иваново</i>) Инфографика как способ зрительной семантизации в переводном двуязычном терминологическом словаре по атомной энергетике	42
Т.И. Шутова (<i>Нижний Новгород</i>) Конструирование демократии в американском дискурсе противодействия терроризму (1972-2012)	51

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

Н.С. Выговская (<i>Нижний Новгород</i>) Основные мотивы и детские образы в художественных реконструкциях романа Ш. Бронте «Эмма» и «Эмма Браун»	61
М.Е. Ерышева (<i>Нижний Новгород</i>) Аналитический психологизм Б. Констана	73
Н.М. Ильченко (<i>Нижний Новгород</i>) Образ итальянца как сюжетобразующий в романе Н.И. Греча «Черная женщина»	81
А.В. Карпова (<i>Нижний Новгород</i>) Утопический потенциал просветительского мифа на примере дилогии Кэтрин Фишер «Инкарцерон»	90

О.Б. Лукманова (*Нижний Новгород*)
Мифопоэтическая проза Дж. Макдональда: волшебные
повести «Фантастес» и «Лилит» 100

М.И. Никола (*Москва*)
Мистическая проза Ричарда Ролля и ее роль в становлении
английской прозаической традиции 114

О.Е. Осовский (*Саранск*)
Смерть Наполеона в литературном сознании Пушкина 132

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.П. Глумова (*Нижний Новгород*)
Региональный подход в обучении иностранным языкам 141

Б.А. Жигалев, Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин
(*Нижний Новгород*)
Образование в системе факторов влияния на ценностные
ориентации молодежи 148

К.Б. Жигалева (*Нижний Новгород*)
Роль игровой деятельности в обучении иностранным языкам
на раннем этапе 160

М.Д. Кутяйкина (*Нижний Новгород*)
Эмоциональные факторы и их учет в обучении иностранному
языку в школе 166

А.С. Шимичев (*Нижний Новгород*)
Межкультурный аспект в содержании обучения иноязычной
грамматике студентов по направлению подготовки
«Лингвистика» 177

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Голубева (*Нижний Новгород*)
Новые слова от Людовика XIV до Ангелы Меркель. Рецензия
на словарь: Steffens D., Nikitina O. Deutsch-russisches
Neologismenvorterbuch. Рецензия на словарь: Steffens D.,

Nikitina O. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991-2010. 2 B-de. 1. Auflage. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014. 598 S. (Fritz Thyssen Stiftung – грант фонда им. Ф. Тиссена) 187

С.М. Фомин (*Нижний Новгород*)

Жан-Мишель Генассия (1950): новое имя во французском романе XXI века. Рецензия на книги: Ж.-М. Генассия. Клуб неисправимых оптимистов. СПб.: Азбука, 2014. Пер. Е. Клоковой. 608 с. (Le Club des Incorrigibles Optimistes. P.: Albin Michel, 2009); Удивительная жизнь Эрнесто Ч. М.: Иностранка, 2015. Пер. Е. Клоковой. 416 с. (La Vie rêvée d'Ernesto G. P.: Albin Michel, 2012) 199

ХРОНИКА

Международная конференция «Мир после наполеоновских войн» 207

Научная конференция «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении» 210

VII Молодежная научно-практическая конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире. Проблемы лингвистической безопасности» 212

Международный круглый стол «Образование – путь в будущее, терроризм – в никуда!» 216

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Evgenya Efimova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Semantic Potential of the Nomeme	11
Aleksandra Kashkina (<i>Voronezh</i>) Future Tense in Expressing Promise (based on M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" and its translations)	20
Natalia Kryukova (<i>Tver</i>) Textual Form as a Means of Interpretation: Hermeneutical Dialectics of Understanding	32
Ilya Frolov (<i>Ivanovo</i>) Infographics as a Means of Visual Semantization in a Translated Bilingual Dictionary of Nuclear Terminology	42
Tatiana Shutova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Construction of Democracy in the Official U.S. Counterterrorism Discourse (1972-2012)	51

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Natalia Vygovskaya (<i>Nizhny Novgorod</i>) Key Motives and Infant Imagery in "Emma" and "Emma Brown", Artistic Reconstructions of Charlotte Brontë's Novel	61
Maria Erysheva (<i>Nizhny Novgorod</i>) B. Constant's Analytical Psychology	73
Natalia Ilchenko (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Image of an Italian as a Plot-Shaping Function in "Black Woman" by N.I. Grech	81
Alina Karpova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Utopian Potential of the Enlightenment's Myth (based on Catherine Fisher's <i>Incarceron</i> series)	90

Olga Lukmanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Two Mythopoetic “Bookends” of George MacDonald’s Prose: “Phantastes” and “Lilith”	100
Marina Nikola (<i>Moscow</i>) The Mystical Prose of Richard Rolle and its Role in Shaping the English Prose Tradition	114
Oleg Osovsky (<i>Saransk</i>) The Death of Napoleon in Pushkin’s Literary Consciousness	132
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	
Elena Glumova (<i>Nizhny Novgorod</i>) A Regional Approach in the Teaching of Foreign Languages	141
Boris Zhigalyov, Elizaveta Savrutskaya, Sergey Ustinkin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Education in the System of Factors Influencing Young People’s Values	148
Kseniya Zhigalyova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Games in Early Foreign Language Learning	160
Maria Kutaykina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Emotional Factors in Secondary School Foreign Language Instruction	166
Alexey Shimichev (<i>Nizhny Novgorod</i>) Intercultural Aspects in Teaching Foreign Language Grammar to Undergraduates Majoring in Linguistics	177

REVIEWS

Nadezhda Golubeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) New words from Louis XIV to Angela Merkel. A Dictionary Review: Steffens D., Nikitina O. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991- 2010. 2 B-de. 1. Auflage. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014. 598 S. (Fritz Thyssen Stiftung – грант фонда	
---	--

им. Ф. Тиссена) 187

Sergey Fomin (*Nizhny Novgorod*)

Jean-Michel Guenassia (b. 1950). A New Name in 21st c. French Novel Writing. A Review of the author's multiple books: Ж.-М. Генассия. Клуб неисправимых оптимистов. СПб.: Азбука, 2014. Пер. Е. Клоковой. 608 с. (Le Club des Incorrigibles Optimistes. P.: Albin Michel, 2009); Удивительная жизнь Эрнесто Ч. М.: Иностранка, 2015. Пер. Е. Клоковой. 416 с. (La Vie rêvée d'Ernesto G. P.: Albin Michel, 2012) 199

CHRONICLE

International Conference “The World after the Napoleonic Wars”.. 207

Academic Conference “Strategies and Tactics in English Oral Communication.” 210

VII Youth Research and Training Conference “Translation as a Development Factor in Modern Science and Technology. Issues of Linguistic Safety.” 212

International Roundtable “Education is a Way into the Future; Terrorism is a Dead End.” 216

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМЕМЫ

Е.В. Ефимова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Номера – термин, отражающий семантическое наполнение имени собственного. Состав сем, формирующих интенционал, импликационал и неимпликационал тесно переплетается с экстралингвистической информацией, связанной с именем собственным. Приведенный анализ номемы «Бетховен» демонстрирует широкий спектр возможностей для реализации ее сем.

Ключевые слова: номера, Бетховен, семантика, значение, структура, семантический потенциал.

The Semantic Potential of the Nomeme

Evgenya Efimova

The nomeme is a term that reflects the semantic content of a proper name. The seme structure, which includes intentional, implicational and negative implicational, is closely connected with extralinguistic information about the proper name under analysis. The article includes the analysis of the nomeme 'Beethoven' which demonstrates a wide range of potential for actualizing its semes.

Key words: nomeme, Beethoven, semantics, meaning, structure, semantic potential.

Номера является важным компонентом лингвистической системы, поскольку именно она концентрирует в себе весь объем значения имени собственного. В качестве примера выбрана номера «Бетховен». Выбор обусловлен широкой представленностью этой номемы в художественных русскоязычных текстах: «Крейцера соната» Л.Н. Толстого (1889), «Гранатовый браслет» И.А. Куприна (1911), «Крейцера соната» Саши Черного (1909), «Лунная соната» М.А. Зенкевича (1925), стихотворение «Крейцера соната» Г.А. Глинки (1972). Богатый культурный фон описываемой номемы позволяет сделать развернутый анализ.

Целью данной статьи является описание семантического потенциала номемы «Бетховен» и ее смысловых возможностей при реализации в художественном тексте. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить, что

представляет собой номема; определить структуру номемы; определить факторы, способствующие расширению объема значения номемы. Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: семантический и компонентный анализы.

Попытка описания термина «номема» в отечественной лингвистике была дана Н.В. Васильевой [1]. Автор составляет глоссарий, в котором рассматривает термины, касающиеся лингвистического описания имен собственных (далее ИС) с грамматической, семантической и других точек зрения.

Термин «номема» происходит от латинского *nomem* – имя, суффикс -ЕМ- указывает на языковую природу термина. Опираясь на дихотомию «язык – речь», Н.В. Васильева определяет номему как категорию языка и ном как единицу речи. Термин «номема» способен «отражать неразрывную связь с понятиями, проявлять определенную классификационную принадлежность» [2. С. 109]. Согласно работе С.Н. Переволочанской [2], системность термина проявляется как в плане содержания, так и в плане выражения, а также в его структуре. Термин стоит в одном ряду с терминами, имеющими в своей словообразовательной структуре суффикс -ЕМ- (фонема, морфема, лексема, синтаксема и т. д.), то есть «соответствует статусу языковых единиц в дихотомической теории “язык – речь”» [2. С. 111]. В таком случае ее речевой реализации будет соответствовать термин «ном» или «нома».

Номема – языковая единица, задача которой обозначить референта и отразить в нашем сознании комплекс сопутствующих образов, то есть предполагает широту энциклопедических знаний и тем самым выполняет кумулятивную функцию.

Номема, как идеальная единица, являет собой совокупность информации об имени нарицательном (ИН) в широком смысле и об имени собственном (ИС) в узком. Поскольку в русском языке имеет место переход ИС в ИН («Мы все глядим в Наполеоны», где лексема «Наполеоны» из пушкинской строки, употребленная во множественном числе, свидетельствует о тщеславии и человеческой амбициозности) и, наоборот, ИН в ИС («искра» – лексема «Искра», употребляемая в качестве названий населенных пунктов, лексема «Искра», употребляемая в качестве названия газеты). Под номемой мы будем понимать дистрибуцию значений лексемы. Дистрибуция

значения – это классификация всех сем, формирующих значение имени.

Номама имеет структуру, включающую стабильное ядро и изменчивую периферию. Ядро обеспечивает устойчивое значение, в то время как периферия обогащает это значение за счет функционирования имени в речи. Новые семы появляются и закрепляются в периферийной зоне номемы.

Структура номемы вполне может быть соотнесена со структурой значения, полевое представление которого описано в работах М.В. Никитина [3]. Ядро номемы соотносится с интенционалом значения лексической единицы. Интенционал – семантические признаки, находящиеся в определенной иерархии и являющиеся детерминированными для данного класса денотатов. Семантические признаки, составляющие интенционал, распадаются на гиперсемы (архисемы), родовую часть интенционала, и гипосемы (дифференциальные признаки), видовую часть. Например, интенционал лексемы «композитор» – автор музыкальных произведений, где гиперсема – «человек», а гипосема – «автор», «музыка». Признаки эти не существуют сами по себе, они могут с определенной степенью вероятности предполагать, породить новые признаки. По отношению к ядру (интенционалу) они образуют периферию его информационного потенциала, его импликационал. То или иное потенциальное значение актуализируется контекстом. Выделяют сильный (обязательный, необходимый) импликационал, слабый (свободный) и отрицательный импликационал [3. С. 168].

Гиперсема ИС *Бетховен* – «композитор» – отражает профессиональную деятельность обозначенного лица. В семантическом словаре [4] лексема «композитор» относится к семантической группе «Определение лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности», входит в подгруппу «Сфера искусства, творчества; соответствующие занятия в музыкальной, певческой, артистической деятельности, в разных зрелищах», раздел «Артисты, исполнители». Помимо семы «автор» в семантическом словаре указана сема «музыкант» [4. С. 214], которая является гиперсемой для определения профессий и родов деятельности, связанных с музыкой, что позволяет говорить о семантическом пересечении лексемы «композитор» с такими лексемами, как «исполнитель», «скрипач» и др. Именно наличие этой

семы отличает определение, данное в семантическом словаре от определения в МАС [5. С. 86], в последнем реализуется только сема «автор».

Словарь сочетаемости актуализирует сему «автор», иллюстрируя ее синтагматическими отношениями с глаголами «пишет», «сочиняет что-то», «работает над чем-то». В то же время сочетаемость с качественными прилагательными «хороший, прекрасный, замечательный, крупный, выдающийся, талантливый, популярный, модный, известный, знаменитый, великий, гениальный, плохой, посредственный, молодой, начинающий, русский, любимый» может характеризовать любую деятельность [6. С. 233].

Гипосемой ИС *Бетховен* является национальная принадлежность рассматриваемого ИС – «немецкий». Важность гиперсемы, отражающей национальный признак в том, что, несмотря на так называемую уникальность ИС, то или иное имя может носить не один человек, а несколько. Например, фамилия Бах принадлежит нескольким немецким композиторам, американскому писателю и многим людям, о которых неизвестно широкой публике. Тем не менее всеобщую известность ИС приносит, как правило, один его носитель. Важность национального признака ИС неоспорима: при изменении языка, языковой культуры меняется и фонетическое оформление имени, что влечет за собой изменение в восприятии внутренней формы слова.

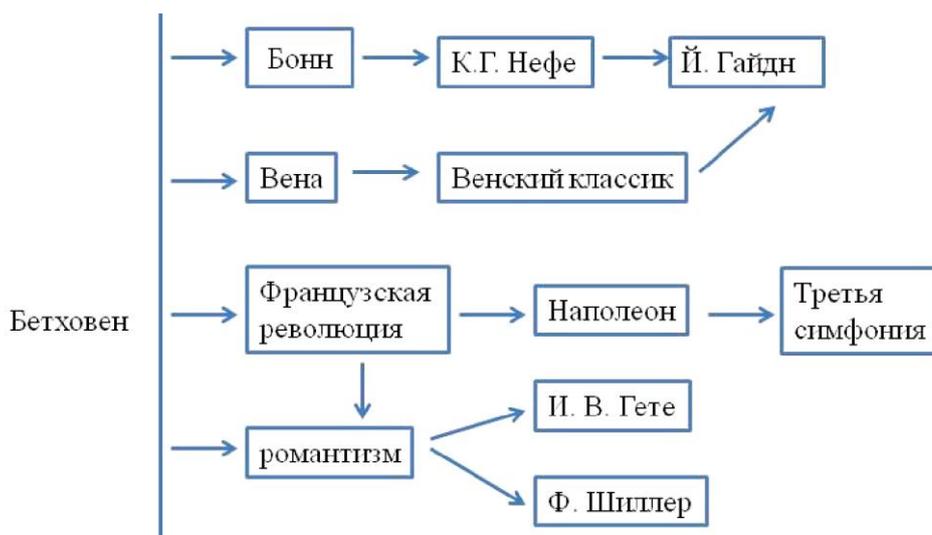
К гипосеме ИС *Бетховен* относятся частные варианты употребления имени, куда войдут все имена, носимые людьми с фамилией «Бетховен». В рассматриваемом нами случае Людвиг ван Бетховен – сын Иоганна Бетховена и Марии-Магдалины Кеверих. Также из всех возможных Бетховенов Людвиг ван Бетховена выделяет приставка «ван», которая свидетельствует о его происхождении.

Отрицательный импликационал (негемпликационал) включает в себя признаки, расцениваемые как невозможные для интенционала. К признакам, входящим в отрицательный импликационал, относится вся та информация, которая никоим образом не может описывать ИС «Бетховен». Негемпликационал является обязательной составляющей структуры значения слова, так как именно он отличает значение одного слова от другого.

Сильный импликационал номемы, выраженной ИС *Бетховен*, будет связан с его профессиональной деятельностью и его произведениями. Слабый импликационал отражает признаки, которые формируют круг знаний не всех людей: энциклопедическую информацию, впечатления, мифы.

Отделить ядро номемы от периферии не всегда просто, поскольку один предмет реальности может нести несколько названий, например, лексические единицы «Санкт-Петербург», «Петербург», «Петроград», «Ленинград», «Питер» географически обозначают одну реалию, но разница в обозначении очевидна: разное время существования, разные исторические эпохи, разное отношение говорящего выражается в той или иной номинации. Для обозначения ядра номемы необходимо остановить выбор на том, что актуально для анализа ИС. Это может быть упомянутый в художественном произведении объект или историческая реалия. В таком случае остальные варианты обозначения окажутся семантическими признаками, формирующими периферию и дополнительные значения, свойственные языковой природе имени, а ядро окажется тем стержнем, который их объединяет, с одной стороны, и формирует, с другой.

Периферию или импликационал можно представить структурно в виде схемы.

Такое деление позволяет выделить ближнюю и дальнюю периферии, а также структурировать ее.

Так, будущий композитор родился в Бонне, где его талант замечает известный в то время музыкант Кристиан Готлоб Нефе. Именно К. Нефе знакомит юного Л. Ван Бетховена с творчеством Й. Гайдна. Эта первая ветвь отражает ассоциативный фон, базирующийся на энциклопедическом содержании.

Вторая ветвь связана с другим немаловажным для жизни композитора городом – Веной. Эта же ветвь – продолжение участия К.Г. Нефе в творческом развитии Л. ван Бетховена, так как именно он способствовал отъезду ученика в этот город. Впоследствии Л. ван Бетховен был признан одним из трех венских классиков наряду с В.А. Моцартом и Й. Гайдном. Эти сведения, являясь ключевыми для определения композиторского творчества Л. ван Бетховена, составляют семантический потенциал и входят в сильный импликационал в виде семантических признаков рассматриваемой номемы. Имена собственные других венских классиков (В.А. Моцарт и Й. Гайдн), а также специфика их творчества является неосновной информацией, следовательно, отражается в признаках слабого импликационала рассматриваемой номемы «Бетховен».

Третья ветвь начинается с исторического события – Великой французской революции. Идеи революции были внутренне близки самому композитору, он сочувствовал французам, посещал Францию, общался с людьми, переживающими те исторические события. Л. ван Бетховен собирался в знак уважения к Наполеону посвятить свою Третью симфонию именно ему, но, поняв, что Наполеон предал идеи революции, отказался это сделать. Дух борца за свои идеи нашел отражение в характере написанной им музыки и в названиях следующих произведений: симфония «Героическая», увертюра «Эгмонт», написанная по одноименному произведению И.В. Гёте. Исторические, политические, социальные и иные данные, касающиеся событий и идей Великой французской революции, войдут в слабый импликационал номемы «Бетховен», в то время как идеи, разделяемые композитором, являются ассоциативным фоном сильного импликационала. То же касается фигуры Наполеона, отражение событий, связанных с данной личностью в номеме «Бетховен» косвенно, в то время как признаки этой личности, нашедшие отражение в «музыкальной» личности композитора, – сильный импликационал.

Идеи борьбы за равенство, за объединение людей внутри страны, за свободу личности очень сочетаются с идеалами романтической личности. Являясь представителем классицизма в музыке, Л. ван Бетховен является композитором, чье творчество символизирует переход в эпоху романтизма. Его увлечение творчеством признанных классиков немецкого романтизма – И.В. фон Гете и Ф. Шиллера – наложило отпечаток и на творчество композитора, например, под впечатлением трагедии И.В. Гете Л. Ван Бетховен пишет увертюру «Эгмонт». Таким образом, сильный импликационал номемы включает лингвистическое ассоциативное отражение романтизма, увертюры «Эгмонт» и непосредственно связан со слабым импликационалом, в который входят семы, отражающие ассоциативно языковую сторону жизни и творчества немецких романтиков И.В. фон Гете и Ф. Шиллера.

Таким образом, структуру номемы, удобно представить в виде схемы, которая бы отражала многообразие составляющих частей, описываемой номемы. Каждую из приведенных цепочек можно расширить и продолжить. Такой комплексный подход с опорой на гуманитарные, естественные, технические и другие науки, на субъективное восприятие людей позволит составить универсальное знание о номеме.

Номема динамична, поскольку функционирует в речи в виде нома, поэтому неизбежно приращение смыслов. Каждое новое употребление номемы в художественном тексте несет новое приращение, новые оттенки смысла, которые обогащают периферию номемы и могут быть рассмотрены при ее дальнейшем анализе. Таким образом, чем «старше» номема, чем в большем количестве контекстов она может быть употреблена, тем обширнее поле, формируемое вокруг номемы, включающее логически и семантически связанные между собой тематические блоки, которые формируют структуру периферии.

При анализе номемы также стоит обратить внимание на частотность реализации того или иного смысла. Редкочастотные смыслы сложнее зафиксировать, соответственно проанализировать. Несмотря на это, редкочастотные смыслы не противоречат интенционалу, что позволяет включить их в слабый импликационал.

В описании номемы «Бетховен» мы опирались на данные лингвистических, ассоциативных, музыкальных словарей,

справочников, на данные биографии Л. ван Бетховена, «Крейцеровой сонаты». В итоге можно сделать следующие выводы: содержание номемы определяется контекстом ее употребления – художественным или другим текстом, именно он позволяет сузить все богатство экстралингвистического материала до того объема, который, находя отражение в языковой стороне ИС, формирует семантический объем номемы. Та часть семантического материала, которая остается неизменной для рассматриваемой номемы, формирует ее ядро. Так, для номемы «Бетховен» в ядро входят семы «человек», «мужчина», «композитор». Периферия выделяется исходя из актуальных для текста прецедентных имен, ситуаций и др. Так, для номемы «Бетховен» в контексте повести Л.Н. Толстого в периферию войдут семы «соната», «Крейцер» и др. Таким образом, номема обладает свойством отражать постоянные и переменные значения, свойственные номеме. Исходя из данных, полученных в результате проведенного анализа, можно установить свидетельство тесной связи между семантикой и экстралингвистическими данными, которые находят отражение в структуре номемы. Объем составляющих номемы, взятой без контекста, безграничен, именно контекст его ограничивает и в то же время раскрывает потенциал, формируя новые смыслы.

Библиографический список

1. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. 224 с.
2. Переволочанская С.Н. Номема в системе языковых терминов эмической структуры // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово, 2009. Вып. 3. С. 109-113.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. II. К – О. 1986. 736 с.

б. Словарь сочетаемости русского языка: ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. Под ред. П.Н. Денисова, П.П. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.

Сведения об авторе

Ефимова Евгения Викторовна
аспирант,
ассистент кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: jefjane@yandex.ru

УДК 81'362:81'255.2

**ВЫРАЖЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ И ФОРМЫ БУДУЩЕГО
ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ)**

А.В. Кашкина

Воронежский государственный университет, Воронеж

Статья представляет обзор форм будущего времени в русских художественных текстах и их переводах как один из этапов построения функциональной типологии будущего времени. Материалом для исследования служит корпус параллельных переводов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский, немецкий, французский, итальянский и испанский языки. Основная цель работы – сопоставление и анализ способов выражения обещания в некотором контексте. Рассматриваются различные особенности ситуации выражения обещания, такие как пересечение с ситуациями выражения намерения и просьбы, а также различные оттенки значения (клятва, уверение, успокоение и т. п.). На использование в переводе форм простого будущего и настоящего, аналитических конструкций и модальных глаголов оказывают влияние такие факторы, как степень уверенности говорящего, отсутствие / наличие указания на точное время осуществления действия, возможность / необходимость его совершения, его отнесенность к плану ближайшего будущего и т. п. Выбор формы в переводе обуславливается как вышеупомянутыми факторами, так и интерпретацией ситуации переводчиком.

Ключевые слова: функциональная типология, параллельные переводы, будущее время, обещание, контекст.

**Future Tense in Expressing Promise (based on M. Bulgakov's novel
"The Master and Margarita" and its translations)**

Aleksandra Kashkina

Dealing with future tense forms and their usage in Russian literary texts and their translations, the paper represents a step towards developing a functional typology of the future tense. The research employs the corpora of parallel translations of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" into English, German, French, Italian, and Spanish. The paper focuses on comparing and contrasting ways of expressing promise in a given context, taking into consideration various aspects of the situation such as intersection of promises with intention and request as well as nuances of meaning, e. g. assurance, oath, soothing, etc. In addition to the translators' own interpretation of the context, their choice of simple future and present tense forms, analytical structures and modal verbs in translations of the novel is affected by such factors as the speaker's confidence, stated vs. undetermined time, possibility / necessity of the action, its occurrence in immediate future, etc.

Key words: functional typology, parallel translations, future tense, promise, context.

Настоящая статья представляет собой заключительный этап сопоставительного анализа употребления форм будущего времени в

романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводах на английский (2 перевода: Michael Glenny, 1967 [1] и Richard Peavear, Larissa Volokhonsky, 1997 [2]), немецкий (Thomas Reshke, 1968 [3]), французский (Claude Ligny, 1968 [4]), итальянский (Vera Driso, 1967 [5]) и испанский (Amaya Lacasa Sancha, 1967 [6]) языки. Так как в роли языка-источника в данном исследовании выступает русский, то принципы формирования корпуса и их классификация опираются на формы будущего времени, присутствующие в оригинале (т. е. будущее простое и будущее сложное в русском языке), и окружающий их контекст. После обзора всех случаев использования русских форм будущего времени в романе были выявлены такие ситуации его употребления, как обозначение конкретного единичного действия, которое будет иметь место в будущем, выражение просьбы, запрета, согласия, отказа, совета, предостережения, опасения, обещания, угрозы, недоумения, передача намерений, планов. В настоящей работе предлагается детальное рассмотрение одной из таких ситуаций – применение будущего времени для выражения обещания.

В общем виде ситуация обещания означает выражение говорящим готовности, обязательства осуществить какие-либо действия для слушающего, а также заверение слушающего в том, что события будут развиваться определенным образом. Ситуация обещания допускает разбиение на отдельные подклассы примеров в зависимости от наличия или отсутствия других оттенков значения. Прежде всего, если действие, в реализации которого говорящий убеждает слушающего, осуществляет сам говорящий, ситуация обещания пересекается с ситуацией выражения намерения. Кроме того, в ситуации обещания возможно попутное выражение таких дополнительных значений, как временное расстояние (ближайшее vs неопределенное будущее), степень уверенности говорящего и пр. Помимо крупных классов примеров, соответствующих этим оттенкам значения, существует также ряд частных случаев. Например, обещание может передаваться как косвенная речь: *Вот лето идет к нам, на балконе завьется плющ, как обещает Прасковья Федоровна. / ...the balcony will be covered in ivy, so Praskovya Fyodorovna tells me. / ...the ivy will twine up on to the balcony. So Praskovya Fyodorovna promises. / Praskowja Fjodorowna sagt, auf dem Balkon wird Efeu ranken. / ...le lierre va s'enrouler au balcon, comme l'a promis Prascovia Fiodorovna. / ...sul balcone ci sarà l'edera, come*

assicura Praskov'ja Fëdorovna. / Praskovia Fédorovna ha prometido que los balcones se cubrirán de hiedra. Здесь, поскольку глагол, вводящий косвенную речь, стоит в форме настоящего времени, в английских переводах используется *Future Simple*, в немецком – *Futur I*, в итальянском и испанском – также простое будущее, а во французском – конструкция с *aller + inf.*, связанная с высокой степенью уверенности говорящего в реализации обещания.

Другой частный случай – скрытое побуждение. Такое предложение имеет вид «Вы не получите X, пока не выполните Y» = «я дам вам X, если вы выполните Y»: – *Но ничего не услышите, пока не сядете к столу и не выпьете вина, ... / 'But you won't hear anything until you sit down and drink some wine... / "Aber Sie werden nichts hören, bevor Sie sich gesetzt und Wein getrunken haben... / Vous n'écoutez rien du tout tant que vous ne serez pas assis et que vous n'aurez pas bu de vin, ... / Non udrai niente finché non ti sarai seduto e avrai bevuto un po' di vino... / Pues no oirá nada hasta que se haya sentado y beba algo.* Как можно видеть, здесь во всех переводах в главном предложении также используется простое будущее.

Наконец, в ситуации обещания также возможно выражение возможности (или необходимости) осуществления действия: – *Авек плезир! – отозвался Фагот, – но почему же с вами одним? Все примут (= все могут принять) горячее участие! / You shall all take part! / Everyone will warmly participate! / "Jeder wird eifrig mitmachen!" / Tout le monde sera très heureux d'y participer ! / Tutti prenderanno parte vivissima! / ¡Todos tienen que participar con entusiasmo!* Здесь в переводах на английский, немецкий, французский, итальянский – простое будущее, в испанском переводе актуализируется значение необходимости, поэтому используется аналитическая конструкция с *tener que + inf.* Вышеприведенные случаи в собранном нами корпусе представлены единичными примерами.

В ситуации обещания, помимо прочих оттенков значения, может выражаться малый временной промежуток между обещанием и его исполнением. Всего нами выявлено 9 примеров с оттенком ближайшего будущего (выраженным явно, при помощи таких слов, как *сейчас, скоро* и т. д. или вытекающим из контекста). В английских переводах преобладают формы *Future Simple* (16 из 18), в немецком переводе *Futur I* (7 из 9), в итальянском и испанском простое будущее

в 8 и 6 случаях из 9 соответственно. Во французском переводе наблюдается большее разнообразие: 6 раз используется конструкция *aller + inf.*, 2 раза – простое будущее, и 1 раз – настоящее. Такое частотное использование *aller* может обуславливаться, помимо малого временного промежутка между обещанием совершить действие и его совершением, также оттенком намерения. Ситуация обещания может пересекаться с ситуацией выражения личного намерения, если соответствующий обещанию глагол стоит в 1-м л. ед. ч.: *Сейчас я доктора позову. / I'll call the doctor right away. / I'll call the doctor now. / Ich ruf den Doktor. / ...j'appelle le docteur... / ...adesso chiamo il dottore... / ...ahora llamaré al médico y le ayudará...* В этом случае, при условии планирования реализации действия в ближайшем будущем, во французском, немецком, итальянском переводах используется настоящее время (тем не менее, в английских переводах здесь употребляется *Future Simple* (принятие решения в момент речи), в испанском – простое будущее). Также говорящий может информировать слушающего о намерениях третьего лица относительно слушающего: – *Товарищ Бездомный, – заговорило это лицо юбилейным голосом, – успокойтесь! Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича <...> нет, просто Миши Берлиоза. Мы все это прекрасно понимаем. Вам нужен покой. Сейчас товарищи проводят вас в постель, и вы забудетесь. / You'll be taken home to bed in a moment and then you can relax and forget all about it. / The comrades will take you home to bed right now, you'll forget. / Die Genossen werden Sie gleich zu Bett bringen, dann werden Sie schlafen. / Des camarades, ici présents, vont vous conduire au lit, où vous pourrez vous reposer et oublier... / Adesso i compagni la metteranno a letto, e lei prenderà sonno... / Ahora los camaradas lo acompañarán hacia su casa y dormirá con tranquilidad.* Здесь во всех переводах, кроме французского, простое будущее, во французском переводе – *aller + inf.*, обусловленное оттенком намерения.

В качестве сообщения о намерениях третьих лиц может выступать и неопределенно-личное предложение (глагол в форме 3-го л. мн. ч.): – *Сейчас тебе дадут поесть. / You will be given something to eat shortly... / You'll presently be given something to eat... / Man wird dir sogleich zu essen geben. / On va tout de suite t'apporter à manger. / – Adesso ti daranno da mangiare. / – Ahora te darán de comer.* – Здесь

наблюдается картина, аналогичная предыдущему примеру, за исключением того, что в обоих английских переводах используется пассив. Возможно использование 1-го л. мн. ч. в переносном смысле, например, если речь идет о каком-либо учреждении и его сотрудниках: *Сейчас вам поможем.* / – *I'll bring you something in a moment.* / ...*we'll help you now.* / *Gleich helfen wir Ihnen.* / *On va s'occuper de vous tout de suite...* / ...*adesso l'aiuteranno...* В немецком переводе здесь употребляется *Präsens*, возможно в связи с глаголом в форме первого лица, во французском переводе, как и в приведенных ранее примерах, *aller + inf.*

Наконец, как обещание может рассматриваться и согласие выполнить какое-либо действие в ближайшем будущем: – *Слушаю. Как же. Непременно. Срочно. Всеобязательно. Передам.* / 'Very good. Of course. At once. Immediately. Certainly. I'll tell him,...' / 'Right. Of course. Absolutely. Urgently. Without fail. I'll tell him,...' / *Zu Befehl. Selbstverständlich. Gewiß doch. Sofort. Unbedingt. Werd's ausrichten / A vos ordres. Comment donc. Sans faute. Immédiatement. Je n'y manquerai pas. Je vais lui dire,...* / – *Certo. Come no. Senz'altro. Subito. Assolutamente. Riferirò,...* / *A sus órdenes. Cómo no. Sin falta. Ahora mismo. Sin duda alguna. Se lo dire.* Здесь, разумеется, также присутствует оттенок личного намерения, поэтому во французском переводе используется *aller + inf.*, в остальных – простое будущее.

Не окрашенным никаким другим значением, кроме реализации действия в ближайшем будущем, таким образом, является всего 1 пример: *И вновь он услышал голос: – Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.* / *But the pain will stop soon and your headache will go. / But your suffering will soon be over, your headache will go away. / Aber deine Qualen werden gleich beendet sein, dein Kopfwegh wird vergehen / Mais tes tourments vont cesser à l'instant, ta tête ne te fera plus souffrir. / Ma il tuo tormento cesserà subito, la testa non ti farà piú male. / Pero tu tormento se acabará pronto, se te pasará el dolor de cabeza.* Здесь, за счет отсутствия какого-

либо указания на намерение, во французском, как и в других переводах используется форма простого будущего (во второй части сложного предложения).

В анализируемом корпусе присутствуют также ситуации обещания, сопряженные с выражением личного намерения, не окрашенные оттенком ближайшего будущего (всего 9 примеров). В большинстве языков перевода (кроме немецкого) в этом случае также преобладает форма простого будущего: *Беречь твой сон буду я. / I shall watch over your sleep. / I will watch over your sleep. / Ich werde deinen Schlaf behüten. / Quelqu'un veillera sur ton sommeil, et ce sera moi. / Il tuo sonno lo proteggerò io. / Yo guardaré tu sueño.* В немецком переводе большую распространенность имеет форма *Präsens* (в 5 случаях из 9): *Пусть обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу – особняк еще цел до сих пор. / Er wende sich an mich, ich gebe ihm die Adresse und zeige ihm den Weg.* Обычно это связано с выражением побуждения в предшествующем контексте: *За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь! / Mir nach, mein Leser, und nur mir, ick zeige dir eine solche Liebe!* (ср. также предыдущий пример).

Использование отличных от простого будущего форм возможно при наличии элемента настойчивости: – *Я тебя вылечу, вылечу,* – бормотала она, впиваясь мне в плечи, – *ты восстановишь его. / '...Ich mach dich gesund, ich mach dich gesund'. / Te voy a curar.* Здесь в немецком переводе употребляется *Präsens*, в испанском *ir a + inf.* Она поднялась и заговорила: – *Боже, как ты болен. За что это, за что? Но я тебя спасу, я тебя спасу. / But I'm going to save you. / Yo te salvaré, te voy a salvar.* В данном случае в одном из английских переводов используется *going to + inf.*, в испанском используются простое будущее и *ir a + inf.* для отражения повтора.

В рассматриваемом нами наборе примеров также встречается выражение обещания, совмещенного с личным намерением, в косвенной речи: – *Я неизлечим,* – спокойно ответил гость, – *когда Стравинский говорит, что вернет меня к жизни, я ему не верю / Even though Stravinsky says that he will send me back to normal life, I don't believe him. / When Stravinsky says he will bring me back to life, I don't believe him / Wenn Strawinski sagt, er werde mich dem Leben zurückgeben, glaube ich ihm nicht. / Quand Stravinski dit qu'il me rendra à une vie normale, je ne le crois pas / Quando Stravinskij dice che mi restituirà alla vita, non gli credo. / Cuando Stravinski habla de volverme a*

la normalidad no le creo. Здесь во всех переводах используется простое будущее, кроме испанского, где применяется трансформация (конструкция с инфинитивом).

В качестве сопутствующего выражению намерения обещания можно рассматривать и ситуацию, когда действие совершается практически непосредственно в момент речи: – *Я тебе сказку расскажу*, – *заговорила Маргарита и положила разгоряченную руку на стриженную голову, – была на свете одна тетья.* / 'I'll tell you a story, ...' / 'I'll tell you a story... / *Ich erzähl dir ein Märchen...* / *Je vais te raconter une histoire...* / *Ti racconterò una fiaba...* / *Te voy a contar un cuento.* Как можно видеть, в этом случае в немецком переводе используется *Präsens*, во французском *aller + inf.*, в испанском *ir a + inf.*, т. е. формы, связанные с малым временным расстоянием между сообщением о предстоящем действии и действием.

В ситуации обещания возможно также наличие таких дополнительных оттенков, как:

1. Заверение – убеждение собеседника в обязательном осуществлении действия (всего 5 примеров такого рода). Для реализации этого коммуникативного намерения могут использоваться, в частности, такие глаголы, как:

1) *ручаюсь*: *Тебе слишком много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя! И я ручаюсь тебе, ручаюсь, что все будет ослепительно хорошо.* / *I swear to you that everything is going to be perfect!* / *And I promise you, I promise, that everything will be dazingly well!* / *Und ich versichere dir, alles wird wunderschön!* / *Et je te le jure, je te le jure, tout ira bien, magnifiquement bien !* / *E ti garantisco, ti garantisco che tutto sarà stupendamente bello!* / *¡Te aseguro que todo irá bien, maravillosamente bien!*;

2) *клянусь*: – *Он сделал испуганные глаза и прибавил: – клянусь, я никому не скажу.* / *I swear not to tell anyone!* / *'I swear I won't tell anyone!' / "Ich schwöre Ihnen, daß ich's niemandem sagen werde!" / Je ne le répéterai à personne, je vous le jure !* / *Giuro che non lo dirò a nessuno!* / *¡Les juro que no se lo diré a nadie!* В данном примере во всех переводах (кроме одного из английских, где применяется трансформация в конструкцию с инфинитивом) употребляется простое будущее. Интересно, что в двух примерах с *ручаюсь* в одном из английских переводов используется *going to + inf.*, по-видимому, *ручаюсь* интерпретируется как более высокая степень уверенности

говорящего в осуществлении (или неосуществлении) действия. В немецком переводе в двух случаях используется *Präsens*. В одном из них это связано с указанием точного времени: *Но, клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом.* / *Ich schwöre Ihnen, beim nächsten Mal, spätestens Montag, zahlen wir alles in bar!* В другом – возможно, с оттенком ближайшего будущего: – *О нет, – уверенно возразил Стравинский, – он никуда не уйдет, ручаюсь вам.* / *"O nein", widersprach Strawinski überzeugt, "er entkommt nicht, dafür bürgе ich Ihnen".* За исключением рассмотренных выше случаев, в переводах используются формы простого будущего времени.

2. Уверение – отличается от предыдущего аспекта наличием побуждения (*верь, поверь*) – всего 3 примера. *И тогда, поверьте, недостатка в нем не будет.* / *Then, believe me, there will be no lack of it.* / *And then, believe me, there'll be no lack of it.* / *Und dann, glaubt mir, wird daran kein Mangel mehr sein.* / *Mais alors, croyez-moi, nous n'en manquerons pas !* / *E allora mi creda, non scarseggerà.* / *Entonces, créame, no se notará la falta de luz.* В вышеприведенном примере в переводах используются исключительно формы простого будущего без каких-либо специфических особенностей. Однако в другой ситуации, где выражается также оттенок невозможности осуществления действия третьим лицом: – *О, прокуратор может быть уверен в том, что, пока я в Иудее, Вар не сделает ни шагу без того, чтобы за ним не шли по пятам.* / *The Procurator may rest assured that as long as I am in Judaea Bar will not move a step without my being on his heels.* / *Oh, the procurator can be certain that as long as I am in Judea, Bar will not take a step without having someone on his heels.* / *Oh, der Prokurator sei versichert, daß, solange ich in Judäa bin, War-Rawwan keinen unbeobachteten Schritt mehr tun wird.* / – *Oh ! le procureur peut être certain que tant que je serai en Judée, Bar ne pourra pas faire un pas sans être suivi à la trace.* / – *Oh, il procuratore può essere certo che finché ci sarò io in Giudea, Bar non farà un solo passo senza essere pedinato.* / – *¡Oh!, el procurador puede estar seguro de que mientras yo esté en Judea, Bar no podrá dar un paso sin que le sigan,* во французском и испанском переводах используются модальные глаголы с семантикой возможности (*pouvoir* и *poder* соответственно) в форме простого будущего. В случае если говорящий убеждает слушающего в намерениях третьего лица, могут использоваться

глаголы с семантикой желания, в том числе модальные: *Margarita* упрасивала мастера дрожащим голосом: – *Выпей, выпей. Ты боишься? Нет, нет, верь мне, что тебе помогут.* / *Drink it, drink it! Are you afraid? No, no, believe me, they want to help you!* / *Drink, drink! You're afraid? No, no, believe me, they'll help you!* / *Trink, trink! Hast du Angst? Nein, glaub mir, sie wollen dir helfen!* / *Bois, bois! Tu as peur? Non, non, crois-moi, ils veulent t'aider!* / *Bevi, bevi! Hai paura? No, no, credi a me, essi ti aiuteranno...* / *¡Bébelo, por favor! ¿Tienes miedo? ¡Créeme que te ayudarán!* Так, в приведенном примере они использованы в немецком переводе, во французском и в одном из английских (*wollen, vouloir* и *want* соответственно).

3. Успокоение: здесь, помимо утверждения об осуществлении какого-либо действия с высокой степенью уверенности, также присутствует побуждение не совершать другое действие (или, скорее, не переходить в другое эмоциональное состояние) в связи с отсутствием необходимости (*не бойся, не волнуйтесь, не беспокойся* и т. п.) – всего 3 примера. *Пилат* поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем остер ли нож зачем-то и сказал: – *Насчет ножа не беспокойся, нож вернут в лавку.* / *Don't worry about the knife, it will be returned to the shop.* / *Concerning the knife you needn't worry, the knife will be returned to the shop.* / *Beunruhige dich nicht wegen des Messers, man wird es dem Laden zurückgeben.* / – *Pour le couteau, ne t'inquiète pas, il sera reporté à la boulangerie.* / *Per il coltello non preoccuparti, sarà riconsegnato al proprietario.* / *No te preocupes, devolverás el cuchillo.* В двух из трех примеров (побудительная часть у них совпадает: *не беспокойся*) во всех переводах используется простое будущее. В третьем примере «успокоительный» оттенок значения выражен в неявной форме: – *О нет, мы выслушаем вас очень внимательно, – серьезно и успокоительно* сказал *Стравинский*, – *и в сумасшедшие вас рядить ни в коем случае не позволим.* / *'Oh no, we will listen very carefully to everything you have to say,' said Stravinsky seriously and reassuringly, 'and on no account shall we allow anyone to say you're mad'.* / *'Oh, no, we shall hear you out with great attention,' Stravinsky said seriously and soothingly, 'and by no means allow you to be got up as a madman'.* / *"Oh, wir hören Sie sehr aufmerksam an", sagte Strawinski ernst und beruhigend, "und wir werden auf keinen Fall dulden, daß man Sie zum Verrückten macht".* / *Mais si, nous vous écoutons, et très attentivement, dit Stravinski d'un ton grave et rassurant.*

Quant à vous prendre pour un fou, nous ne nous le permettrions en aucun cas. / Oh no, l'ascolteremo con la massima attenzione, – rispose Stravinskij, serio e tranquillizzante, – e non permetteremo a nessuno di farla passare per pazzo. / – ¡Por favor! Estamos dispuestos a escucharle con muchísimo gusto – dijo Stravinski, serio y tranquilizador – y no permitiremos de ningún modo que lo tomen por loco. Здесь в обоих английских переводах и в итальянском переводе для выражения однородных сказуемых используются формы простого будущего. В то же время во французском и в немецком переводах в первой части предложения используется настоящее время, что может быть связано с выражением оттенка намерения. Аналогичная ситуация имеет место и в испанском переводе; здесь для выражения интенции используется особая конструкция (*estar dispuesto a + inf.*).

Наконец, присутствует в собранном нами корпусе и некоторое количество примеров обещаний «как таковых», не осложненных дополнительными оттенками значения (9 примеров). В этом случае во всех переводах преобладают формы простого будущего: *Страницей будет вознаграждена за это хозяйка бала! / For that, the hostess of the ball will be rewarded a hundredfold. / The mistress of the ball will be rewarded a hundredfold for that. / Hundertfach wird die Ballkönigin dafür entschädigt werden. / La reine du bai en sera récompensée au centuple. / Di questo la padrona di casa sarà ricompensata al centuplo. / Así, la dama del baile será pagada con creces.* Ряд таких обещаний имеет вид обобщенно-личных предложений, с использованием пассивных конструкций, как в вышеприведенном примере, или активных (что не исключает их преобразования в пассив в переводах): *Дверь распахнулась, и растрепанная, нагая, но уже без всяких признаков хмеля женищина с исступленными глазами вбежала в комнату и простерла руки к Маргарите, а та сказала величественно: – Тебя прощают. Не будут больше подавать платок. / You are forgiven. You will never be given the handkerchief again. / You are forgiven. The handkerchief will no longer be brought to you. / Dir ist verziehen. Man wird dir das Tuch nicht mehr hinlegen. / Tu es pardonnée. On ne t'apportera plus le mouchoir. / – Sei perdonata. Non ti porgeranno piú il fazzoletto. / – Estás perdonada. No te darán más el pañuelo.*

Отклонений от использования форм простого будущего в переводах для данной ситуации немного. Один из таких случаев – использование *Präsens* в немецком переводе в связи с указанием

времени совершения действия: *Конвою будет дан приказ будить меня, лишь только вы появитесь.* / *Die Wache bekommt Befehl, mich zu wecken, sobald Sie erscheinen.* Один из примеров в испанском переводе интерпретируется как выражение намерения, поэтому используется конструкция *ir a + inf.*: *Взяв их в свои, он долго, в упор глядя в глаза Ивану, повторял: – Вам здесь помогут... Вы слышите меня?... Вам здесь помогут... вам здесь помогут... Вы получите облегчение. Здесь тихо, все спокойно. Вам здесь помогут... / Aquí le vamos a ayudar. ¿Entiende? Le vamos a ayudar. Se sentirá mejor, es un sitio tranquilo, silencioso... Le vamos a ayudar...*

В этом наборе примеров встречается и ситуация, которая может интерпретироваться как гипотетическая: *Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.* (= т. е. все это произошло бы с собеседником, если бы он согласился на предложение говорящего) / *You would catalogue and look after the papyruses, you would be fed and clothed.* / *You will sort out and look after the papyri, you will be fed and clothed.* / *Du wirst die Papyri ordnen und pflegen, und du wirst satt und gekleidet sein.* / *Tu classeras et tu conserveras mes papyrus, et tu seras nourri et habillé.* / *Esaminerai e riordinerai i papiri, avrai da mangiare e da vestire.* / *Tu trabajo sería examinar y guardar los papiros y tendrías suficiente para comer y vestir.* Соответственно, в одном из английских переводов, в немецком, французском и итальянском переводах эта ситуация квалифицируется как возможная в будущем, поэтому используются формы простого будущего, а в испанском и втором английском переводах – как ирреальная, с чем и связано использование *condicional simple* и *would* соответственно.

В целом можно заключить, что для ситуации обещания «в чистом виде» типичным является использование при переводе на все языки исследования форм простого будущего. Однако в действительности большинство примеров выражения обещания оказываются осложненными дополнительными оттенками значения. В этом случае влияние на выбор форм при переводе оказывают:

- локализация реализации обещания во времени (ближайшее будущее, отдаленное будущее, непосредственно в момент речи), наличие / отсутствие указания точного времени;
- вводящие обещание глаголы (могут сигнализировать большую / меньшую степень уверенности говорящего в осуществлении действия);

- наличие оттенков возможности / невозможности / необходимости реализации действия в будущем (приводит к появлению в переводах модальных глаголов);
- совпадение / несовпадение реализатора обещания с говорящим (наличие / отсутствие пересечения с ситуацией выражения личного намерения);
- интерпретация ситуации переводчиком (учет всех оттенков значения либо сосредоточение на одном из них, выбор между возможным и ирреальным в случаях, допускающих различные трактовки).

Библиографический список

1. Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Michael Glenny. London: Collins and Hardy Press, 1967. 204 p. // Электронный ресурс Интернет: http://www.lib.ru/BULGAKOW/master_engl.txt.
2. Bulgakov Mikhail. The Master and Margarita. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. London: Penguin Books, 1997. 536 p. // Электронный ресурс Интернет: http://artefact.lib.ru/library/books/bulgakov/The_Master_and_Margarita_ENG.rar.
3. Bulgakov Michail. Der Meister und Margarita. Roman: mit einem Nachwort von Ralf Schröder. Berlin / Weimar: Aufbauverlag, 1983. 288 S.
4. Boulgakov Mikhaïl. Le Maître et Marguerite. Traduit du Russe par Claude Ligny. Paris: Robert Laffont, 1968. 432 p.
5. Bulgakov Mikhail. Il Maestro e Margarita. Traduzione di Vera Drisdo. Torino: Collana Supercoralli, Einaudi, 1967. 205 p. // Электронный ресурс Интернет: http://artefact.lib.ru/library/books/bulgakov/Il_Maestro_e_Margherita_ITA.rar.
6. Bulgákov Mijaíl A. El maestro y Margarita. Traducción de Amaya Lacasa Sancha. Madrid: Alianza Editorial, 1968. 467 p. // Электронный ресурс Интернет: http://artefact.lib.ru/library/books/bulgakov/El_maestro_i_Margarita_SPA.rar.

Сведения об авторе

Кашкина Александра Вячеславовна
преподаватель кафедры теории перевода и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного университета
E-mail: shtil72@yandex.ru

УДК 801.73

ТЕКСТОВАЯ ФОРМА КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ПОНИМАНИЯ

Н.Ф. Крюкова

Тверской государственный университет, Тверь

В статье представлены рефлексивные основания системного описания средств метафоризации как метасредства понимания содержательности текста.

Ключевые слова: смысл, текст, рефлексия, опыт, понимание, интерпретация, метафора, метафоризация.

Textual Form as a Means of Interpretation: Hermeneutical Dialectics of Understanding Natalia Kryukova

The paper discusses the reflective basis for a systemic description of the means of metaphorization as a metameans of interpreting the text.

Key words: message, text, reflexivity, experience, understanding, interpretation, metaphor, metaphorization.

Современная герменевтика главным образом занимается решением вопроса о том, как происходит реконструкция авторских смыслов, опредмеченных в тексте и представленных в текстовых формах, восприятие которых служит доступом к значению, содержанию, смыслу, идее, так как рефлексии над процессами, осуществляемыми при интерпретации текста, связаны с активизацией определённых структур опыта субъекта понимания. «Проблема понимания и толкования <...> любого сложного текста представляет особую трудность для “неопытного” в отличие от “вдумчивого”, т. е. опытного и осведомлённого читателя. <...> И дело здесь не в самом тексте с его набором вербальных знаков, а в том комплексе всевозможных знаний автора / читателя, которые привносятся вместе с представленным текстом. Для читателя важно соотнести свой “горизонт ожидания” с авторским и восполнить пробелы для успешной коммуникации» [1. С. 96].

В вопросе о рассмотрении способов организации текстовой формы как средств пробуждения рефлексии следует в качестве самостоятельной проблемы выделить проблему роли фигур речи в понимании текста [2]. Особое внимание при этом обращается на метафору, поскольку, будучи наиболее типичной и самой

распространённой фигурой речи, она легче всех других фигур пробуждает рефлексию. Это объясняется наличием определённого родства между метафорой и рефлексией. Метафора пробуждает рефлексию, потому что сама фактически является одной из её опредмеченных организованностей. С этой точки зрения метафора выступает фундаментальной фигурой речи, и все остальные фигуры речи могут рассматриваться как различные версии единого метафорического прототипа и включаться в разные группы средств пробуждения рефлексии. В этом отношении текстовые средства, противоположные средствам прямой номинации и связанные с формированием метафорического значения отдельного сочетания в тексте и организацией множества этих значений в единую смысловую метафорическую структуру, а именно: тропеические, фонетические, лексические, синтаксические формальные средства пробуждения рефлексии, могут называться средствами метафоризации.

Тропеические средства метафоризации пробуждают рефлексию, прежде всего реактивирующую опыт, хранящийся в виде предметных представлений (что и закладывает основы образности, ведущей к семантической транспозиции). Собственно метафора выделяется в отдельную *метафорическую группу средств пробуждения рефлексии*. При ведущей образности метафора даёт две свои достаточно чётко выраженные разновидности: аналогию, связанную с повышенной эксплицитностью, и символ, синтезирующий непосредственность и бесконечную многозначность образа с логической силой и необходимыми импликациями понятий. Соответственно выделяются аналогическая и символическая группы тропеических средств метафоризации.

В аналогическую группу тропов входят эпитет, сравнение, олицетворение и гипербола. Эпитет и сравнение в более сложной форме осуществляют то, что в более краткой форме осуществляет метафора. Олицетворение является разновидностью антропоморфной (антропоцентрической) метафоры, основанной на сравнении неодушевлённых объектов, растений и животных с человеком. Гипербола содержится в каждом образном сравнении и эпитете.

В символическую группу входят тропы, недискурсивно выводящие на богатую смысловую парадигму. К ним относятся метонимия, в которой имеет место процесс обобщения, дающий не предметные представления, а представления о предметных

представлениях; синекдоха как разновидность метонимии, основанная на замене количественных отношений и часто конкретизирующая метонимическое обобщение; перифраз, строящийся на принципе развёрнутой метонимии с заменой какого-либо слова или словосочетания описательным оборотом, в котором указаны признаки не названного прямо объекта; аллегория с характерным для неё ярко выраженным символическим значением абстрактности и всеобщности.

В группе *фонетических средств метафоризации* рассматриваются такие приёмы звукосимволической семантизации, которые являются важными текстообразующими элементами в творчестве художников, когда звуковой повтор выходит за рамки звуковой инструментовки и выступает как источник создания глубинных метафорических смыслов. Сюда относятся такие приёмы вторичного звукосимволизма как: звукоподражание (слова-имитативы, слова-ономатопы), паронимическая аттракция, лейтмотив (анаграммирование). Безусловный приоритет задействованного опыта в виде предметных представлений во всех случаях позволяет говорить о звуковых метафорах, которые легко опознаются, способствуют пониманию и запоминанию, а также образности текста.

В группе *лексических средств метафоризации* исследуется то, что даёт так называемое ситуативное словотворчество, результатом которого являются лексические метафоры. Они пробуждают рефлексию, обеспечивающую реактивацию опыта-знания, так как всякое слово обладает лексическим значением, связанным в сознании с определённым понятием, под которое подводится данное явление внеязыковой действительности. По двум возможным в данном случае способам объективации рефлексии все лексические средства метафоризации разделяются на две группы. В первую группу входят так называемые *фигуры отношений* (см. аналогичный подход у Ю.М. Скребнева [3. С. 143-166]). Такие отношения могут быть отношениями тождества и противоречия, дающими случаи (1) совмещения тождественных или близких по смыслу выражений (тавтология, синонимия, нарастание и разрядка); (2) замещения тождественных или близких по смыслу выражений (неологизмы, эвфемизм, литота); (3) совмещения слов или выражений противоположных по значению (оксюморон, катахреза, антитеза, омонимия, игра слов / каламбур, зевгма); (4) замещения одного

выражения другим, противоположным по значению (ирония). Ко второй группе относятся так называемые *фигуры применения* (основные источники аллюзии, называемой в эпоху Пушкина «применением»): идиомы, пословицы, цитация, антономасия.

В группе *синтаксических средств метафоризации* рассматриваются так называемые «фоновые метафоры» (термин Ю.М. Лотмана), представляющие собой целесообразные отклонения от стилистически нейтральной синтаксической нормы. Отклонения от нормы способны вызвать определённый эффект в отношении усмотрения и построения смыслов и обеспечиваются (1) средствами, в основе которых лежит отсутствие логически требуемых компонентов речи, таких как члены предложения, служебные слова (эллипс, умолчание, различные виды предикации, асиндетон); (2) средствами, связанными с избыточным употреблением компонентов речи (плеоназм, обрамление, подхват, синтаксическая тавтология, многосоюзие, анафора, эпифора, симплока, хиазм); (3) особыми формами синтаксической связи между словами и предложениями (вставные предложения, парцелляция, сочинение вместо подчинения); 4) средствами, заключающимися в необычном размещении компонентов речи (инверсия). В отношении всех этих фигур в целом приоритетной оказывается рефлексия, ведущая к усмотрению текстовых характеристик (почему собственно синтаксические средства, строго говоря, в первую очередь являются даже не средствами метафоризации, а средствами, например, отнесения к определённому виду словесности). В некоторых случаях весьма значимой для них оказывается и рефлексия над знаковыми формами (особенно тогда, когда синтаксические средства выполняют важную для них эмфатическую функцию, выделяя какое-то слово с его лексическим значением). Однако чуть более сильная образность имеет тенденцию «затемнять» все другие результаты рефлексивных процессов, и синтаксические средства метафоризации как инструмент смыслопостроения гораздо эффективнее работают в сочетании друг с другом или с лексическими средствами метафоризации.

Все рассмотренные средства метафоризации представляют собой эффективные инструменты смыслопостроения, так как, будучи средствами непрямой номинации, пробуждают особенно «богатую» рефлексию, захватывающую и вовлекающую в процесс

мыследеятельности все возможные виды опыта. Направленность рефлексии при метафоризациях может быть различной, и именно характер возникающего в этих случаях рефлексивного мостика может выступать критерием для классификации текстовых форм, определяемых как «образные», «логические» и «коммуникативные» средства метафоризации. К первой группе относятся тропеические и фонетические средства, ко второй – лексические, к третьей – синтаксические. Под эту классификацию подпадают абсолютно все (в том числе и не упомянутые) текстовые средства, противоположные средствам прямой номинации.

Деятельностный подход, рассматривающий понимание как особый вид мыследеятельности, к изучению текстовых средств, категоризируемых в качестве средств метафоризации, позволяет рассматривать их именно как средства понимания текста. Трактовка выбора средств текстопостроения как выбора оптимальных средств метафоризации означает возможность говорить о системе обстоятельств для действия с установкой на совершенствование понимания, как со стороны продуцента, так и реципиента текста. В частности речь может идти о системе действия с текстом при установке на разные типы понимания.

Различные ситуации освоения содержательности текста требуют разных способов организованности рефлексии и, следовательно, разных типов понимания. Зависимость типа понимания от содержательности текста и характера деятельности субъекта при рецепции текста была теоретически обоснована Г.И. Богиным (см.: [4]) и им же была построена типология понимания текста, равно как и представлена соответствующая собственно лингвистическая таксономия сложной системы понимания текстов: 1) семантизирующее понимание (Π_1), то есть «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции, например, «незнакомых слов»; 2) когнитивное понимание (Π_2), возникающее при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание; 3) распредмечивающее понимание (Π_3), построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста.

Предложенная типология понимания текста соответствует современным представлениям логики о движении от значения к смыслу (в Π_1 значение и смысл совпадают; в Π_2 и Π_3 смыслы формируются). В ней также учитываются различия между типами опыта, участвующего в «связке» между образами ранее встречавшихся ситуаций и образом ситуации, представленной для освоения в понимаемом тексте. Этот различный опыт служит основанием для построения не только типологии понимания текстов, но и типологии самих текстов по критерию их приспособленности к разным типам понимания. Таким образом, можно выделить тексты для Π_1 , для Π_2 , для Π_3 . В силу того, что смысловая и содержательная характеристичность текста связана с его формальной характеристичностью, закономерно поставить вопрос об оптимальных средствах текстопостроения, работающих на тот или иной тип понимания и определить место и роль метафоризации и метафоричности при производстве и понимании текстов, построенных с установкой на различные типы понимания.

Π_1 построено на прямой номинации и представляет собой случай отнесения означаемого к означающему как к известной знаковой форме. Хотя такое понимание по ассоциации является простейшим, в нём уже участвуют рефлексивные процессы: рефлексия над опытом памяти (внутренним лексиконом) при возникновении трудностей при семантизации. Рефлексия над знаковой формой и выводит на содержательность, то есть на то, что подлежит в тексте пониманию.

Что касается текста для Π_1 , то он в своём чистом виде выступает как упорядоченная последовательность знаков, дающих такую же упорядоченную последовательность значений. Примером может служить текст адаптированной книги на иностранном языке или текст для обучения родному языку, например, в букваре, когда субъект понимания занимается по преимуществу семантизацией слов и грамматических форм.

В текстах для Π_1 в актах рефлексивного восприятия обязательна определённая эпифеноменальность, и сама деятельность понимания имеет место только в том случае, когда возникает переживание разрыва понимания или эта деятельность по необходимости эксплицируется, например, в педагогической позиции субъекта. В этом случае мыследеятельность разворачивается в рамках рефлексивных процессов, как правило, реактивирующих один лишь

опыт действия с текстами и приводящих к усмотрению текстовых характеристик. Отсюда делается вывод об особой значимости синтаксических средств метафоризации в связи с Π_1 . Именно эти средства могут способствовать обеспечению падежных, грамматических и интонационных связей, благодаря которым преодолевается любой разрыв в знаковой и, соответственно, в содержательной цепи. С помощью синтаксических средств метафоризации можно наиболее эффективно осуществлять регулирование меры «избыточность / энтропия», являющейся преобладающим приёмом текстопостроения для Π_1 . Избыточность является основным средством преодоления разрывов в Π_1 , вызванных ошибками в восприятии. Непонятный текст требует объяснения. В текстах для Π_1 объяснение, интерпретация могут быть обращены только на отдельные единицы текста. Тенденция в этом случае заключается в том, чтобы при объяснении снять слишком большую информативность текста, подавить её избыточностью, то есть создать соответствующий контекст. В данном случае речь идёт о создании метафорического контекста с помощью синтаксических средств метафоризации, прежде всего связанных с избыточным употреблением компонентов речи: разных видов повтора, вставных и обособленных конструкций и т. д., что однако не означает запрета вводить художественно-образные актуализации для Π_1 , но злоупотреблять этим не следует. Исключение составляют лишь условные, лексикализованные, или мёртвые метафоры (то, что встречается часто, семантизируется без труда).

Отмеченные закономерности текстопостроения для Π_1 открывают определённые возможности для оптимизации продуцируемых текстов с помощью синтаксических средств метафоризации, а также для обоснованной риторической критики уже имеющихся текстов.

Π_2 отличается от Π_1 заменой знаковой ситуации ситуацией объективно-реальной и оперированием уже не только значениями, но и смыслами, причём важная роль принадлежит знаниям о смыслах. Они выступают как основной рефлексивный материал в Π_2 . Это понимание само есть условие возникновения знания, один из источников понятий. Такие условия образования понятий как обобщение представлений, расширение круга определений, восхождение от чувственно-конкретного к

абстрактному и от абстрактного к мысленно-конкретному прежде всего находит своё отражение в текстах научной и технической литературы. Специфику научно-популярного дискурса обуславливает сложность предмета рассмотрения (фактические данные науки и техники), поэтому вся организация текста направлена на преодоление информационного барьера, возникающего в результате разного уровня знаний коммуникантов. Осуществляется целая система действий, составляющих понятие «популяризации» научной и технической информации. Её главная задача заключается в том, чтобы адаптировать знания автора к знаниям реципиента, что достигается с помощью комплекса концептуальных лингвистических образований, в том числе и средств метафоризации. При построении удачных текстов для P_2 абсолютен только приём регулирования соотношения между экспликационностью и импликационностью. Именно с помощью этого приёма, прежде всего, воплощается принцип объяснительности научного, научно-инструктивного и научно-методического текста. Вербальное эксплицирование (расширение плана выражения при сужении плана содержания на единицу протяжённости текста) является коррелятом экспликации понятий. Оптимизация меры взаимоотношения экспликационности и импликационности достигается главным образом путём регулирования лексического наполнения контекста, в чем важную роль играют лексические средства метафоризации. Организуемые ими редукция предложений и относительно высокая лексическая плотность, то есть число лексических единиц на синтаксическую конструкцию, обеспечивают одновременно энтропию и экспликационность, что может давать в результате довольно насыщенные в смысловом отношении текстовые конфигурации.

Показательны и интересны в этом отношении тексты известного автора Я.И. Перельмана. Так, в своей книге «Занимательная физика» он стремится не столько сообщить читателю новые знания, сколько помочь ему «узнать то, что он знает», то есть углубить и оживить уже имеющиеся основные сведения из физики, научить сознательно ими распоряжаться и побудить к разностороннему их применению. Достигается это рассмотрением пёстрого ряда головоломок, замысловатых вопросов, занимательных рассказов, забавных задач, парадоксов и неожиданных сопоставлений из области физики, относящихся к кругу повседневных явлений или черпаемых из

общеизвестных произведений научно-фантастической беллетристики. Материалом последнего рода составитель пользуется особенно широко, приводя отрывки из романов и рассказов Жюль Верна, Герберта Уэллса, Марка Твена и др.

Закономерно поставить вопрос о роли метафоры для научно-технических текстов как речевом инобытии процессов развития науки и техники по той причине, что многочисленные исследователи давно напрямую связывают проблему метафоры и научно-технический прогресс.

Распредмечивающий характер понимания (P_3) определяется тем, что реципиенту даются непосредственно не смыслы (идеальное), а их превращённая предметная форма (средства построения текста), что заставляет думать об особой значимости метафоризации и метафоричности именно в связи с этим типом понимания текста. Выступая как информационный процесс для усвоения субъективной реальности, P_3 оказывается способом усмотрения общественных отношений в состояниях человека, то есть придаёт им чувственно-доступный вид. Чувственное усмотрение субъективных реальностей предопределяет значительную роль рефлексии, результатом которой являются образы и образность в связи с P_3 .

Для P_3 приёмом текстопостроения, поддерживающим каждую черту рефлектируемого образа ситуации, то есть приёмом, способствующим процессуальности образа, является актуализация текстовых форм. Избегание продуцентом текста для P_3 прямых номинаций субъективных реальностей и сосредоточивание своего таланта на актуализации текстовых форм, вызванные предвидением интерпретации, предстоящей реципиенту, обуславливают особую сложность текстопостроения для этого типа понимания. Тексты для P_3 – это, как правило, художественные тексты, намеренно эстетизированные отрезки текстов для P_2 или эстетизированные тексты на подъязыке разговорной речи. В данном случае использование совокупности всех возможных текстовых средств, противоположных средствам прямой номинации, является эффективным способом создать нечто новое. При этом необходимо указать и на актуальность, приобретаемую в данном случае собственно тропеическими и фонетическими средствами пробуждения рефлексии по сравнению со случаями P_1 и P_2 , когда художественная образность может скорее затруднить обеспечение

избыточности и экспликационности как главных характеристик хороших текстов для указанных типов понимания соответственно. Однако и полное отсутствие «образных» средств метафоризации в текстах для П₃ может стать метаединицей, определяющей их метасмысловую характеризованность.

Исследование механизмов конструирования и видов функционирования метафоры как средства пробуждения рефлексии, а также постановка вопроса о категории метафоризации как метасредстве понимания предопределяют последующую задачу представить в идеале различные модификации метафоризаций в виде параметрической модели, дающей целостное представление об их программируемой риторико-герменевтической способности.

Библиографический список

1. Лучинская Е.Н. Герменевтический код в интерпретации художественного текста // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация: Сборник научных статей. Вып. 4. Армавир: РИО АГПА, 2015. С. 92-97.
2. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность в системе понимания текста: Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 120 с.
3. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 221 с.
4. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 85 с.

Сведения об авторе

Крюкова Наталия Фёдоровна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой английского языка
Тверского государственного университета
E-mail: nakrukova@mail.ru

УДК (811.111'374.2:811.161.1'374.2):621.039

ИНФОГРАФИКА КАК СПОСОБ ЗРИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДНОМ ДВУЯЗЫЧНОМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

И.О. Фролов

Ивановский государственный университет, Иваново

В статье рассматривается возможность использования инфографики как одного из способов зрительной семантизации в специальных словарях. В наши дни область применения инфографики значительно расширилась. Она является важным визуальным источником, позволяющим глубже понять термины. Введение инфографики в специальные словари позволит правильно и быстро раскрывать и понимать значение того или иного слова, а значит будет выполнять главную функцию семантизации.

Ключевые слова: лексикография, терминология, LSP-словари, семантизация, иллюстрация, инфографика, атомная энергетика.

Infographics as a Means of Visual Semantization in a Translated Bilingual Dictionary of Nuclear Terminology

Ilya Frolov

The article looks at infographics as a means of visual semantization in LSP-dictionaries. In the recent years, the scope of infographics has expanded considerably, making it an important visual source which allows for a deeper understanding of terminology. The introduction of infographics to LSP-dictionaries enables users to understand the meaning of words quickly and correctly, thus functioning as an important means of semantization.

Key words: lexicography, terminology, LSP-dictionaries, semantization, illustration, infographics, nuclear power industry.

Многие лексикографы отмечают, что словарь – это продукт эпохи. С этим нельзя не согласиться, потому что создание словаря во многом зависит от конкретных культурно-исторических условий, от состояния теоретической лингвистики и других наук. Учитывая изменчивость этих условий, очевидно появление все новых типов словарей, как с точки зрения составления, принципов отбора лексического материала, так и с точки зрения оформления, визуального представления научного знания. Это особенно характерно для словарей узкоспециальных, где структура и содержание словарной статьи и словаря в целом во многом диктуется уровнем развития и потребностями той или иной науки, например, атомной энергетике.

XXI век – это время стремительного и безудержного прогресса. Атомная энергетика занимает в нем немалое место. Сегодня она является необходимой отраслью промышленности не только нашей страны, но и всего мира. В связи с этим развитие переводной, большей частью двуязычной, лексикографии имеет фундаментальное значение для этой отрасли. Значимость правильного и адекватного перевода в сфере атомной энергетике очень велика, так как ошибка может привести к непоправимым последствиям. Необходимость составления словарей для этой отрасли постоянно возрастает. Таким образом, создание нового англо-русского терминологического словаря по атомной энергетике может служить средством решения весьма актуальных задач как в энергетике, так и в лексикографии. К последней относятся: совершенствование уже существующих типов словарей, создание словаря нового типа на основе новых технологий и актуальных принципов и т. д. В данной статье рассматривается такой актуальный принцип, используемый при составлении словаря для специальных целей, как визуальное представление терминов и терминосистем.

В наше время существует огромное количество разнообразных словарей. Они по-разному составлены, по-разному оформлены и служат для различных целей. Но неоспорим тот факт, что хороший дизайн словаря в значительной мере зависит от понимания его особенностей и аудитории, для которой он предназначен. Важно выстроить целостную композицию всего издания, т. е. такую организацию художественного оформления и отдельных словарных элементов, которая создаст внутреннее единство. Ключевым компонентом полиграфического набора выступает графическая иллюстрация [1. С. 53].

Зачастую под иллюстрацией понимается рисунок, фотография, таблица, чертеж, график и т. д. Иллюстрации являются значимым компонентом в формировании мегаструктуры словаря, а также необходимым и полезным материалом при работе со словарем. Иллюстрации следует рассматривать не как украшение, а как важный источник визуальной информации, позволяющий глубже понять термины. Словесные дефиниции терминов, конечно, необходимы читателю, однако лучшим способом до конца разобраться в образно-смысловой структуре единиц, вызвавших трудность для понимания и перевода, является знакомство с графическими иллюстрациями.

В. Д. Табанакова, исследуя значение и роль иллюстрации в словарях для специальных целей, приходит к выводу о том, что она может использоваться «как единственное, основное средство семантизации, так и дополнительное, в дополнение к определению и описанию» [2. С. 133]. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», графические иллюстрации имеют следующие функции:

- семантизация слова (изображение предмета, который сложно описать компактным определением);
- раскрытие семантических полей, в которые входит данное слово;
- показ разновидностей и устройства предметов.

В результате изучения роли графических иллюстраций в специализированных текстах и словарях Х.И. Пихт приходит к выводу о том, что не все понятия могут быть объяснены через призму рисунков. Существует два ограничения:

- понятия и характеристики чувственного восприятия (например, *temperature, smell, sound, temper*);
- понятия и характеристики умственного восприятия (например, *rights, obligations, hypothesis, theories*) [3. С. 232].

Однако составители словарей и оформители текстов ищут способы изображения таких понятий и, как правило, используют словесные примеры в дополнение к ним.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- наглядность в словаре способствует быстрому усвоению и восприятию сведений;
- иллюстрации упрощают работу с новой лексикой;
- результат запоминания выше при опоре на образный материал;
- графики и таблицы систематизируют знания, позволяя легко их освоить;
- осязаемые примеры способствуют работе зрительной памяти и ассоциативного мышления, что существенно помогает при заучивании слов и словосочетаний;
- компактное представление информации в виде картинок, схем и т. д. позволяет заменить большой объем текста.

Исходя из полученных выводов, предлагается ввести в словарь тренд XXI века – инфографику, которая до сих пор использовалась только в журналистике и дизайне, и пока еще не нашла должного применения в словарях. Таким образом цель настоящего исследования и его новизна заключается в том, чтобы познакомить читателя с понятием «инфографика» и обозначить место и значение инфографики в переводной лексикографии.

Инфографика – это сокращение словосочетания «информационная графика», обозначающее один из графических способов представления информации. М. Смикиклас под данным термином понимает визуализацию данных или понятий, цель которой – представить аудитории сложную информацию так, чтобы она могла быть быстро воспринята и легко понята [4. С. 12]. По определению бельгийского ученого Поля Луи, инфографика – это «перевод чисел в форму рисунка, эскиза или поясняющего плана или иллюстрации» [5. С. 10]. По мнению Р. Крама, «инфографика – это графический дизайн в широком смысле, одновременно включающий в себя визуализацию данных, использование иллюстраций, подготовку текста и изображений» [6. С. 34]. Таким образом, суть инфографики выходит за рамки простого иллюстрирования.

С нашей точки зрения, инфографика – это синтетическая форма организации информации, это такое сообщение, которое включает как визуальные элементы, так и тексты, которые их поясняют. Таким образом, инфографика используется для четкой и оперативной передачи вербальной информации с моделированием связанных с ней визуальных образов. При переработке большого объема информации именно визуализация становится мощным средством от «аналитического ступора» и способствует более эффективному пониманию важной информации целевой аудиторией.

В любой отрасли существует бесконечное множество взаимосвязей, и атомная отрасль не исключение. Можно выделить следующие типы информации, встречающиеся при описании предметной области «атомная энергетика»:

- взаимосвязи;
- география;
- идеи;
- иерархия;
- процессы;

- статистика;
- структура;
- хронология.

Очень важно осознавать систему внутренних и внешних отношений, в которых задействована атомная отрасль. Яркими примерами таких связей могут служить: внешняя связь атомной отрасли с государством и международным сообществом, внутренняя связь между атомными электрическими станциями, как частями эксплуатирующей организации и т. д. Инфографика, отражающая связи между людьми, например, сотрудниками АЭС, ускоряет понимание взаимосвязей, важных для атомной отрасли. Зачастую эффективнее и легче обдумывать вещи, важные для отрасли, осознавая, какую роль во всей структуре предприятия играют отдельные элементы.

Географическую информацию уже много веков представляют в виде различного рода карт. основополагающей задачей, которую решает составление карт, является передача данных о местоположении. Таким образом, при помощи инфографики можно рассказать о расположении атомных станций в России и мире (см. рис. 1), а также о показателях их работы в регионах. Важным источником информации будет и карта месторождений ядерных материалов.

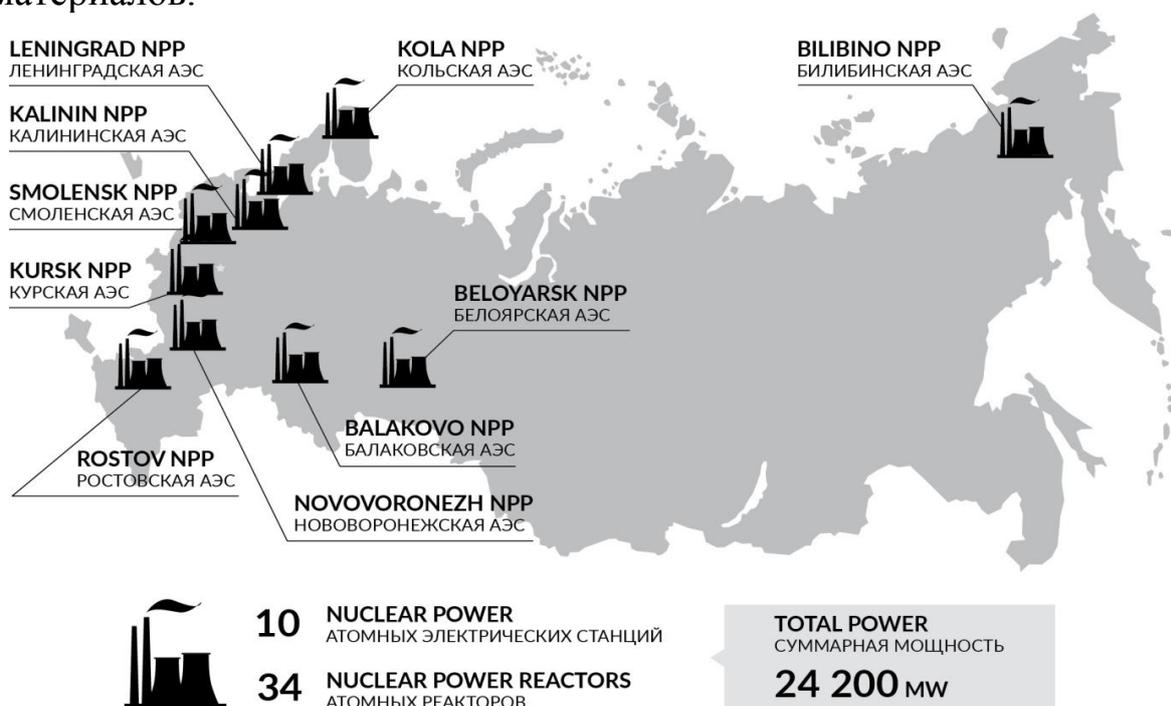

Рисунок 1. Атомные электрические станции России

Однако информация не всегда предстает в виде статистических данных или цифр. Можно визуализировать идеи, понятия или различные теории ядерной и нейтронной физики. Такую «умную» картинку аудитория будет воспринимать быстрее и эффективнее.

В целях представления информации об обязанностях, ролях сотрудников в структуре атомной отрасли можно использовать иерархию. Иерархия представляет собой упорядоченное размещение элементов на более низком, более высоком или одном и том же уровнях по отношению друг к другу. Безусловно, главная иерархия представляется в виде организационной структуры атомной отрасли в целом и ее составляющих разного уровня, таких как станции, цеха, смены и т. д.

Неотделимо связаны с атомной отраслью и процессы. Каждый день сотрудники выполняют целый ряд стандартных действий, согласно инструкциям. Визуализация процессов в атомной отрасли поможет лучше понять, чем занимается отрасль и как она работает. В качестве примера можно использовать визуализацию ядерного топливного цикла: от добычи урана до передачи электроэнергии потребителям (см. рис. 2). Интересной будет и инфографика, отражающая процесс сооружения атомных станций: от проекта до ввода в эксплуатацию.

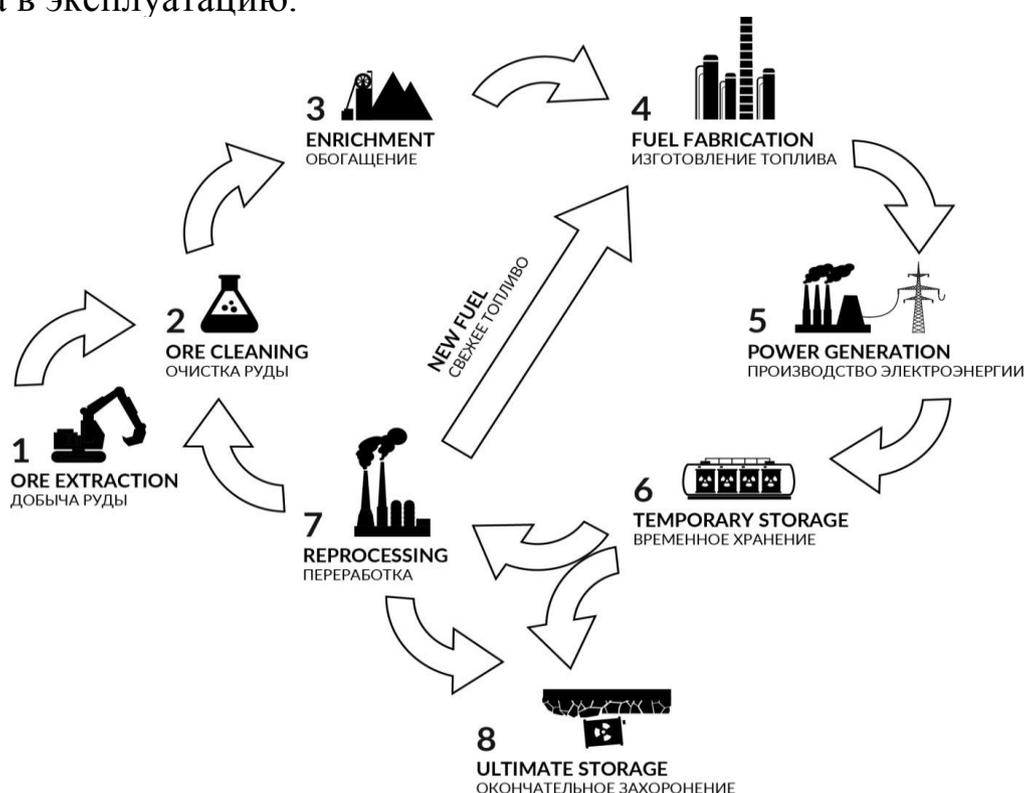

Рисунок 2. Ядерный топливный цикл

Больше всего инфографика востребована при описании статистических данных. Статистика всегда помогает нам понять отрасль. Под статистикой понимаются такие показатели, как количество реакторов в «ядерных» странах мира, доля производства электроэнергии атомными станциями, суммарная годовая мощность работающих энергетических блоков, статистические данные о радиационной обстановке и т. д.

Под структурой понимаются составные части или компоненты отрасли. Это основное и вспомогательное оборудование, используемое на энергоблоках.

Хронология – это представление ряда событий в том порядке, в котором они происходят. В этом случае инфографика служит отличным инструментом для того, чтобы показать историю развития атомной отрасли и акцентировать внимание на отдельных и самых интересных ее этапах. Кроме того, с помощью инфографики можно представить графики сменной работы персонала атомных станций и графики плановых ремонтов объектов атомной энергетики.

Компьютерная эпоха превратила нас в поколение людей-визуалов, которое черпает информацию фрагментарно. Современный человек зачастую привык общаться картинками, а не словами. Темп жизни настолько ускорился, что у него просто нет времени, чтобы читать длинные тексты, вычлняя из них нужную информацию. В связи с этим инфографика оказывается незаменимой в целях передачи информации внутренней и внешней аудитории и обеспечения эффективного восприятия данных.

Неоднократные исследования человеческого мозга, которые посвящены физиологии зрения и способам обработки зрительной информации, приводят к неоспоримым выводам о целесообразности включения инфографики в процесс составления двуязычного переводного терминологического словаря. Согласно данным Массачусетского технологического института (MIT) зрение обеспечивается огромной частью человеческого мозга. Около 50 % мозга прямо или косвенно связано с функциями зрительного восприятия. В связи с этим можно констатировать тот факт, что нашему мозгу легче воспринимать инфографику, чем чистый текст. Человек считывает данные в виде рисунка сразу, а текст – последовательно (см. рис. 3).

При использовании инфографики в словарях физически упрощается восприятие и понимание представленной информации аудиторией. Визуальная информация не требует усилий. Она буквально проникает в наше сознание. «Когда вы пробираетесь через густые информационные джунгли, то, найдя красивый график или гармоничную визуализацию данных, вы испытываете облегчение» [7].

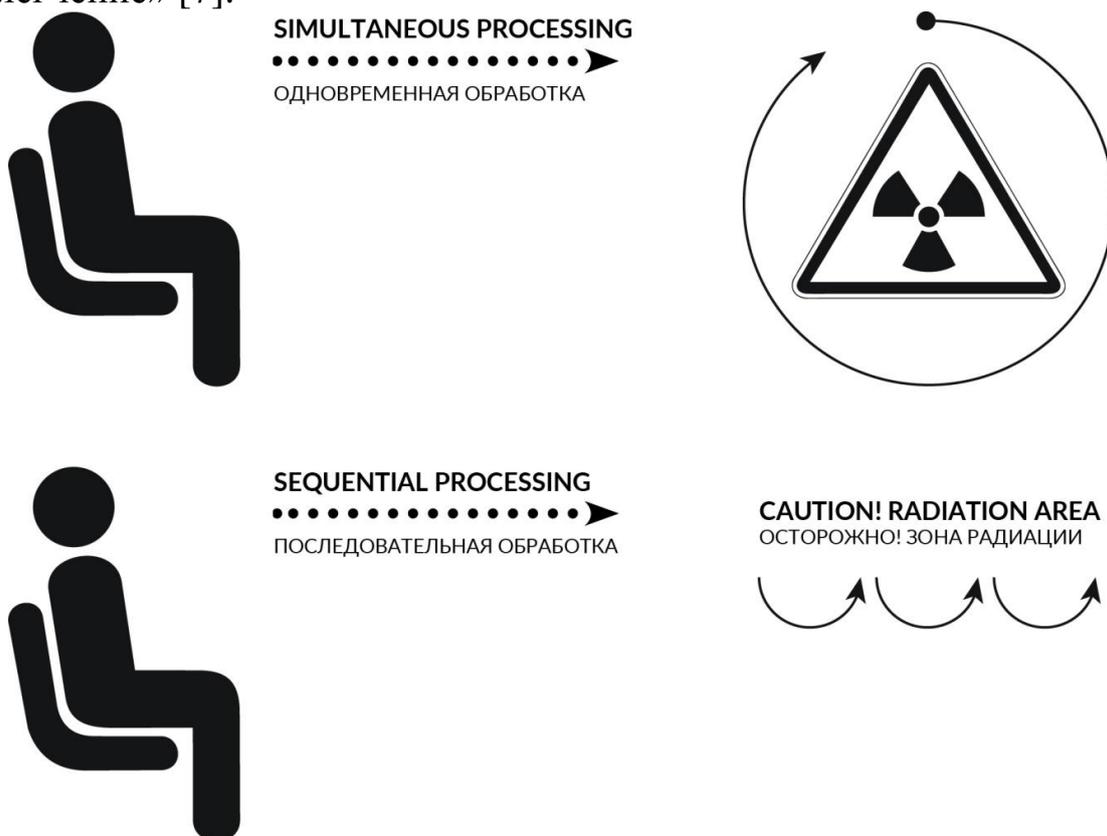

Рисунок 3. Восприятие информации при одновременной и последовательной обработке

Суммируя, можно утверждать, что грамотное осуществление процесса семантизации немислимо без визуальных подкреплений. При толковании данного способа семантизации термин «наглядность» стоит понимать буквально. Отсюда возникает требование – использовать иллюстрации, визуализировать информацию. Инфографика же делает информацию более заметной и понятной для аудитории, так как наш мозг настроен на восприятие вещей, которые выделяются в ряду остальных. Введение инфографики не только в микро-, но и макроструктуру словаря и, следовательно, ее применение в процессе зрительной семантизации

термина определенно будет не только служить элементом новизны и уникальности словаря, но и выполнять главную функцию семантизации – правильно и быстро раскрывать значение того или иного слова. Разработка принципов предметной соотнесенности при семантизации вокабул в терминологические словари, а также детализация их вербальной обработки – все это обеспечивает более полное проникновение в природу термина и, несомненно, значимо для создания этих типов словарей.

Библиографический список

1. Германова О.А. Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние: Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 262 с.
2. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2001. 288 с.
3. Picht H. Non-verbal Graphic Representation of Concepts // Ивановская лексикографическая школа: традиции и инновации. Иваново, 2011. С. 220-236.
4. Смикиклас М. Инфографика. Коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб.: Питер, 2014. 152 с.
5. Лаптев В.В. Изобразительная статистика. Введение в инфографику. СПб.: Эйдос, 2012. 180 с.
6. Крам Р. Инфографика. Визуальное представление данных. СПб.: Питер, 2015. 384 с.
7. Маккэндлесс Д. Инфографика. Самые интересные данные в графическом представлении. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 264 с.

Сведения об авторе

Фролов Илья Олегович
аспирант кафедры английской филологии
Ивановского государственного университета
E-mail: ilya.olegovich.frolov@mail.ru

УДК 811.111'42

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИИ В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ (1972-2012)

Т.И. Шутова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлены результаты исследования, посвящённого выявлению динамики концептуализации понятия “democracy” в американском дискурсе противодействия терроризму. Исследование выполнено с применением корпусно-ориентированного дискурс-анализа на материале специально составленного корпуса текстов объёмом около 730 тыс. слов. Корпус включает документы и тексты выступлений ведущих американских политиков в период 1970-2010-х гг. Исследование выявило расширение содержательной составляющей концепта “democracy” после событий 11 сентября 2001 года. Представление демократии как характерной для западных стран формы правления дополняется пониманием демократии как общемировой ценности, противопоставленной экстремизму и исламскому фундаментализму. Наряду с этим всё более очевидным становится связь демократии с идеологией глобализма (свободного рынка и рыночных реформ).

Ключевые слова: демократия, терроризм, политический дискурс, корпусно-ориентированный дискурс-анализ, концептуализация.

The Construction of Democracy in the Official U.S. Counterterrorism Discourse (1972-2012)

Tatiana Shutova

The article summarizes the key findings of a corpus-driven research into the semantic changes in the conceptualization and representation of democracy in the American counterterrorism discourse. The research was conducted on the basis of a specifically designed corpus of about 730,000 words which includes documents and transcripts of topic-related speeches by the leading American politicians of the 1970s to 2010s. The research has shown a considerable widening of meaning associated with the concept of “democracy” in the time frame under study, from its understanding as a largely Western form of government characterized by the rule of law, rights, and freedoms for all to democracy’s understanding as a highest value and its discursive opposition to extremism and Islamic fundamentalism.

Keywords: democracy, counterterrorism, political discourse, corpus-driven discourse analysis, conceptualization.

Дискурсивный «поворот» в гуманитарном знании обусловил рост интереса к проблемам дискурсивного конструирования социальной реальности [1; 2; 3; 4]. В статье анализируется динамика языкового конструирования феномена демократии в дискурсе противодействия терроризму. Материалом исследования послужил

специально составленный корпус текстов объемом порядка 730 тысяч слов, который включает доклады, интервью, обращения официальных лиц США (президентов, госсекретарей, министров обороны, послов и представителей ЦРУ) в период с 1972 по 2012 годы.

Часть корпуса, представляющая период с 1972 по 2007 гг., взята из книги “The Evolution of U.S. Counterterrorism Policy” [5]. Для расширения корпуса текстов до 2012 года был произведён поиск речей и письменных документов на сайтах www.whitehouse.gov, www.state.gov and www.defense.gov. В корпус были включены все размещённые на этих сайтах тексты, посвящённые теме терроризма, противодействия терроризму или связанным с ним событиям (например, 11 сентября 2001 г.).

Основным методом исследования является корпусный (точнее, корпусно-ориентированный) дискурс-анализ [6; 7; 8].

Для анализа эволюции концепта “democracy”, корпус текстов был поделён на три подкорпуса:

- 1972 – 10 сентября 2001 г. (до событий 11 сентября 2001 г.; подкорпус насчитывает 78 159 слов);
- 11 сентября 2001 г. – январь 2009 г. (до избрания Б. Обамы президентом США; подкорпус насчитывает 423 842 слов);
- февраль 2009 – декабрь 2012 (первый срок президентства Б. Обамы; 163 634 слов).

1972 год был выбран в качестве точки отсчёта, поскольку именно в этом году президент США Р. Никсон впервые заговорил о террористической угрозе и предложил законодательные инициативы и конкретные инструменты противодействия терроризму, а после теракта на Мюнхенской олимпиаде 1972 года его указом был учреждён правительственный комитет для борьбы с терроризмом (*Cabinet Committee to Combat Terrorism*) для координации усилий по противодействию терроризму.

Границами других временных срезов стали события 11 сентября 2001 г. и годы президентства Дж. Буша и Б. Обамы.

Выбор словосочетаний для анализа производился путём статистической KWIC-выборки (*keyword in context*) с помощью двух специализированных программ для корпусного анализа текстов – *Antconc3.4.1w* и *kwic*. Обе программы находятся в свободном доступе в интернете и отвечают критериям доступности, простоты и удобства

использования, обладая интуитивно-понятным интерфейсом (см. рис. 1).

The screenshot shows the KWIC software interface with a table of text segments. The table has five columns: File, line, Left, Key, and Right. The 'Key' column contains the word 'democracy' in red text, which is highlighted in the original image. The 'Left' and 'Right' columns contain the surrounding text from the original document. The interface also shows a menu bar with 'Copy', 'Font', and 'Line' options, and a status bar at the bottom indicating 'Totals: 74' and 'Auto View'.

File	line	Left	Key	Right
20092...	17	have struggled against long odds to sustain their	democracy	. The people of Pakistan want the same things tha
20092...	21	th Pakistan is grounded in support for Pakistan's	democratic	institutions and the Pakistani people. And to de
20092...	22	nd roads and hospitals, and strengthen Pakistan's	democracy	. I'm also calling on Congress to pass a bipartis
20092...	96	om the strength of its arms but from the enduring	democratic	values that bind our nations together. And from t
20092...	109	day -- to honor the values that animate American	democracy	and, I might add, that bind us to all of you in t
20092...	127	sufficient. We also need to wield development and	democracy	, two of the most powerful weapons in our collecti
20092...	127	grounds for extremism, conflict and disease. Non-	democratic	nations frustrate the rightful aspirations of the
20092...	128	uces sustainable supplies of food, and to advance	democracy	not through the imposition of force from the outs
20092...	131	renews our emphasis on diplomacy, development and	democracy	, and preserving our planet, we will ask our allie
20092...	135	on the principles and the documents referring to	democracy	, individual liberty, and the rule of law. We made
20092...	226	ause of a twisted, distorted ideology. And we, as	democracies	and as people who value human life, can't allow t
20092...	278	affairs programs foreign assistance, development,	democracy	promotion as simply extensions of the fight again
20092...	297	be resolved through diplomacy, dialogue, and the	democratic	process. That is why we are supporting national e
20092...	297	th Pakistan is grounded in support for Pakistan's	democratic	institutions and the Pakistani people. That is wh
20092...	321	ve also struck at one of the great symbols of our	democracy	in Washington, and killed many more. As we know,
20092...	356	iding substantial resources to support Pakistan's	democracy	and development. We are the largest internationa
20092...	513	etmination. That is why we have a stake in the	democratic	aspirations that are now washing across the Arab

Рисунок 1. Пример KWIC-выборки для подкорпуса 2009-2012 гг.

Для анализа каждого из трёх подкорпусов были применены следующие процедуры:

1) поиск буквосочетания “*democra*” по всем подкорпусам с целью выявить все производные слова “*democracy*” с последующим анализом результатов по каждому производному слову за каждый период (см. рис. 1);

2) группировка словосочетаний для дальнейшего семантического анализа;

3) анализ рядов однородных членов со словом “*democracy*” и его производными для определения того, с чем ассоциируется демократия и чему она дискурсивно противопоставляется на каждом из трёх хронологических срезов.

Анализ частотности производных слов с компонентом “democra-”

В таблице 1 показано абсолютное количество и процентное содержание слов с компонентом “*democra-*” во всех подкорпусах.

Таблица 1

Слова с компонентом “*democra-*” и их частотность в корпусе

Слово / период	1972-2001 (93 вхождений) 0.0007 %	2001-2009 (491 вхождений) 0.001 %	2009-2012 (74 вхождений) 0.0005 %	Итого (658 вхождений) 0.0009 %
Democracy	32	234	31	297
Democratic	31	172	27	230
Democracies	24	24	6	54
Democrat(s)	1	34	8	43
Democratically	1	17	1	19
Democratization	-	6	-	6
Democratizing	-	3	-	3
Democracy's	2	-	-	2
Anti-democratic	1	-	-	1
Democratize	1	-	-	1
Undemocratic	-	1	-	1
Non-democratic	-	-	1	1

Как видно, наибольшей частотностью слов с компонентом “*democra-*” (не только в абсолютном измерении, но и в процентном отношении) характеризуется период 2001-2009 гг. “*Democracy*” и однокоренные слова упоминались в 2001-2009 гг. в среднем в 1,5 раза больше, чем в 1972-2001 гг. и в 2 раза больше, чем в 2009-2012 гг.

В 1972-2001 гг. два основных значения слова “*democracy*” («демократическая форма правления» и «страна с демократической формой правления») представлены примерно одинаково, 29 против 26, в то время как в последующие годы первое значение начинает преобладать: в 2001-2009 гг. соотношение 199 против 61, а в 2009-2012 – 29 против 7. Эта динамика свидетельствует о смещении смыслового фокуса, итогом которого стало, в частности, характерное для настоящего времени противопоставление демократии и терроризма в рассматриваемом типе дискурса.

Примечательна количественная динамика глагола “*democratize*” и его производных (“*democratizing*”, “*democratization*”): если в подкорпусе 1972-2001 гг. глагол “*democratize*” встретился всего один раз, то в текстах 2001-2009 гг. его производные использовались уже 9 раз. Эта тенденция свидетельствует об укоренении в американской политической риторике трактовки демократии как феномена, ставшего следствием определенных действий.

Далее все словосочетания с компонентом “*democracy / democratic*” были разделены на несколько групп: *Adj + D* (где *D* означает “*democracy/ies*”), *N + Prep + D*, *D + N*, *V_{tr} + D*, *D + V*, *V_{intr} + Prep + D*. Это позволило дать более глубокую смысловую характеристику рассматриваемого феномена. В скобках представлено количество вхождений каждого слова в соответствующий период.

В 1972 – 2001 гг. в атрибутивных словосочетаниях демократия представлена или как явление, характерное для развитых стран (*western (3)*, *industrialized (3)*, *industrial*), или как нечто находящееся в процессе становления (*new*, *fledgling*). При этом положительные характеристики – *successful (2)* и *great* – противопоставляются единственному отрицательному определению – *threatened*.

Среди предложных словосочетаний преобладают три значения: демократия представляется как (1) нечто ценное (*respect for D*, *commitment to D*); (2) нечто находящееся под угрозой (*enemies of D (2)*, *threat to D (2)*, *hatred for D*, *war against D*, *challenge to D*, *dependence of D*); (3) нечто абстрактное (*idea of D*, *path of D*, *expansion of D*).

Второй подкорпус (2001-2009 гг.) включает значительный объём политических речей и документов, вышедших после событий сентября 2001 г. Поиск словосочетаний с компонентами “*democracy/ies*” and “*democratic*” дал 430 результатов. Основная масса вхождений приходится на первые 4-5 лет после вышеупомянутых событий.

Адъективные словосочетания характеризуют демократию (1) как стабильную и действующую: *thriving (3)*, *lasting (3)*, *secure (2)*, *strong (2)*, *functioning (2)*, *stable*, *full*, *practicing*; (2) имеющую привязку по географическому или религиозному признаку: *Iraqi (3)*, *Japanese (2)*, *Lebanese (2)*, *secular (2)*, *Middle Eastern*, *American*, *Brazilian*, *regional*, *Islamic*, *non-sectarian*; (3) молодую и хрупкую: *young (18)*, *new (11)*, *rising (3)*, *fragile*. Подавляющее большинство прилагательных положительно окрашены: *constitutional*, *unified*, *peaceful*, *great*, *open*, *free*. В отличие от предыдущего подкорпуса очевидно смещение фокуса в сторону международной, внешней (по отношению к США) ориентации.

Именные словосочетания представляют демократию ценным, желаемым и сугубо положительным явлением. Она конструируется как идеал (*promise of D (3)*, *appeal of D*, *pursuit of D*, *faith in D*), который нужно продвигать или к которому нужно стремиться

(*advance of D* (3), *road to D* (2), *transition to D*, *path of D*, *spread / spreading of D* (2), *way toward D*). Демократия оценивается только положительно: *success of D* (3), *gains of D*, *progress of D*, *triumph of D*, *power of D*, *appreciation for D*, *value of D*. При этом она требует или предполагает ответственность (*commitment to D* (3), *responsibility of D*), а также нуждается в помощи: *support of / for D* (3), *endowment for D*, *guardians of D*). Демократия может стать объектом угроз: *enemies of D*, *threats to D*, *war against D*, *attacks against D*. В целом, большое количество словосочетаний с данным компонентом отражают интенсивную рефлексивную реакцию вокруг феномена демократии и, соответственно, растущую социальную значимость данного конструкта: *essence of D* (2), *work of D* (2), *notion of D* (2), *element of D* (2), *principle of D*, *history of D*, *institutions of D*, *questions of D*, *vision of D*, *traditions of D*, *structures for D*, *ideology of D* и др.

Глагольные словосочетания с компонентом “democracy/ies” значительно более разнообразны. В большинстве из них “democracy” – это объект (85), а не субъект действия (28).

В словосочетаниях субъектного типа демократия ассоциируется с распространением и самозащитой: она *succeeds* (2), *grows* (2), *takes hold*, *grows strong*, *thrives*, *prevails*, *strengthens*, *expands*, *spreads*, *rises up*, *puts down / takes roots*, *becomes whole*. Демократии *survive* (4), *defend themselves*, *protect their people* и *train their own forces*, что также свидетельствует о внешней опасности для демократии. Наконец, как форма правления, демократия *requires* (2), *takes (different forms)*, *respects (rights)*, *uses (procedures)* и *guarantees*.

Семантические группы глагольных словосочетаний, в которых “democracy” является объектом действия, в целом аналогичны номинативным словосочетаниям: (1) демократия – нечто желаемое, в сторону чего происходит движение: *to embrace D* (3), *to bring D* (2), *to celebrate D*, *to reach / head toward D*, *to want D* и др.; (2) для собственного развития и укрепления демократии требуются помощь и защита: *to help D* (10), *to support D* (6), *to promote D* (5), *to strengthen D* (3), *to encourage D* (2), *to defend D* (2), *to secure D*, *to protect D* и др.; (3) присутствует опасное противодействие демократии – силы, стремящиеся *undermine D* (2), *threaten D* (2), *stop D*, *reject D*, *render D impossible*, *hurt D* и которые *can't stand D* (2).

В целом, период 2001-2009 гг. демонстрирует значительный сдвиг в понимании географической «привязки» демократии: во-

первых, отмечено большое количество определений, относящих демократии к определённой стране или региону (в основном региону Ближнего и Среднего Востока в противоположность характерному для предыдущего периода уклону в сторону западных стран). Ещё одной характерной для данного подкорпуса смысловой доминантой является представление демократии как объекта угроз (нуждающейся в защите).

Подкорпус 2009-2012 гг. не даёт большого количества словосочетаний с компонентом “democracy/ies”. В американской политической риторике это понятие трансформируется в абстрактный идеал, к которому нужно стремиться и за который нужно бороться. Демократия определяется как *American, strong, stable, emerging, diverse*. Именные словосочетания представляют её как привлекательный феномен: *symbols of D (2), tenet of D (2), emphasis on D, side of D, turn to D, movement toward D* и др. Глагольные словосочетания акцентируют внимание на необходимости развития и укрепления демократии: *to strengthen D (2), to sustain D, to support D, to spread D, to advance D, animate D*. В целом, небольшое количество словосочетаний не позволяет сделать обоснованные заключения.

Следующим шагом в исследовании эволюции дискурсивного представления демократии в американской политической риторике стал анализ однородных членов предложения и контекстуальных синонимов и антонимов. При этом мы исходили из того, что однородные члены предложения семантически идентичны или как минимум близки по значению, что делает их контекстуальными синонимами. Более продолжительные отрезки текста также подвергались анализу, если они контекстуально отождествляли демократию с каким-либо конкретным понятием или противопоставляли ему, тем самым уточняя характеристики исследуемого феномена.

Как показал анализ, в 1970-1990-х гг. демократия в основном ассоциировалась со свободами, правами человека и верховенством закона (*rule of law (10); respect for human rights / life (6); open society (5); freedom / free society (5); pluralism (2); civilized society* и др.). Периоды 2001-2009 и 2009-2012 сближают понимание демократии с соблюдением прав человека (*human rights (9); tolerance (4); equal rights for women (3); free labor unions; minority rights*), миром и безопасностью (*peace (16); stability (6); security (4); safety (3)*) и

общечеловеческими ценностями (*hope* (11); *prosperity* (8); *progress* (2); *future* (2); *dignity*; *power of the individual*; *self-determination*; *education*; *choice*; *well-being* и др.). Свобода и гражданские свободы становятся особенно значимой ассоциацией с демократией в 2001-2009 гг., когда она составляет до 50 % всех контекстуальных синонимов для демократии (45 вхождений, среди них *freedom of religion* (5), *freedom of vote* (2), *freedom of expression* (2), *freedom of speech*, *freedom to assemble*, *economic freedom*).

В 2001-2009 и 2009-2012 гг. обращает на себя внимание появление глобализационной рыночной составляющей в структуре данного понятия. Демократия всё чаще ассоциируется с рыночной экономикой и экономическим развитием, которые интерпретируются как необходимая составляющая демократического общества (15 вхождений в 2001-2009 гг., среди них *free markets* (3), *economic opportunity* (3), *market economy* (2), *economic development* (2), *open markets* и др.; и 6 вхождений в 2009-2012 гг.: *economic development* (2), *economic growth*, *free market*, *economy*, *commerce*).

В целом подкорпус 2001-2009 гг. представляет демократию как ценность, стоящую в одном ряду со свободой, миром, надеждой и процветанием человечества. Подкорпус 2009-2012 гг. воспроизводит те же смыслы на более скромном объёме материала; единственным отличием является некоторое уменьшение удельного веса смыслового компонента «свобода» в ассоциативном ряду (всего 7 вхождений по сравнению с 45 в предыдущем периоде).

Количество контекстуальных антонимов лексемы *democracy* невелико, при этом демократия в основном противопоставляется терроризму (это самый частотный антоним в периодах 1972-2001 гг. и 2001-2009 гг.), экстремизму и диктатуре (связь присутствует во всех трёх периодах). Примечательной иллюстрацией историчности анализируемого языкового конструкта можно считать противопоставление демократии тоталитаризму и марксизму в 1972-2001 гг. (*totalitarianism* (2), *Marxist-Leninist values*). В период 2001-2009 гг. демократия противопоставляется (религиозному) фанатизму и (исламскому) фундаментализму. В это время демократия определяется в своём отличии от определённых режимов, поэтому среди антонимичных ей понятий появляются *tyranny*, *radicalism*, *sectarianism*, *Saddamism*, *despotism*, *authoritarianism*, а также *torture*,

control by tiny elite, secret police, insurgency, repression, assassination, corruption как элементы этих режимов.

Наконец, в подкорпусе 2009-2012 гг. демократия противопоставляется уже не только терроризму, но и экстремизму (во многих контекстах последние понятия могут взаимозаменяться), а также автократии, авторитаризму и диктатуре. Демократия находится также в опосредованном противопоставлении с такими явлениями как *corruption, destruction, conflict* (которые характеризуют «недемократические» страны)

Проведённый анализ выявил существенную динамику в концептуализации демократии в американской политической риторике. Анализ сочетаемости слова “*democracy*” и его дериватов, контекстуальных синонимов и антонимов показали значительное расширение значения, ассоциируемого с понятием демократии в связи с глобализацией и событиями 11 сентября 2001 года. Речь идёт о расширении географической «привязки» феномена демократии и демократических форм правления, и появлении новых ассоциативных смыслов. Наряду с пониманием демократии как западной формы правления, построенной на уважении закона, прав и свобод личности, появляются смысловые компоненты, отражающие связь демократии с экономической свободой и рыночной экономикой и дискурсивное представление демократии как политической альтернативы терроризму, исламскому фундаментализму и экстремизму.

Библиографический список

1. Fairclough N. Language and Globalization. Routledge, London and New York, 2006. 200 p.
2. Hodges A. Discursive Constructions of Global War and Terror // Handbook of Language and Globalization / Ed. by N. Coupland. Wiley-Blackwell, 2010.
3. Гриценко Е.С. Дискурс, стереотипы и реальность: Россия и Вторая мировая война в американских учебниках истории // Политическая лингвистика. № 4 (34). Екатеринбург, 2010. С. 19-24.
4. Гриценко Е.С., Шутова Т.И. Глобализация как дискурсивный конструкт (на материале научных журналов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 5 (638). М., 2012. С. 108-114.

5. Yonah A., Kraft M.B. The Evolution of US Counterterrorism Policy. Praeger Security International, 2007. 1456 p.
6. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 604 p.
7. Tognini-Bonelli E. Corpus Linguistics at Work. John Benjamins Publishing, 2001. 224 p.
8. Baker P. Sociolinguistics and Corpus Linguistics. Edinburgh Sociolinguistics Series. Edinburgh University Press, 2010. 189 p.

Сведения об авторе

Шутова Татьяна Игоревна
аспирант,
ассистент кафедры английского языка и американистики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tatiana_925@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111"18"

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ЭММА» И «ЭММА БРАУН»

Н.С. Выговская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные принципы художественной реконструкции на примере двух дописанных версий романа Ш. Бронте «Эмма» и «Эмма Браун». Опираясь на теорию интертекстуальности и поэтологические новации эстетики постмодернизма, современные писательницы К. Сейвери и К. Бойлен воссоздают основные мотивы, характерные творчеству Ш. Бронте, и реконструируют с проекцией на современность детские образы классической викторианской прозы.

Ключевые слова: образы детства, мотивы, роман-реконструкция, постмодернизм, интертекстуальность, Ш. Бронте, К. Сейвери, К. Бойлен.

Key Motives and Infant Imagery in “Emma” and “Emma Brown”, Artistic Reconstructions of Charlotte Brontë’s Novel Natalia Vygovskaya

The article considers key principles of artistic reconstruction based on “Emma” and “Emma Brown,” two versions of Charlotte Brontë’s unfinished manuscript developed and completed by C. Savery and C. Boylan. Working within the theory of intertextuality and exploiting creative innovations of postmodern aesthetics, the contemporary writers recreate key motives of Brontë’s novels and reconstruct the infant imagery of the classic Victorian prose, projecting it into modern reality.

Key words: infant imagery, motives, artistic reconstruction of the novel, postmodernism, intertextuality, Charlotte Brontë, C. Savery, C. Boylan.

Тема детства в художественной литературе на протяжении многих веков прочно завоевывает свою позицию. Особое звучание в художественную интерпретацию детских образов вносит эпоха постмодернизма. Работая в рамках терминологической многозначности этого периода и воспринимая «мир как текст», современные авторы, – среди них известные британские писатели А. Байетт, Дж. Барнс, Дж. Фаулз, П. Акройд и другие, – создают

многомерное, интертекстуальное пространство, пронизывая текст литературными реминисценциями.

Для художественной литературы XX века характерно появление не только разнообразных ремейков, пародий и мистификаций, в том числе для сцены и кинематографа, но и высокопрофессиональных реконструкций художественных произведений. В связи с этим образуются новые модификации романного жанра: роман-пастиш, роман-пародия, роман-реконструкция, современная обработка или дописывание классического романа. Основной задачей авторов-реконструкторов, по мнению Ю.М. Лотмана, является поиск и сопоставление фактов, чтобы из разрозненного и лишённого жизни и смысла незаконченного романа получилось целостное, наполненное мыслью произведение [1]. Работая над дописыванием незаконченного текста, писатели обращаются не только к дешифровке лакун на уровне композиции, жанра, мотивов и художественных образов, но и к пастишированию, заимствованию и переработке тем и сюжетов, к явной и скрытой цитации, аллюзии, парафразе, подражанию и пародии и т. д. В результате читатель включается в предложенную ему игру, выстраивая границы и параллели между разными текстами, окунается в ушедшую эпоху, слышит пульс того, кто давно ушел из жизни, приближается к пониманию человеческой сущности и вливается в поток культуры.

Особый читательский интерес вызвал незаконченный роман Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (*The Mystery of Edwin Drood*, 1870 г.). Опираясь на разнообразные уровни реконструкции, многие авторы пытались дописать этот роман. Среди них наиболее научно и художественно обоснованными и фундаментальными являются работы: К. Уолтерса «Ключи к роману “Тайна Эдвина Друда”» и Р.А. Проктора «Приложение к роману Ч. Диккенса». Их взгляды диаметрально противоположны: Эдвин Друд мертв – Эдвин Друд жив. Дописывание любого романа с «открытым» финалом неизбежно приобретает характер раскрытия тайны, провоцируя на сотворчество креативных читателей. Свои разгадки предлагали и другие литературоведы и писатели, которые придерживались взглядов либо Проктора, либо Уолтерса: К.Г. Честертон, Б. Шоу, А.А. Аникст, И.И. Смаржевская, Д. Быков, М. Чегодаева и другие. Однако ни одну из этих версий нельзя считать универсальной. Споры о том, кто же убил Эдвина Друда, продолжаются и поныне.

Вспоминается и П. Акرويد с его особым вниманием к предшествующим текстам: «Последнее завещание Оскара Уайльда» (*The Last Testament of Oscar Wilde*, 1983 г.) или «Чаттертон» (*Chatterton*, 1987 г.). Основываясь на аллюзивных пластах викторианской литературы, писатель воссоздает философию детства и философию творчества определенной эпохи и вступает в творческий диалог с художественной традицией.

Среди произведений русских авторов можно выделить: сатирическую поэму-пародию «Возвращение Онегина» А.А. Хазина; пародию на пьесу А.П. Чехова «Чайка», написанную Б. Акуниным; современное продолжение романа Л.Н. Толстого «Война и мир» В. Старой «Пьер и Наташа»; новую «версию» романа «Анна Каренина» Л. Николаева, роман Ф. Шиллера «Духовидец», законченный Г. Эверсом и многие другие.

Не обошли вниманием и творческое наследие Ш. Бронте. Ее романы легли в основу сюжета новых литературных реконструкций. Дж. Райзис использовала предысторию безумной жены графа Рочестера Берты Мейсон в «Широком Саргассовом море» (1966). Р. Барнард написал новеллу «Читатель, я его задушила» (1990), обыграв финальную фразу романа «Джейн Эйр»: «Читатель, я вышла за него замуж».

Из-за внезапной смерти писательницы осталось несколько незаконченных произведений, среди которых роман «Эмма», начатый ею в 1854 г. (Ш. Бронте успела написать только две главы романа). Две современные английские писательницы: Констанс Сейвери (Savery, Constance, 1897-1999) и Клер Бойлен (Boylan, Clare, 1948-2006), опираясь на ведущие принципы художественной реконструкции, мастерски дописывают этот роман, создавая две современные версии-реконструкции классического произведения: соответственно «Эмма» (*Emma*, 1980 г.) и «Эмма Браун» (*Emma Brown*, 2003 г.).

Известно, что многие романы Ш. Бронте принесли ей всемирную известность благодаря повышенному интересу писательницы к личности человека и тонкому психологическому анализу его внутренней жизни. Причем обращение к внутреннему миру человека она начинает с самонаблюдения. Не случайно судьбы ее героинь во многом повторяют ее собственную. Тема детства, вписываясь в социальный, психологический и философский

контексты, стала органичной частью идейно-художественного мира Ш. Бронте, важной составляющей викторианской картины мира в целом. В композиции ее романов ощущается диссонанс звучащих диалогов между детским и взрослым мирами. Порой голоса главных героев-детей и противостоящего им общества непримиримы. Романы Ш. Бронте и по сей день привлекают к себе внимание значительностью проблематики и своеобразием художественного мастерства.

В области теории интертекстуальности при дописывании произведения особенно значимой становится категория мотива, на которую и опираются в своих романах К. Сейвери и К. Бойлен. С точки зрения Б.М. Гаспарова, мотивы репрезентируют смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство. Сущность этого принципа заключается в том, что «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и так далее» [2. С. 30].

Заимствуя основные мотивы, характерные творчеству Ш. Бронте, современные писательницы воссоздали с оглядкой на современность детские образы классической викторианской прозы. «Для формирования эстетической значимости мотива существенными оказываются его связи с героем, через определенные действия совершающим такие поступки и оказывающимся в центре таких событий, которые и формируют окончательный смысл сюжета и произведения в целом» [3. С. 35]. Образы маленьких детей являются «руководящей нитью, дающей возможность разобраться в нагромождении мотивов» [4. С. 222]. Юные героини в двух современных версиях романа сочетают в себе и сдержанность Люси Сноу, и кокетство Джиневры, и серьезность намерений и чувство справедливости, присущие маленькой Джейн Эйр. Их характеры показаны во всей сложности и многогранности, обусловлены жизненными обстоятельствами, способны к движению и изменению.

Творчество Ш. Бронте в значительной мере основано на автобиографическом материале, связано с основными этапами ее жизни: это пребывание в пансионе, безответная страсть к женатому

человеку, взгляды на церковь, на положение женщин в обществе и многое другое. Например, о быте и нравах школы правдиво повествует роман «Джейн Эйр» (описание Ловудского благотворительного заведения для сирот). Холод в нетопленных спальнях, скудная еда, целенаправленное унижение и подавление личности воспитанниц, смерть маленькой подружки Джейн – Элен Бернс, – весь этот художественный материал отнюдь не случаен: «Убогая одежда не могла защитить нас от холода. Кроме того – постоянный голод. У нас был обычный аппетит растущих детей, а еды, которую мы получали, только-только хватило бы не дать умереть больной старушке» [5. С. 73].

Аналогичные биографические мотивы помогают раскрытию образа ребенка-борца, терпеливого страдальца и на страницах романов «Эмма» и «Эмма Браун». История маленькой Матильды, представленная вниманию читателя Ш. Бронте в первых двух главах романа, разворачивается на фоне семейной драмы, которая окутана тайнами и интригами. К. Сейвери и К. Бойлен, удачно распутывая удивительные переплетения линий судеб юных героинь, называют их новыми именами: К. Сейвори – Мартиной (Тиной), а К. Бойлен – Эммой. Юной Матильде и еще некоторым воспитанницам пришлось жить в пансионе для девочек у сестер Уилкоккс: «Здесь не было (на чердаке) ни света, ни обоев на стенах» [6. С. 13]; «...почти все время Тина провела в изоляторе...» [7. С. 172]; «Магическое слово дом немного успокоило Тину: горькие складки вокруг рта разгладились, отчужденность во взгляде исчезла» [7. С. 172]; «Яркий свет, огонь в камине и нарядная мебель (гостиницы) выгодно отличались от голых стен и каменного пола монастыря» [7. С. 174], в котором Тине пришлось провести некоторое время, когда она была похищена Эммой.

Мотив душевной раздвоенности, психического нездоровья также является ключевым в творчестве не только Ш. Бронте, но и К. Сейвери и К. Бойлен. С детства Шарлотту терзали головные боли и назойливые галлюцинации. Мастер психологического письма, она умела передать состояние аффекта, душевных терзаний, причем у юных героинь с незрелым и незащищенным сознанием. Достаточно вспомнить состояние Джейн в красной комнате: «Я стала припоминать все слышанные рассказы о том, будто умершие, чья предсмертная воля не выполнена и чей покой в могиле нарушен,

иногда посещают землю... а что, если дух мистера Рида... вдруг покинет свою гробницу... или неведомый мир усопших явится мне в этой комнате...» [5. С. 16]; «...Я ощущала чье-то присутствие, что-то давило меня, я задыхалась; всякое самообладание покинуло меня» [5. С. 17]. Также в романе «Городок» можно вспомнить непредсказуемое поведение Люси на мрачных аллеях пансиона, ее бессмысленное блуждание по темным аллеям сада и во время ночного маскарада.

Не меньшую роль в раскрытии психологии юных персонажей играют болезненно-мучительные или пророческие сны в романах «Эмма» и «Эмма Браун». Матильда нередко кричит во сне: «Мой приход не пробудил ее от сна, который, несомненно, был сном усталости» [7. С. 38]; «Через неделю после Дня ее рождения, когда она (Тина) проснулась от собственного крика. С тех пор ее преследовали навязчивые мысли о том, что случилось с этими ведьмами, из-за чего ее и мучили ночные кошмары» [7. С. 86]; Эмма, уставшая от тяжелой работы, погрузившись в тяжелый сон, видит: «будто бы она бежит по лугу вместе с маленькой девочкой» [6. С. 61]. Совсем еще маленькая Дженни Дру в болезненном бреде видит сон, в котором давно ушедший из жизни отец зовет ее. «Ты помнишь того доброго джентльмена, который приходил ко мне? – тихо спросила Дженни. Он все еще приходит ко мне. Теперь я знаю кто он. Он сказал, что он мой отец» [6. С. 62]. Согласно К. Юнгу, человек во время сна обычно не понимает, что спит, и воспринимает сновидение как объективную реальность. Просыпаясь же, относится ко сну, как к фантазии. Несмотря на очевидную важность нашей сознательной жизни, нельзя недооценивать важность бессознательной жизни в сновидениях [8]. Авторы настойчиво подчеркивают, что совсем еще маленькие и беззащитные героини-девочки, находясь подчас в нелегких жизненных обстоятельствах, мечтают о жизни, которая присуща детскому миру: жизнь в полноценной семье, покровительство родителей, беззаботное гулянье, все то, чего были лишены дети-герои викторианской литературы.

В произведениях, наполненных событиями, отражающими пороки общества конкретного социально-исторического периода, присутствует и гуманистическая направленность. Для авторов важно было показать, что дети нуждаются в родительской опеке, в гармоничных и искренних взаимоотношениях. Мотив утраты и обретения родных либо покровителей проходит сквозной нитью в

романах. Матильда, отданная своей сводной сестрой Эммой на воспитание в чужую семью, так и не стала любимым ребенком приемным родителям. Только после того, как Тина находит приют у вдовы Чалфонт – «Долго сидела я в вечереющем декабрьском свете, вглядываясь в лицо девочки, столь необычным образом попавшей под мою опеку» [7. С. 38] – она обретает покой и защищенность. Юной Эмме пришлось пережить весь ужас лондонского дна прежде, чем она смогла жить с миссис Чалфонт: «Сегодня случилось радостное событие... Эмма вернулась в мой дом живой и невредимой» [6. С. 72]. «Я (Эмма) с удовольствием снова засну на мягкой кровати» [6. С. 37]. Подобные ситуации возвращают читателя к романам Ш. Бронте: Джейн после бегства из-под венца случайно попадает в дом кузенов. В романе «Городок» Люси Сноу случайно встречает своих покровителей, которых не видела с юности. Вспоминаются и роковые морские путешествия: Поль Эманюэль вынужденно расстается с Люси и гибнет на обратном пути из Гваделупы. Подобным образом и у Сейвери исчезает в пучине приемный отец девочки.

На фоне данного мотива выявляется еще один, не менее важный, мотив домашнего уюта. Контрастом ему служит сиротство, покинутость приютов, даже сама суровая природа. Ш. Бронте всю жизнь жила в наиболее холодной и неудобной части Англии. Впечатления от холодного пансиона глубоко залегли в душу писательницы. В произведениях Бронте отражается мечта о семейном тепле. Только при таких условиях может вырасти полноценная психологически устойчивая личность. Вот как, например, описывает Бронте воскресные зимние походы девочек в церковь: «Выходили мы уже озябшие, а до места добирались совершенно окоченевшими: во время утренней службы руки и ноги у нас немели от стужи... Как мечтали мы, возвращаясь, о свете и тепле яркого камина!» [5. С. 64]. Или вспомним, как Люси Сноу попадает в дом своей крестной после душевных страданий: «Не было еды или питья вкуснее, чем то, которое она давала мне из своих рук» [9. С. 189].

В романах-реконструкциях благодаря теплоте и уютному дому миссис Чалфонт, который является символом прекрасного мира, маленькие девочки преодолевают душевный кризис, восстанавливают здоровье, обретают покой: «...Она (Эмма) уже привыкла к новому месту жительства и успокоилась» [6. С. 24]. «...В моем обществе (миссис Чалфонт) Эмма чувствовала себя гораздо спокойнее и даже

полюбила мой дом» [6. С. 24]. Чувство защищенности и счастья дети испытали благодаря сложившимся семейным традициям вдовы Чалфонт. Достаточно вспомнить яркий эпизод с праздником Рождества, как одним из самых почитаемых в христианском мире. Помимо религиозного значения, этот праздник тесно связан с традицией семейного празднования, желанием воссоединения близких и родных людей, идеей всеобщей любви и сострадания. В этот декабрьский день обычно вся семья собирается в доме у очага. К. Сейвери показывает, что для ее героини, маленькой Мартины, этот добрый обряд обмена подарками, пусть недорогими, но выбранными и подаренными с душой; пожертвования для бедных, добрые взаимоотношения со слугами, – все располагало к доверию, дарило ощущение защищенности и счастья.

В романах «Эмма» и «Эмма Браун» авторы старались открыто обозначить утрату гармонии внутреннего мира человека с внешним, поэтому мотив веры и выбора пути занимает свое особое место. К. Сейвери расставляет акценты на взаимоотношениях близких людей: предательстве и верности. К. Бойлен выносит на первый план зависимость людей любого возраста от той социальной обстановки, которая царила в ту эпоху. В ее представлении большинство людей – это люди «безвольные, плывущие по течению жизни и превращающиеся по мере удаления от поры детства в детали социального механизма» [10. С. 12]. Едва живая маленькая Эмма, готовая потратить свои последние деньги, пытается найти доктора для умирающей Дженни: «Я приведу к тебе ... доктора, который поможет тебе выздороветь» [6. С. 61]. Выход из этой ситуации писательница видит, вслед за Бронте, только в вере в будущее и в заботе о ближнем, сострадании и труде.

В двух романах представлены и религиозные мотивы. Но Бог предстает не в образе священника, служителя церкви, а как создатель всего сущего, как бесконечная мудрость. Царство Божие – это тот дом, который все герои обретают в конце своего жизненного пути. Маленькая Дженни Дру (подружка Эммы) перед приближающимся концом ощущает связь с Богом, она видит свет, который зовет ее. «Небо уже начало светлеть ..., те, кто хоть раз видели рассвет, знают, что рай гораздо ближе, чем мы думаем. Он так близок, что мы даже вдыхаем его воздух» [6. С. 68]. Почти в каждой главе дописанного романа «Эмма» встречаются моменты, подтверждающие связь

человека и Бога: «ты знаешь эту даму в лицо, она сидит рядом с тобой в церкви» [7. С. 32]; «она (Мартина) блистала в церкви» [7. С. 37]; «на библиотечных полках в Груби-Тауэрс не было недостатка в религиозных сочинениях и богословских трактатах» [7. С. 65].

Ш. Бронте была воспитана отцом – строжайшим Тори – в духе уважения существующего порядка и англиканской церкви. Отзвуки того торизма можно найти на страницах почти всех ее романов. Мятежный дух и жажда независимости проявились в ее душе после того, как она, дочь плохо обеспеченного провинциального пастора, познала тяготы социальной несправедливости. Она протестовала против лицемерия духовенства и смирения неимущих. Так в романе «Городок» остро поставлены религиозные проблемы. Героиня – протестантка в католической стране – имеет возможность сравнивать пуританские островные нравы с пышностью католических обрядов. Собственная вера кажется ей чище и строже, «единственным учителем своим, вожатым и прибежищем считает одно писание».

В романе «Эмма» упоминается священник, пожилой и нелюдимый человек, который, как и все в Груби-Тауэрс, подозревал миссис Чалфонт в интригах против пасынков. Его наставления были проникнуты враждебностью, а все желания сводились к тому, как бы возвести влиятельных и богатых людей в ранг своих знакомых. Это воплощение того типа священнослужителей, против которых восставала в своих произведениях Ш. Бронте. Идеальной Истиной же для нее был образ священника, который появился на страницах романа «Эмма» и который служил в церкви лишь однажды. «О Боге он говорил как об источнике жизни, истины, света и любви, радости и мира» [7. С. 65].

В романе «Эмма Браун» К. Бойлен создает образ священнослужителя, который во многом схож с тем образом, который презирает Ш. Бронте. Все его предназначение состоит в бесконечных проповедях против падших женщин и стремлении обеспечить свое безбедное существование.

Художественная реконструкция создается благодаря имитации и трансформации описаний, воспроизведению характерных деталей и прочих элементов поэтики. В романах Бронте присутствуют детали, формирующие процесс становления личности на фоне событий из ее личной жизни. Из дневниковых записей Э. Гаскелл известно, что детство и юность Шарлотты прошли в стенах хоуртского дома под

грустный и часто устрашающий аккомпанемент постоянно меняющихся ветров: *“The house is of grey stone, two stories high, heavily roofed with flags, in order to resist the winds that might strip off a lighter covering”* [11].

Многочисленные описания природы – имманентная составляющая поэтики романа «Джейн Эйр», инструмент психологического параллелизма. «На заднем плане блекло-серой стеной стояли туманы тучи, вблизи по мокрой траве и ободранным кустам затяжные, заунылые порывы ветра хлестали струями нескончаемого дождя» [5. С. 5]. «Каким мучительным было возвращение домой в промозглых сумерках. Она (маменька) вынуждена отказывать мне в тех удовольствиях, какие предназначены только для детей, всем довольных и счастливых» [5. С. 5].

Подобные природные ландшафтные детали умелой рукой вплетены и в сюжетную канву двух современных реконструкций романа «Эмма»: «Темные тучи нависли над ... унылыми вересковыми пустошами» [7. С. 52]. «Но для детей пустоши были родным домом – с первых младенческих шагов они собирали там охапки голубых колокольчиков, птичьи перья, разноцветные камешки, пускались в экспедицию по опасным болотным топям» [7. С. 62]; «Я с трудом выносила зрелище понурого, тусклого, лиловато-коричневого океана, расстилавшегося вокруг, сколько хватит глаз, и, наконец, терявшегося в дымке, которая укрывала, как саваном, сторожевое кольцо холмов» [7. С. 62]; «Наше морское пристанище находилось на самом берегу, как раз в том месте, где вересковые пустоши сбегали к самому морю. То были не зловещие заросли Груби, темные, всегда затянутые туманом и замкнутые со всех сторон угрюмыми холмами...» [7. С. 113].

К. Сейвери и К. Бойлен воссоздали в своих романах взрослую и детскую жизнь в Викторианской Англии, следуя канонам художественного мира Ш. Бронте. Современным писательницам удалось в не явной, но скрытой форме указать не только на социальные, но и на религиозные проблемы викторианского периода, на то, что, по мнению и самой Бронте, божественное начало было присуще подчас только детям, которым на этом этапе жизненного пути пороки общества еще чужды.

Формирование характера ребенка происходит за счет расширения круга социальных связей и проявляется через поступки.

В романах появляется думающий и активно действующий ребенок, который часто оказывается в трудных ситуациях, ситуациях выбора, помогающих определить его внутреннюю содержательность. Опираясь на характер поведения детей, исследуя мысли и чувства, современные писательницы испытывают чувство тревоги и негодования от того, что взрослые втягивают их в свои игры, заставляют быть жестокими и негуманными.

Детство в трактовках Ш. Бронте и современных писательниц осмысливается как прелюдия к сложному и противоречивому бытию взрослого мира. Воплощая в жизнь художественный замысел викторианской писательницы, К. Сейвери и К. Бойлен создают оригинальные жанровые формы романа-реконструкции. Их произведения обладают типологическим сходством с первоисточником в трактовке образов детства и одновременно отражают видение реалистических традиций через призму постмодернистского цитирования и интерпретации. Романы К. Сейвери и К. Бойлен – факт художественной биографии и художественной памяти, воссозданный как явление воспитательного и литературного процесса. В этом заключается своеобразие их творчества.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 11-14.
2. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Восточная литература. 324 с.
3. Силантьев И. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. № 5. С. 32-60.
4. Фрейдберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
5. Бронте Ш. Джейн Эйр / Пер. с англ. В. Станевич. Горький, 1960. 504 с.
6. Бойлен К. Эмма Браун // Электронный ресурс Интернет: royallib.com/read/bronte_sharlotta/emma_braun.html#247394.
7. Бронте Ш. and Another Lady. Эмма. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «ФОЛИО», 2001. 448 с.
8. Jung C.G. The associations of normal subjects. Vol. 2. Princeton, NJ: Princeton University Press. 401 p.

9. Бронте Ш. Городок / Пер. с англ. Л. Орел и Е. Суриц. М.: Правда, 1990. 330 с.

10. Чеботаева Е.Е. Мир детства в нравственно-эстетических исканиях К. Мэнсфилд: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.

11. Gaskell E. The Life of Charlotte Brontë // Электронный ресурс Интернет: www.gutenberg.org/ebooks/1827.

Сведения об авторе

Выговская Наталья Сергеевна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nataliek-22@yandex.ru

УДК 821.133.1"17/18"

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ Б. КОНСТАНА

М.Е. Ерышева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается генезис современного психологического романа на примере творчества Б. Констана, которое относится к традиции Августина с его интересом к духовной жизни человека, определяется его вклад в формирование поэтики литературы этого направления.

Ключевые слова: психологическое направление в литературе, камерный роман, расщепление сознания, двойная мотивировка, Б. Констан, Стендаль.

B. Constant's Analytical Psychology

Maria Erysheva

The paper examines the origins of the contemporary psychological novel, demonstrating the connection of B. Constant's works to Augustine's tradition with its interest in a person's spiritual life, and describing Constant's contribution to the poetics of psychological literature.

Key words: psychological literary school, chamber novel, split personality, double motivation, B. Constant, Stendhal.

«Отправной точкой» существования западноевропейской психологической прозы общепринято считается «Исповедь» Августина, «причисленного к четверым отцам церкви» и который «может быть смело отнесен к зачинателям европейской психологической прозы» [1. С. 9]. Жанр собственно психологического романа формируется значительно позже – в конце XVII в. – и связывается с романом «Принцесса Клевская» М. де Лафайет, которая «отважно забирается в лабиринт человеческого сердца и производит очень тонкий и четкий анализ сложнейших чувств» [2. С. 338].

При этом расцвет жанра психологического романа приходится на XIX век, когда в прозе преобладает аналитический психологизм, разрабатываемый как романтиками, так и реалистами. Реалисты избирают путь «объективации» частного, сквозь призму личного опыта повествуя о душевных страданиях большой группы людей. Романтики же, в свою очередь, предельно субъективируют анализ жизни души, фокусируясь, по справедливому замечанию В.Р. Гриба,

на одном герое: «В XIX веке по следам мадам де Лафайет пошли Сенанкур, Бенжамен Констан, автор “Доминика” Фромантен <...> и другие, создавшие жанр аналитического романа. Образовалась традиция: выделить интимную страсть, взять одного героя и весь роман построить на анализе его чувства» [2. С. 353].

Благодаря богатой литературной традиции аналитический роман, по оценкам исследователей [3. С. 73], развивается довольно динамично: в рамках двух десятилетий он претерпевает изменения от аналитико-психологического («Адольф» Б. Констан, 1815), берущего свою форму и проблематику от классицистического, «камерного» романа, до социально-аналитического («Красное и черное» Ф. Стендаля, 1831).

Предмет исследования аналитического романа – не столько душевные движения героя, сколько противоречия страстей. Таким образом, его целью становится не сосредоточение на мельчайших душевных переживаниях, как в психологической прозе Шатобриана, а доказательство извечной раздвоенности человека. Метафизический разлад с миром реализуется в изображении типичных для героя аналитического романа пагубных страстей: эгоизма, раздвоенности сознания и неспособности к действию.

Традиционная логика повествования в аналитическом романе («Принцесса Клевская», «Адольф», «Красное и черное», «Госпожа Бовари») строится на постепенном отдалении от жизненной цели героя – обретения личного счастья. В сущности, «жанровым заданием» такого рода произведений является исследование страданий человека, осознающего принципиальную невозможность своего счастья, которая усугубляется враждебностью общества по отношению к человеку.

Особое место в становлении аналитического романа занимает «Адольф» Б. Констан (1815), впервые показавшего «раздвоение человеческой психики, соотношение сознательного и бессознательного, роль подавляемых чувств» и разоблачившего «истинные причины человеческих действий» [4].

Поэтика этого небольшого по объему произведения в 1960 – 1980-е гг. привлекала внимание многочисленных советских и зарубежных исследователей, однако в последнее время опыт Констан несправедливо остается на периферии исследовательского внимания. Так, в России за последние двадцать лет появилось лишь

два монографических исследования и ряд статей, посвященных наследию писателя, хотя очевидно, что без учета опыта автора «Адольфа» общая панорама психологической прозы была бы неполной.

Сама литературная традиция подготовила появление книги Б. Констана. Замкнутость повествовательного центра романа восходит к традиции классицистического, «маленького» романа, сыгравшего огромную роль в становлении аналитического психологизма. Одним из первых образцов подобного жанра явилось произведение Мари Мадлен де Лафайет «Принцесса Клевская», вышедшее анонимно в 1678 году. К жанровым особенностям романа этого типа относится эпистолярность формы, узкая повествовательная среда, фокусировка на внутренней жизни героев при относительной индифферентности к развитию интриги.

Особая значимость литературного наследия автора «Адольфа» по сравнению с предшествующей традицией камерного романа состоит в том, что им создано биографическое произведение, посвященное узкому кругу лиц, входивших в кружок Коппе: «*cette anecdote, écrite dans l'unique pensée de convaincre deux ou trois amis réunis à la campagne*» [5. P. 78], которое вскоре начинает восприниматься как изображение нравственной жизни века. В связи с этим необыкновенная популярность романа, как отмечает А. Ахматова в статье «“Адольф” Бенжамена Констана в творчестве Пушкина», сохраняется длительное время, вплоть до 40-х гг. XIX в. [4].

В предисловии к третьему изданию дается установка автора на проведение своеобразного эксперимента – написание романа увлекательного в прочтении, но статичного в действии: «*un roman dont les personnages se réduiraient à deux, et dont la situation toujours la même*» [5. P. 78]. При этом основной пружиной развития конфликта становится сосредоточение на внутренней жизни героев, что соответствует канону «маленького» романа.

Роман обладает простой композиционной схемой. В обрамляющих главах, замкнутых между собой, дается отсылка на поясняющее письмо к издателю, ставшее поводом для публикации рукописи. «Камерный» характер романа подчеркивает относительно небольшое количество глав (десять) с завязкой конфликта во второй, кульминацией и последующей развязкой в десятой. Таким образом,

ровно восемь глав отводится разработке внутреннего конфликта, что значительно увеличивает фокус изображения душевной жизни героев.

«Нулевая точка» повествования романа – итог бесплодной игры страстей, поглотивших главного героя и приведших его к духовной гибели: « Il lisait beaucoup, mais jamais d'une manière suivie; <...> toujours seul, et souvent il passait les journées entières assis, immobiles, la tête appuyée sur les deux mains » [5. P. 81]. Последующие за обрамлением дневниковые записи Адольфа начинаются с рассказа о происхождении, ранних годах жизни и характере главного героя. В нем дается попытка анализа тех свойств, которые впоследствии послужили причиной душевного разлада: « je m'accoutumai à renfermer en moi-même tout ce que j'éprouvais, à ne former que des plans solitaires, à ne compter que sur moi pour leur exécution, à considérer les avis, l'intérêt, l'assistance et jusqu'à la seule présence des autres comme une gêne et un obstacle » [5. P. 85].

Для раскрытия внутреннего мира главного героя введена сложная повествовательная конструкция: кажущийся неуловимым переход от объективно-отстраненного анализа к предельной субъективации передаваемых впечатлений с забеганием вперед и последующей ретроспекцией. Одним из примеров подобного построения является эпизод первой главы, в котором рассказывается о событиях, сопутствующих приезду Адольфа. Он сменяется разъяснением причин его неприятия обществом, в связи с чем упоминаются его личные качества, такие как застенчивость и нелюдимость, а также равнодушие к светским развлечениям. Однако в качестве обобщающего вывода дается не сама реакция общества городка Д. на поведение Адольфа, а анализ глубинной ее причины, кроющейся в самолюбии представителей высшего света: « les hommes se blessent de l'indifférence, ils l'attribuent à la malveillance ou à l'affectation; ils ne veulent pas croire qu'on s'ennuie avec eux naturellement » [5. P. 87].

Иным словами, построение повествования осуществляется путем смены фокуса, постоянного перехода от интимных душевных излияний главного героя к абстрагирующему анализу.

Противоречие между внутренним и внешним ярко показано в антитетическом ряду, выполненном с лаконичностью поэтического текста: « je me réfugiais dans une taciturnité profonde: on prenait cette taciturnité pour du dédain » [5. P. 87]. Кульминацией данного

противопоставления становится возникающее в конце отрывка безлично-собирательное «ils», мнение которого конденсируется вокруг «безнравственности» Адольфа: «On eût dit qu'en se montrant à mes yeux tels qu'ils étaient, ils avaient obtenu de ma part la promesse du silence : je n'avais point la conscience d'avoir accepté ce traité» [5. P. 88-87].

Главный герой бессилён что-либо противопоставить этой роковой силе, его существование бесцельно, ибо лучшие его душевные качества не могут быть приняты обществом. В этом состоянии «душевного вакуума» происходит его первая встреча с Эленорой, являющаяся композиционной завязкой.

История ухаживаний Адольфа и попыток добиться взаимности занимает довольно большой фрагмент текста, учитывая «камерность» романа. При этом характер развертывания интриги напоминает аналогичный эпизод романа «Красное и черное» Ф. Стендаля.

Так, причиной, побудившей обоих молодых людей добиваться любви Эленоры и госпожи де Реналь, явилось тщеславие. В большей степени это характерно для Жюльена Сореля, мечтающего о блистательной военной карьере. Для него любовь замужней дамы – это неотъемлемый атрибут успеха на желанном поприще: «il s'était dit qu'aucune dame comme il faut ne daignerait lui parler que quand il aurait un bel uniforme» [6. P. 48].

Рассказчик «Адольфа» также видит в тщеславии главный источник возникновения любви, однако он подчеркивает неоднозначность чувствования главного героя: «Il y avait dans ce besoin beaucoup de vanité sans doute, mais il n'y avait pas uniquement de la vanité ; il y en avait peut-être moins que je ne le croyais moi-même» [5. P. 90]. Таким образом, стадийная «эволюция» чувства в романе Стендаля (любовь-тщеславие – любовь-влечение – физическая любовь – любовь-страсть) прорисовывается более ясно; в «Адольфе» же признается существование бессознательного и необъяснимого в душе человека.

Параллелизм двух сюжетных линий наблюдается и в других деталях: душевная близость героев (см. Chapitre VII «Les affinités électives» – «Le Rouge et le Noir» ; «J'allais souvent la voir le matin ; j'y retournais le soir ; je causais avec elle sur mille sujets» – «Adolphe», [5. P. 95], противопоставленность окружающему обществу, длительное сопротивление Эленоры и мадам де Реналь ухаживаниям, их незнание любви в браке.

При всей общности изображаемых ситуаций, между ними есть существенное различие: повествование «Адольфа» концентрируется вокруг любовной интриги, в то время как в «Красном и черном» это лишь один из изображаемых планов, своеобразных призм, сквозь которые главный герой изучает жизнь света.

Отзвуки приближающейся катастрофы появляются уже в четвертой главе романа, когда, добившись взаимности, Адольф начинает тяготиться этой связью: « elle n'était plus un but : elle était devenue un lien » [5. P. 111]. На трагический финал романа указывают и слова героини: « Je ne sais quel pressentiment me dit, Adolphe, que je mourrai dans vos bras » [5. P. 113]. Дальнейшее повествование вплоть до развязки представляет собой противостояние «стихийной» страсти Элленоры и расщепленного сознания Адольфа.

По замечанию А.В. Карельского, трагедия Адольфа, в отличие от Рене, состоит в том, что он «поняв, что уже не любит Элленору, не может найти в себе силы порвать с ней» [7. С. 42]. Кульминацией этого внутреннего конфликта становится седьмая глава, в которой главный герой посещает барона Т., а также совершает прогулку пешком.

Состояние природы лишь отражает происходящие в душе героя перемены: « Le jour s'affaiblissait : le ciel serein ; la campagne devenait déserte <...> Mes pensées prirent graduellement une teinte plus grave et plus imposante » [5. P. 145], а сама прогулка напоминает хождение в лабиринте подсознания. Однако подобное состояние цельности возможно лишь при полной остановке действия и отсутствии других героев романа. Как только действие нарастает, удержать цельность сознания героя невозможно, доказательством чему служит появление объективирующего «голоса».

В кульминации, как в первой, так и во второй, важна фигура барона Т., своеобразного *alter ego* героя, являющегося одной из составляющих его расщепленного сознания – носителем мнения света. В финале романа именно барон Т. становится своего рода олицетворением губительной силы света.

Если развязка «внешнего» конфликта происходит в момент смерти Элленоры, то разрешение конфликта внутреннего вынесено за рамки повествования. Так, в конце десятой главы Адольф находит письмо героини, в котором вынесен неутешительный приговор ему и окружающему обществу: погубив единственное преданное ему существо, герой обрекает себя на бесплодное существование среди

такого же бездушного окружения. Пророческие строки письма Эленоры подтверждаются самим началом рукописи, в котором Адольф изображен как человек, которого постигла духовная смерть.

Подобный приговор в силу открытости финала не имеет единого адресата и может быть воспринят как отражение нравственной жизни века. Помимо этого, дидактический пафос романа достигается путем введения особой «абстрагирующей» повествовательной конструкции, а также наличием различных ракурсов повествования: от предельно субъективного, подробно фиксирующего чувства главного героя, до объективирующей точки зрения «извне».

Все это позволяет говорить о сформировавшемся аналитическом романе камерного типа, который со времен «Принцессы Клевской» претерпел значительные изменения. Среди них следует отметить совершенство стиля, о котором писал еще П.А. Вяземский, один из первых переводчиков «Адольфа»: «...это верх искусства, или, лучше сказать, природы <...> Вся книга похожа на ожерелье, нанизанное жемчугами, прекрасными по одиночке, и прибранными один к другому с удивительным тщанием <...> Кажется, нельзя ни прибавить, ни убавить, ни переставить ни единого слова» [8].

Психологическим открытием автора «Адольфа» стало изображение раздвоенности сознания героя, мечущегося между любовью-жалостью к зависимому от него существу и желанием следовать негласным правилам светской морали. И наконец, автор «Адольфа» одним из первых открыто обращается к фактам собственной биографии. Это являлось своеобразным табу для предшествующей литературной традиции: некоторые образы (Эленора, барон Т.), а также сюжетные ходы (смерть Эленоры, ее разрыв с графом П.) буквально являются отражением длительного романа Б. Констан с Ж. де Сталь.

Стилевая уникальность произведения позволяет отнести «Адольф» к т. н. «прустовскому» типу психологического романа, в котором признается существование подсознательного и необъяснимого в душе человека, в то время как для прозы Стендаля характерен рационализирующий, геометрически выверенный психологизм. Помимо этого, роману Б. Констан присуща и особая «текучесть» повествования, развернутость внутренних монологов, полифония представленных точек зрения, что характерно для психологического романа наших дней.

Библиографический список

1. Кирнозе З.И. Практикум по истории французской литературы: Уч. пос. для студ. пед. ин-тов. Ч. 2. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
2. Гриб В.Р. Избранные работы: Статьи и лекции по зарубежной литературе. М.: Художественная литература, 1956. 416 с.
3. Обломиевский Д.Д. Французский романтизм. М.: Художественная литература, 1947. 355 с.
4. Ахматова А.А. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Электронный ресурс Интернет: <http://www.akhmatova.org>.
5. Constant V. Adolphe. М.: Прогресс, 1973. 510 р.
6. Stendhal F. Le Rouge et le Noir. Paris: Pocket, 2010. 614 р.
7. Карельский А.В. Метармофозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып 1. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 279 с.
8. Вяземский П.А. Полное собрание сочинения князя П.А. Вяземского. В 12 т. Т. 10 // Электронный ресурс Интернет: <http://vyazemskiy.lit-info.ru>.

Сведения об авторе

Ерышева Мария Евгеньевна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kiwi77mail@mail.ru

УДК 821.161.1"18"

ОБРАЗ ИТАЛЬЯНЦА КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ В РОМАНЕ Н.И. ГРЕЧА «ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Н.М. Ильченко

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

Рассматриваются функции образа итальянца Алимари, имеющие сюжетное значение в романе Н.И. Греча, представляющем собой синтез авантюрного, нравоописательного, философского и исторического типов романа. Показано, что с этим загадочным образом связаны ключевые события романа, перипетии в судьбе главного героя, а также комбинация мотивов, составляющих сюжет. Данный подход позволяет доказать, что Алимари является выразителем авторской позиции.

Ключевые слова: сюжет, мотив, конфликт, жанр, развитие действия, событие.

The Image of an Italian as a Plot-Shaping Function in "Black Woman" by N.I. Grech Natalia Ilchenko

The article examines the image of the Italian Alimari and its plot-shaping function in "The Black Woman" by N.I. Grech, describing the work as a synthesis of an adventure novel, a character study, and a philosophical and historical novel. It demonstrates that the mysterious image is closely related to the key events of the novel, to the vicissitudes in the life of the main character as well as to the combination of motives that make up the story. This approach allows us to prove that Alimari is the exponent of the author's ideas and outlook.

Key words: story, motive, conflict, genre, driving action and events.

Николай Иванович Греч (3.08.1787 – 12.01.1867) – уникальная личность в истории русской литературы: журналист, писатель, критик, филолог, педагог, просветитель. Ему в заслугу всегда ставилось издание журнала «Сын Отечества» (1812-1828), который справедливо называют первым патриотическим периодическим изданием в России.

Н.И. Греч – автор романа в письмах «Поездка в Германию» (1830), романа «Черная женщина» (1834), повести «Отсталое» (1838), многочисленных книг путешествий «Путевые письма. Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» (1817-1818), «28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию. 1835», «Письма о поездке во Францию, Германию и Швейцарию» (1838), «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843), «Парижские

письма с замечаниями о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847).

Приверженность формуле «православие, самодержавие, народность» стала основной причиной, по которой романы Н.И. Греча были фактически исключены из историко-литературного процесса. Так, о романе «Черная женщина» обычно говорилось, что «Греч пытался сочетать принципы авантюрно-нравоописательного романа из светской жизни с фантастическим элементом, с чудесными явлениями “черной женщины”. Реакционно-охранительные тенденции <...> сказались в умиленно-благонамеренной идеализации буржуазной патриархальности под сенью николаевской монархии» [1. С. 548].

В последнее время ситуация стала меняться: «Черная женщина» постепенно становится объектом изучения, хотя специальные исследования по-прежнему немногочисленны [2; 3; 4; 5].

Роман «Черная женщина» – это не просто «роман тайн», а синтез авантюрного, нравоописательного, философского и исторического типов романа. Он легко включается в круг литературных явлений 30-х годов XIX века. Введение элементов фантастики обеспечило ему успех у публики. Даже появившаяся вслед за романом Н.И. Греча повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама» была воспринята современниками в его контексте [6].

События в романе Н.И. Греча представлены в точных хронологических рамках: действие начинается в сентябре 1796 года, а заканчивается в октябре 1817 года. Смерть Екатерины II, правление Павла I и Александра I – фон, на котором разворачиваются события, составляющие одну сюжетную линию. Другая связана с ретроспективным изображением XVIII века, прежде всего, петровской эпохи. При этом автор «Черной женщины» осмысливает прошлое как человек уже эпохи Николая I.

Герои романа делятся на два лагеря, группирующихся вокруг положительного героя – Кемского и отрицательного – его сводной сестры Алевтины Михайловны. Она отбирает у князя законно принадлежащее ему состояние, используя подложное завещание. Завеса не сразу спала с глаз Алексея Кемского: на его долю и долю близких ему людей выпадает долгое страдание.

Судьба Кемского тесно переплетается с таинственным итальянцем Алимари – хранителем тайных знаний. Их первая встреча

происходит в Токсово – таинственном месте в окрестностях Петербурга. Алимари и Кемский сразу почувствовали духовную близость: «...сердце его невольно влеклось к незнакомцу, который, с своей стороны, заметив это внимание милостивого, кроткого, умного человека, в речах своих обращался преимущественно к нему» [7. С. 40]. Итальянца и русского князя сближает вера в чудесное и сверхъестественное. Беседа о видениях, предчувствиях, предсказаниях, в которой участвует «живописная группа» собравшихся в ветхом деревянном доме села Токсово, навсегда сближает Алимари и Кемского.

Все участники беседы, кроме Кемского, скептически воспринимают позицию Алимари: с любопытством выслушивая истории о духах и привидениях, они отказываются в них верить. Увлеченный сверхъестественным, Алимари называет себя натуралистом. Именно этим он объясняет свой интерес к явлению «нам призраков и видений наяву, как во сне» [7. С. 43]. Об этой склонности к таинственному и необъяснимому он не раз говорит русскому князю. Кемскому же часто является во сне призрак «черной женщины», предупреждающий его о грядущих событиях. Пережив потрясение в трехлетнем возрасте во время эпидемии чумы в Москве – гибель на его глазах молодой женщины в черной одежде – он постепенно свыкается с явлением призрака, выполняющего функцию предвестницы грядущих событий. Окружающие считают Кемского человеком, «пребывающим в воздушных чертогах», философом. Его отличают грусть, задумчивость, стремление к одиночеству; вместе с тем он храбрый офицер, имеющий много друзей. Однако Кемскому не хватало человека, который был бы «одарен способностью слышать голос духовного мира» [7. С. 11]. Таким человеком стал для него Алимари.

В романе параллельно разворачивается несколько событийных линий, связывающих Кемского с судьбой разных лиц. Однако в последующем в ключевые моменты повествования вводится Алимари.

Таинственный герой много путешествует и чувствует себя, как дома, «и в Финляндии, и на берегах Адды». По происхождению он итальянец, по вероисповеданию – католик, «но славянин по матери и русский по месту рождения». Прототипом Алимари считают и литературного героя, и реальную историческую личность (прим. 1).

Однако в любом случае он – положительный герой романа, рупор идей автора, проповедник и носитель высшей нравственности, его отличают религиозность и широкая эрудиция.

В ретроспективной событийной линии Греч представляет историю жизни семьи Алимари, тесную связь частной жизни выходцев из Италии с петровской эпохой. Отец Алимари, искусный шлюзовой и фонтанный мастер, родом из Венеции. По приглашению Петра I они с женой переехали в Россию, их сын Алимари родился в 1824 году. В момент знакомства с Кемским ему более семидесяти лет. Внешний вид Алимари сразу вызывает почтение: высокий, статный, с выразительными глазами и улыбкой спокойствия. Особое внимание автор обращает на необычность языка героя: чисто русское произношение, книжный характер речи, придававшей ей силу

Мотив вмешательства таинственного в человеческую жизнь является одним из ведущих в романе, что вписывает его в контекст русской литературы эпохи романтизма (в частности, корпус произведений о привидении *Weißer Frau* А.А. Бестужева-Марлинского, М.Н. Загоскина, В.Ф. Одоевского и др.). При этом необходимо отметить прямые совпадения в рассуждениях Алимари и самого Н.И. Греча – автора «Записок о моей жизни». Так, герой романа «Черная женщина» говорит о людях, наделенных «каким-то инстинктом, каким-то чутьем; в Шотландии оно называется вторым зрением» [7. С. 51], а в «Записках о моей жизни» Греч рассказывает о своей матушке К.Я. Фрейгольд, «которая действительно одарена была каким-то шотландским вторым зрением» [8. С. 35]. Н.И. Греч приводит в доказательство вещие сны, необыкновенные предчувствия – дар, которым была наделена его матушка.

Греч связывает с образом Алимари обширные познания и дар красноречия. Алимари именуют в романе чародеем, духовидцем, колдуном. Он неожиданно появляется и внезапно исчезает. Так, Кемский, стоявший в ночном карауле Зимнего дворца у гроба Екатерины II (умерла 6 ноября 1796 г.), видит Алимари, допущенного даже в одиночестве проститься с императрицей. Событийные ряды романа скрепляют такие неожиданные встречи Кемского и Алимари, а диалоги героев становятся в повествовании определяющими. Их главная тема – человек и природа. Алимари называет три источника знаний: откровение божие, изучение природы и познание нашего сердца. Он выделяет школу натуралистов-философов, которые начали

изучение природы с познания бога. Размышляя над загадками природы, Алимари говорит о присутствии Бога во всем, что нас окружает: от камней и растений до животных и человека. Все окружающее пропитано божественным началом.

С принципом натурфилософии связано стремление героя познать загадочное вторжение бессознательной деятельности в сознательную.

Увлеченный сверхъестественным, Алимари называет себя натуралистом. Он мечтает о восстановлении связи природы и человека в их первоначальном и идеальном единении: «Мы мечтали, мы любили, мы блаженствовали! Вы еще видите закат того светила, которое живило мир поэтический, волшебный. Близкие наши потомки станут читать в книгах повесть о бывшем, незнакомом им веке Астреи» [7. С. 155]. С богиней справедливости Астреей масоны связывали свое представление о рае.

Алимари рассуждает о единстве мира, утверждая, что смерти нет в природе: «Многие явления и случаи в жизни и в свете, кажущиеся нам теперь непостижимыми и чудесными, сделаются ясны и понятны со временем, но общие законы, по которым мир и все в нем сущее рождается, живет и преходит, останутся тайною» [7. С. 262]. Таинственный итальянец разделяет позицию универсального ученого и философа Г.В. Лейбница о «предусмотрительной гармонии», примиряющей идею Бога и принцип рационального устройства мироздания. Рассказывая об ужасной трагедии своей жизни – гибели жены и детей во время лиссабонского землетрясения 1755 года, герой признается, что в душе его возникал ропот на творца. Однако после страшной гибели Марии Антуанетты, появившейся на свет одновременно с гибелью его семьи, он перестал роптать.

Греч оставляет для читателя определенные знаки, показывающие, что Алимари – масон. Именно он сообщает своему молодому другу условное приветствие масонов, благодаря чему раненый в битве при Нови Кемский был взят под охрану французским полковником Уде. Члены этих тайных масонских обществ создали свои представительства в Европе, распространяя идеи независимо от национальной и социальной принадлежности, поэтому француз и спасает своего противника.

С образом Алимари связана комбинация мотивов, составляющих сюжеты русских романтических повестей

В.Ф. Одоевского, Н.А. Полевого, Н.В. Кукольника об Италии как «обетованной стране искусства». Н.И. Греч подтвердил в романе общепринятую позицию о «вечном владычестве» Италии как страны великой культуры и итальянцах, наделенных редким эстетическим чувством. Алимари возит с собой в деревянном ящичке картину Карло Дольче «Мадонна». Работы этого флорентийского художника XVIII века подчеркнута религиозны. Картина, на которую смотрит со слезами Алимари, полна религиозного благочестия: глаза мадонны обращены с мольбой к небу. Героя романа «Черная женщина» восхищает подчеркнутая религиозность «Мадонны» К. Дольче, совпадение изображенного священного сюжета с его жизненной позиции.

Алимари называют «художником», поскольку он хорошо понимает и чувствует искусство. Не случайно именно он догадывается, что художник Бериллов – младший брат Кемского, с которым они были разлучены в 1772 году во время пугачевского бунта. В образе Алимари автор показал высочайшую степень развития эстетического чувства. Соединение этого чувства с верой наделяет таинственного итальянца силой предвидения: увидев портреты маленькой девочки, Алимари догадался о родстве Кемского, Берилова и ребенка. Спасенное Берилловым «прекрасное дитя» окажется его племянницей и дочерью Кемского.

Алимари отличается от демонических образов итальянцев, воспринятых отечественными писателями по традиции, идущей от английской готической прозы и немецкого романтизма (прим. 2). Однако в романе есть еще один герой, который соответствует типу демонической личности. Итальянец Вестри в «Черной женщине» – противоположность Алимари. Привязанность Кемского к молодому офицеру объясняется тем, что он напомнил ему итальянского друга, с которым он не виделся больше десяти лет. Кемский не захотел увидеть вкрадчивости, слабодушия, трусости молодого итальянца, который оказался предателем.

Драматичность сюжета романа «Черная женщина» связана с семейным конфликтом: сводная сестра Кемского – Алевтина Михайловна несколько раз пытается избавиться от законного наследника, отправляет его на поле военных действий, надеясь, что он погибнет. Новорожденную дочь князя она определяет в сиротский приют, а его жена Наташа кончает жизнь самоубийством (как потом

оказывается мнимым) после сообщения о смерти ребенка. Все свои поступки коварная и расчетливая Алевтина Михайловна совершает под маской благочестия.

Алимари внушает Кемскому патриотические мысли об Отечестве и людях, достойных любви. Русский князь соглашается с позицией старшего друга о том, что с покорностью и терпением нужно воспринимать то, что суждено. В результате Кемский оказывается вознагражденным: он находит брата, дочь и жену. Алимари заставил поверить Кемского, что есть Провидение. Именно он выхаживал его после тяжелого ранения. Встретившись через семнадцать лет, он убеждается, что его русский друг живет строго основываясь на христианские заповеди.

В романе значимым оказывается образ кладбища. Греч несколько раз возвращается к описанию кладбища у церкви Самсония. С этим пространством связано несколько совпадений: еще в юности Алимари познакомился здесь с учителем семинарии Селлием, который стал его наставником. В 1816 году Кемский и Бериллов нанимают квартиру в доме, построенном на месте Самсоньевского кладбища, превращенного в сад. Неведомая сила притягивает Кемского к двум сохранившимся надгробиям, окруженным рябинами. Эти гробницы сада становятся для него местом философской меланхолии. На этом же месте происходит очередная встреча героев, поскольку здесь нашли последний приют родители Алимари.

В одной из статей, написанных параллельно с созданием «Черной женщины», Н.И. Греч использовал выражение «прогулка по кладбищу» как синоним слова «воспоминание»: «В некоторых летах все помышления и чувствования наши превращаются в воспоминания: взгляд на прошедшее и настоящее есть прогулка по кладбищу» [9. С. 224]. Девяностотрехлетний Алимари проводит большую часть времени за самсоньевскою оградю, рядом с родителями. Сад – бывшее кладбище – становится местом, где возможно спокойное размышление о благодати Божьей.

Подчеркнутое соединение понятий «кладбище» / «сад» имеет значение для Греча: человек, совершавший добрые дела, преодолевший гордость, зависть, гнев, не должен бояться смерти. Алимари предсказывает Кемскому, нашедшему свою дочь, и встречу с женой. В последней главе приводится неоконченное письмо

Алимари: «Бог еще в здешнем мире вознаградил вас, друг любезный и единственный! Для человека добродетельного сделалось исключение в обыкновенном порядке дел человеческих. Но истинная, нетленная, достойная награда не здесь нас ожидает...» [7. С. 317]. Вера помогла русскому князю разумно выстроить свою жизнь. У него никогда не возникало мысли и о мести своим обидчикам.

Однако счастливая развязка романа относительна. Для Н.И. Греча характерен трагический взгляд на мир: семья Алевтины Михайловны и ее окружение не наказываются за свои «преступления». Осуждаемые Гречем пороки – подлость, коварство, злоба, лицемерие, неблагодарность – остаются в земной жизни.

Таким образом, особое значение в романе «Черная женщина» приобрел образ итальянца Алимари. Судьбу русского князя автор соединил с судьбой этого таинственного героя, объяснив их духовное родство верой в чудесное, глубокой религиозностью и преданностью Отечеству. События-встречи Алимари и Кемского составили сюжетную основу романа, определяя изменения в судьбе главного героя. Алимари стал и выразителем авторской позиции, доказав эпизодами своей биографии, что все-таки «духовное, божественное начало преобладает в мире» [7. С. 317].

Примечания

1. Одним из литературных прототипов этого образа Н.И. Греч назвал героя романа Г. Цшокке «Аламондей, галерный невольник». В книге «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии, *Николая Греча*» автор так разъясняет свою позицию: «В этом маленьком романе решены многие вопросы высшей нравственности. Он не переведен на русский язык, но я воспользовался некоторыми мыслями автора, и вложил их в уста Алимари, одного из героев моей Черной женщины. Я чистосердечно покаялся Г. Цшокке в этом похищении» (Санкт-Петербург, 1843. Том первый. С. 233). Существуют и другие версии: В.Ю. Троицкий даже называет возможным прототипом Алимари графа Калиостро. См.: Троицкий В.Ю. Примечания // Три старинных романа: в двух книгах. М.: Современник, 1990. Книга вторая. С. 560. Источником этой версии, по-видимому, является рассказ отца Н.И. Греча о путешествующем со знаменитым авантюристом в Голландии, «прелюбезном итальянце, полковнике Пеллегрине», подарившем трость с золотым набалдашником;

позднее выяснилось, что под этим именем путешествовал граф Калиостро. Греч Н. Записки о моей жизни. М.: «Захаров», 2002. С. 39.

2. См., например, А. Рэдклифф «Удольфские тайны», «Итальянец», Э.Т.А. Гофман «Эликсиры сатаны», «Песочный человек», а также В.Ф. Одоевский «Себастиан Бах», М.Н. Загоскин «Концерт бесов» и др.

Библиографический список

1. Степанов Н.Л. Прозаики двадцатых – тридцатых годов // История русской литературы. Литература 1820-1830 гг. М. – Л.: АН СССР, 1953. Т. VI. С. 501-562.

2. Тищенко Т.И. Н.И. Греч. Литературно-общественные позиции и художественное творчество: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1997. 17 с.

3. Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6-12.

4. Мацапура Л.В. Традиции А. Радклиф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. 2013. № 2 (6). С. 118-124.

5. Ильченко Н.М. Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Русско-зарубежные литературные связи: Межвузовский сборник научных трудов. Н. Новгород, 2014. С. 93-101.

6. Сидяков Л.С. «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н.И. Греча: Из истории раннего восприятия повести Пушкина // Болдинские чтения. 1985. С. 164-173.

7. Греч Н. Черная женщина // Три старинных романа: в 2 кн. / Сост, подгот. текста, примеч. В.Ю. Троицкого. Кн. 2. М.: Современник, 1990. С. 6-318.

8. Греч Н. Записки о моей жизни. М.: «Захаров», 2002. 463 с.

9. Греч Н.И. Обзорение русской литературы в 1833 году // Сочинения *Николая Греча*. Часть пятая. Мелкие сочинения. СПб., 1838. С. 194-224.

Сведения об авторе

Ильченко Наталья Михайловна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской и зарубежной филологии
НГПУ им. Козьмы Минина
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

УДК 821.11(091)

**УТОПИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
МИФА НА ПРИМЕРЕ ДИЛОГИИ КЭТРИН ФИШЕР
«ИНКАРЦЕРОН»**

А.В. Карпова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В настоящем исследовании рассматривалась модель мира, отображенного в дилогии Кэтрин Фишер «Инкарцерон», а также организация пространства произведения на основе концептов XVIII века. Использование определенных концептов и категорий позволяет изобразить способ мышления людей той или иной эпохи и исторический облик общества. Однако в романе Фишер история – каркас, где время становится условной категорией, содержание которой способно меняться в зависимости от художественного замысла автора. Фишер не стремится достоверно описать прошлое, скорее в данном случае можно говорить о его перепрезентации.

Ключевые слова: модель мира, концепт, XVIII век, современный исторический роман, перепрезентация.

**The Utopian Potential of the Enlightenment's Myth (based on Catherine Fisher's
Incarceron series)**

Alina Karpova

The article examines the model of the world based on 18th century concepts as presented in Catherine Fisher's *Incarceron* series. Authors frequently utilize concepts and categories typical for a given time period in order to accurately describe a society belonging to a particular historical period, complete with its way of thinking. However, in Fisher's novel history is used as a frame: time becomes a contingent category whose content can vary depending on the artistic intention of the author. Fischer does not seek to describe the past accurately; rather, in this case, the writer's method can be described as a representation.

Key words: world model, concept, 18th century, modern historical novel, representation.

Для литературного процесса последних десятилетий характерен возрастающий интерес к проблемам осмысления истории. Это вызвано, в первую очередь, изменениями геополитического характера, такими как падение «железного занавеса», появление новых государств, «цветные революции». Современные писатели живо реагируют на эти процессы. Не случайно появление многочисленных неомифологических романов, литературы в жанре фэнтези. Альтернативная история привлекает внимание самой широкой читательской аудитории. Среди авторов, работающих в этом

направлении, можно назвать британскую писательницу Кэтрин Фишер (1957).

Первую известность ей принесли поэтические тексты: за сборник стихотворений “Immrama”, опубликованный в 1988 году, Фишер была удостоена премии молодых литераторов Уэльского фонда искусств. К прозе Кэтрин Фишер обратилась в конце 80-х годов. Ее первая фантастическая повесть «Игра фокусника» (*The Conjuror's Game*), опубликованная в 1990 году, попала в шорт-лист премии “Smarties Books”, присуждавшейся в Великобритании с 1985 по 2007 годы за достижения в области детской литературы. Также большую популярность снискали ее последующие фантастические произведения: трилогия «Снежный странник» (*The Snow-Walker*) и тетралогия «Книга ворона» (*The Book of the Crow*).

Самым успешным произведением писательницы на данный момент считается цикл книг «Оракул» (2003-2005). Трилогия была переведена более чем на двадцать языков, в том числе и русский, также она была номинирована на премию «Лучшие книги для юношества – 2005» (BBYA), учрежденной Ассоциацией американских библиотек. В этой трилогии Фишер обратилась к мифологии и истории, где описала мир, созданный на основе египетских и греческих культурных мифологем.

Особого внимания заслуживает диалогия Кэтрин Фишер «Инкарцерон», которая содержит в свернутом виде концепцию всего ее творчества. Роман вышел в свет в 2007 году, а сиквел «Сапфик» годом позже. Обе книги были хорошо встречены публикой и критиками. Кроме того, диалогия была номинирована на «Мифопоэтическую премию», лауреатами которой в свое время становились такие известные современные авторы фантастических романов, как Терри Прачетт, Нил Гейман и Джоан Роулинг.

В данной статье рассматривается модель мира, отображенного в диалогии «Инкарцерон», а также организация пространства произведения на основе концептов XVIII века. Прежде чем перейти непосредственно к анализу художественного произведения, необходимо обратить внимание на его жанровые особенности. Несомненно «Инкарцерон» можно отнести к роману-антиутопии. Для того чтобы убедиться в правильности данного утверждения, обратимся к истокам жанра.

Сам термин «утопия» появился в начале XVI века, когда вышло в свет одноименное произведение Томаса Мора. «Утопия – это воплощение определенного типа сознания, то есть типа видения человеком окружающего мира» [1]. В качестве одного из критериев классификации утопии можно выделить отношение утопического идеала к истории. В соответствии с ним «утопии подразделяют на: регрессиистские – ориентированные на возрождение исторически изживших себя и исчезнувших социальных форм; консервационистские – нацеленные на сохранение исторически исчерпавших себя, но все еще сохраняющихся социальных форм, и, наконец, прогрессистские – воплощающие, по мнению утописта, новый идеал и способные обеспечить общественный прогресс» [1]. Важно отметить, что на протяжении всей истории своего существования утопия выступала как специфическая форма социального прогноза. Таким образом, «утопия рисует образ не возможного, а желаемого общества» [1].

Неизменным спутником утопии является антиутопия. «Антиутопия – это не только спор с утопией, это отрицание самой возможности построения совершенного общества» [2]. При этом зачастую отрицание утопии происходит утопическими же средствами, то есть автор конструирует модель нежелательного мира.

Среди причин возникновения антиутопии обычно выделяют научно-технический прогресс и социально-политические противоречия XX века. Многие исследователи считают, что «исторический опыт XIX-XX веков подорвал веру человека в благую силу политических перемен» [2]. Так, Николай Бердяев писал, что утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казались раньше, что надо решить другой мучительный вопрос: как вернуться к неутопическому обществу, к менее совершенному (и более свободному) обществу.

Как и утопия, антиутопия выполняет ряд функций. Прежде всего, это критическая функция и функция предупреждения. При этом «антиутопия не только критикует определенный социум, но и предупреждает о том, к чему, с точки зрения писателя, может привести попытка реализовать утопический идеал» [2]. Итак, в диалогии «Инкарцерон» жанр антиутопии обуславливает специфику пространственно-временной организации модели мира, представленной в тексте. Композиционно роман делится на две части:

мир тюрьмы, именуемой Инкарцерон (от англ. *incarceration* – книжн. заключение в тюрьму; лишение свободы), и мир эпохи. Эта эпоха представляет собой условный XVIII век, искусственно воссозданный в современном мире.

Причиной установления нового порядка стала война, которая привела к почти полному уничтожению энергетических ресурсов и экологической катастрофе: «Дни Гнева окончены, и ничто уже не будет прежним. Война оставила от Луны лишь пустую оболочку, прекратив приливы и отливы. Нам нужно научиться жить проще. Мы должны отступить в прошлое, где все и вся займут свое место в узаконенном традициями порядке. Свобода человека – небольшая цена за выживание общества. Декрет короля Эндора». Именно тогда был издан королевский указ, согласно которому время должно было быть «остановлено»: «Выбрав эпоху из прошедших веков, мы воссоздадим ее. Мы сотворим мир, в котором не придется бояться перемен. Это будет Рай! Декрет короля Эндора» [3. С. 15]. С этого момента технологии, прогресс, и вообще любые изменения оказываются под запретом. Для достоверного воспроизведения эпохи создается Протокол, который строго регламентирует правила поведения и образ жизни: «Мы по рукам и ногам скованы Протоколом; мы все – заложники застывшего, бессодержательного мира, где люди неграмотны, где научные достижения веков доступны лишь привилегированному классу, где художники и поэты обречены лишь бесконечно повторять и переделывать былые шедевры. Ничего нового. Его просто не существует. Ничто не меняется. Ни роста, ни развития. Время остановлено. Прогресс под запретом» [3. С. 243-244].

Реконструируя эпоху XVIII века, автор обращается к концептам того времени, таким как «катастрофа», «насилие», «несвобода» и концепт непосредственно связанный с Протоколом – «галантность».

В XVIII веке «абсолютизм создает особые формы придворного ритуала, церемониальность, почитание этикета» [4]. В различных сферах жизни получает распространение галантный стиль. Галантность становится модой, символом хорошего тона. Прежде всего, понятие «галантность» обозначает отношениям мужчины и женщины из придворной среды. Основу таких отношений составляет изысканный флирт.

Протокол в произведении Фишер также включает в себя понятия этикета и дворцового церемониала. Однако, в отличие от

«галантного века», XVIII век в диалогии рассматривает этикет не просто как совокупность норм, регулирующих поведение людей в обществе. Протокол составляет основу существования героев произведения, он регулирует абсолютно все сферы жизни, и является символом незыблемой власти правящей династии: «Каспар обернулся на полпути к двери и снова подошел к ним. – Протокол для черни, матушка. Нам он ни к чему. – Протокол – гарантия нашей власти. Не забывай об этом» [3. С. 334].

Именно искусственность насаждаемого Протокола впоследствии становится причиной заговора и приводит к попытке свержения монарха: «Так будет тебе известно, что “Стальными Волками” называется также секретная организация придворных и... скажем так, оппозиции, стремление которых – прекратить нескончаемую игру в “чудесную Эпоху” и сбросить иго династии Аваарна. Во главе государства должна стать королева, которая не будет глуха к чаяниям своих подданных и позволит им... нам жить так, как мы захотим. Которая откроет Инкарцерон» [3. С. 117-118].

Другой значимый концепт, позволяющий автору выстроить модель мира по аналогии с XVIII веком, – «катастрофа». Событием, потрясшим умы Европы в эпоху Просвещения, когда так сильна была вера в разум, стало Лиссабонское землетрясение 1775 года. «Землетрясение поразило в первую очередь столицу Португалии, но всколыхнуло, можно сказать, всю Европу» [5]. По оценкам сейсмологов, сотрясения охватили площадь в 2-3 млн км², а сейсмическая активность в районе продолжалась еще 10 месяцев. А.А. Никонов отмечает: «Европу поразили не только масштабы события во всех его проявлениях, но возникновение его в День Всех Святых, к тому же во время главной утренней службы, когда церкви были полны прихожан» [5]. Столь ужасное событие расценивалось не иначе, как Божья кара. Для философов эпохи XVIII века катастрофа стала поводом к смятению, ведь «разрушенным виделся не только Лиссабон, но вообще прошлое» [5]. Разрушенной казалась и концепция оптимизма, разработанная ранними философами эпохи Просвещения. В «Поэме о гибели Лиссабона», навеянной этим трагическим событием, Вольтер так описывал землетрясение:

Забыт и Лиссабон, сметенный гулкой бездной.
И тридцать городов, вдруг превращенных в тлен...

Все судьбы нам темны, и горестна любая.
Не знаем ничего, бесплодно вопрошая.
Природа, в немоте, ответов не дает.
Нам, смертным, нужен Бог, глаголящий с высот.
(пер. А. Кочеткова) [6. С. 426].

В произведении Кэтрин концепт «катастрофа» приобретает обобщенное значение, становится знаком целого ряда трагических событий с роковыми последствиями. В дилогии катастрофой изменившей не только мировоззрение героев, но и мироустройство в целом становится война за энергетические ресурсы. Однако война – это не стихийное бедствие. Автор пишет, что к военному конфликту и его ужасающим последствиям (уничтожению источников энергии и экологической катастрофе) приводит неверная политика правящей элиты. Тем самым Фишер подчеркивает техногенный характер катастрофы: «Когда Смотритель неслышно приоткрыл дверь в обсерваторию, экран во всю стену занимали портреты королей XVIII династии Аваарна – правители периода упадка, социальная политика которых и стала причиной Дней Гнева» [3. С. 102].

Кроме исторического плана в романе есть и другой – альтернативный. Как уже упоминалось ранее, вторая «вселенная» романа – это тюрьма. По окончании Дней гнева, ученые, используя остатки энергетических ресурсов, создали экспериментальную тюрьму под названием Инкарцерон. В нее они поместили всех, чье поведение можно было бы назвать девиантным: «С самого начала было решено, что только Смотрителю будет известно местоположение Инкарцерона. Туда отправятся все преступники, политические экстремисты, сумасшедшие и прочие нежелательные элементы. Врата за ними будут закрыты, и эксперимент вступит в действие» [3. С. 70]. Инкарцерон – тюрьма с бесконечными лабиринтами комнат и переходов, управляемая искусственным интеллектом, задуманная как место, где преступники могли бы встать на путь исправления и организовать идеальное общество. Однако, как отмечает автор, «населению» Инкарцерона так и не удалось преодолеть свою темную сторону. В подтверждение авторской мысли один из первых заключенных лорд Каллистон пишет в дневнике: «...уже двое Книжников увели своих последователей, чтобы

поселиться изолированно от всех прочих. Они считают, что воры и убийцы неисправимы и угрожают им» [3. С. 309].

Тема тюрьмы в произведении тесно связана с концептом «несвобода». Языковые единицы, репрезентирующие данный концепт в романе Фишер, можно условно подразделить на группы: «заключение», «тюремная иерархия», «преступность и насилие» и «оружие». Отметим, что лексемы, относящиеся к этим тематическим группами, широко представлены в диалогии. Отсюда можно сделать вывод о важности концепта «несвобода» для формирования модели мира в романе «Инкарцерон». На это же указывает и само название произведения.

Для того чтобы лучше представлять, что именно понималось в XVIII веке под концептом «несвобода» и примыкающим к нему концептам «заключение», «изоляция» и «наказание», следует обратиться к двум работам Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и «История безумия в Классическую эпоху». Фуко отмечает, что основной формой наказания в середине XVIII века становится тюремное заключение. Он приходит к выводу, что менее чем за век происходит исчезновение публичных казней, а наказание сохраняется только как административный акт. По его мнению, судебная реформа Нового времени предполагала сделать наказание и уголовное преследование упорядоченной регулярной функцией. Согласно Фуко, «на смену палачу приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели» [7. С. 10]. Помимо преступлений, определенных уголовным кодексом, как пишет Фуко, «судят также страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственности; наказывают акты агрессии <...> убийства, но также влечения и желания» [7. С. 13]. Отвечая на вопрос «на что же направлена система исполнения наказаний», Фуко пишет, что наказание должно «поражать скорее душу, чем тело» [7. С. 13]. Также Фуко приходит к выводу, что для людей XVII-XVIII вв. не существовало эквивалента современного понятия психически больного: «Меры изоляции покрывали собой довольно необычную социальную поверхность» [8. С. 146]. «В стенах изоляторов содержались вперемешку венерики, развратники, «мнимые ведьмы», алхимики, либертины и помешанные» [8. С. 118].

Фуко пишет, что Классическая эпоха свела «воедино все формы предосудительного поведения» [8. С. 106], а следующий XIX век перевел «человека неразумного» в больницу и одновременно превратил изоляцию в терапевтическую меру, целью которой стало излечение больного. Реализуя в дилогии концепты «заключение» и «изоляция», Фишер отмечает несостоятельность связанных с ними идей исправления и излечения для большинства своих героев. Эта мысль наиболее ярко реализуется в связи с протагонистами романа дилогии – Финн и Кейро, членов банды Отбросов, промышленяющей нападениями и грабежом. Таким образом, можно сделать вывод о маргинальном характере главных героев, воплощающих «низкий», «карнавальный» слой культуры. Их прототипы можно искать в народных книгах Средневековья и комедиях Возрождения, повлиявших и на культуру последующего столетия.

Как отметил шотландский критик и писатель конца XVIII – начала XIX века Уильям Арчер, «английская комедия начала XVIII века вырвалась из узкого, замкнутого круга фешенебельных гостиных и кофеен Лондона и перекочевала на рыночные площади, проселочные дороги, в дом сквайра, в зал суда» [9]. Так же, как комедиографы этого времени стремились в своих произведениях столкнуть мир титулованных и богатых и мир безродных и нищих, Кэтрин Фишер сталкивает в дилогии две вселенные – строгую, регламентированную и альтернативную, «перевернутую», протестующую. Однако герои обоих миров протестуют против искусственных правил, хотят вырваться на свободу.

Как и в любом историческом романе, использование определенных концептов и категорий позволяет изобразить способ мышления людей той или иной эпохи и исторический облик общества. Однако в романе Фишер история – это каркас, где время становится условной категорией, содержание которой способно меняться в зависимости от художественного замысла автора. Фишер не стремится достоверно описать прошлое, скорее в данном случае можно говорить о его перепрезентации. Таким образом, автор пробуждает у читателя интерес к прошлому и заставляет задуматься над вопросом о смысле истории.

XVIII век – это не только эпоха борьбы с монархическими устоями и религиозным догматизмом, но и время кардинальных изменений в общественном сознании; когда казалось, что

достигнутый уровень знаний позволяет все понять и все объяснить путем логических рассуждений. Такая вера в неограниченные возможности человеческого разума способствовала развитию уверенности человека в себе, побуждая его «больше заботиться о достижении счастья на Земле, чем о приготовлении к жизни на небесах» [10].

В конечном итоге, именно просветители идеологически подготовили Великую французскую революцию, на смену которой пришла военная диктатура Наполеона. Стефан Цвейг дает такую трактовку эпохе Просвещения: «...она сама уничтожает себя, создав наиболее законченный тип, самого совершенного гения, поистине демонического авантюриста – Наполеона [11]. И хотя XVIII век в дилогии Фишер не производит на свет фигуры наполеоновского типа, можно ожидать появление подобного персонажа в последующих произведениях автора.

Библиографический список

1. Баталов Э.Я. В мире утопии // Электронный ресурс Интернет: <http://www.marsexx.ru/utopia/batalov-v-mire-utopij.html>.
2. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США // Электронный ресурс Интернет: <https://www.litmir.co/br/?b=226425&p=1/>.
3. Fisher C. Incarceron. London: Dial, 2010. 442 p.
4. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века // Электронный ресурс Интернет: <http://www.booksite.ru/localtxt/koz/yak/ova/his/tory/32.htm>.
5. Никонов А.А. «Ужасное потрясение» Европы. Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г. // Электронный ресурс Интернет: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/11_05/LISB.HTM.
6. Вольтер. Поэма о гибели Лиссабона // Избранные произведения. М.: Искусство, 1947. 560 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999. 479 с.
8. Фуко М. История безумия в Классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. 698 с.
9. Ступников И.В. Английская комедия XVII-XVIII веков // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.vkarp.com/2011/04/23/и-в-ступников-английская-комедия-хvii-хviii-ве/>.

10. Джадж Г. Всемирная история. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия // Электронный ресурс Интернет: http://yanko.lib.ru/books/hist/ox_v3_hist-1-a.htm.

11. Цвейг С. Три певца своей жизни (Казанова, Стендаль, Толстой) // Электронный ресурс Интернет: http://www.e-reading.club/bookreader.php/62830/Cveig_-_Tri_pevca_svoeii_zhizni_%28Kazanova%2C_Stendal%27%2C_Tolstoi%29.html.

Сведения об авторе

Карпова Алина Владиславовна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kar.alina.91@list.ru

УДК 821.111"18"(411)

МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА ДЖ. МАКДОНАЛЬДА: ВОЛШЕБНЫЕ ПОВЕСТИ «ФАНТАСТЕС» И «ЛИЛИТ»

О.Б. Лукманова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье прослеживается история и мотивация написания Дж. Макдональдом мифопоэтических повестей «Фантастес» (1858) и «Лилит» (1895), обрамляющих его романное творчество, рассматривается их жанровый характер и доказывается принадлежность повестей к жанру рыцарского романа, описанному М.М. Бахтиным, на основании анализа их хронотопа. Кроме того, в статье излагается ряд принципов творчества Дж. Макдональда, включая диалогичность создания и восприятия художественного произведения, множественность его смыслов и толкований, а также художественную ценность потенциальности и некоторого освобождения от ясности и рациональности сюжетной прагматики для увеличения напряженности и силы художественного восприятия.

Ключевые слова: Джордж Макдональд, «Фантастес», «Лилит», мифопоэтические повести, рыцарский роман, множественность смыслов, диалогичность, вертикаль.

Two Mythopoetic “Bookends” of George MacDonald’s Prose: “Phantastes” and “Lilith” Olga Lukmanova

The article traces the history and motivation behind George MacDonald’s mythopoetical fantasies *Phantastes* (1858) and *Lilith* (1895) which serve as symbolic “bookends” to his career of a novelist. The author discusses the genre of the fantasies, postulating that they display the qualities outlined in Mikhail Bakhtin’s description of the romance genre, whose specific chronotope provides them with meaning-making structure, often missed by Western scholars. The article also outlines a number of MacDonald’s creative principles including the dialogical nature of writing and reading imaginative fiction, multiple meanings and interpretation of any imaginative work, as well as the artistic value of potentiality and of a less conventional structure and plot.

Key words: George MacDonald, “Phantastes,” “Lilith”, mythopoeia, romance, multiple meanings, dialog, a mythical vertical.

Среди своих современников викторианский писатель Джордж Макдональд (1824-1905) был известен, прежде всего, своими духовными романами. Когда в 1872 г. он приехал с лекционным туром в США, восторженные почитатели его встречали его именно как автора «Дэвида Эльгинброда» (1863), «Алека Форбса из Хауглена» (1865), «Анналов тихого городка» (1867) и «Роберта

Фальконера» (1868). И хотя со временем критики начали жаловаться на возрастающую нравоучительность прозы Макдональда и ругать его за явную неортодоксальность взглядов, романы писателя продолжали пользоваться популярностью; к тому же в Америке критики относились к духовной тематике его произведений с куда большим энтузиазмом, чем в Британии. Макдональду очень рано было отказано в кафедре проповедника, и романы стали для него не только источником дохода, но и той платформой, где он мог в предпочитаемой его современниками форме говорить им о том, что сам считал самым важным: о радостном и творческом Божьем Отцовстве, лежащем в основе мира, а также о духовном возрастании и становлении человека в познании Бога и Его любви.

Однако романый жанр был для Макдональда, скорее, вынужденным выбором. «По словам (издателей) Смита и Элдера, сейчас идут только романы, – писал Макдональд своей жене Луизе. – Смит говорит, что если я задумаю (написать роман), издатели будут заранее копить на него деньги. Все это, конечно, ерунда, но все равно приятно. Жаль только, что я не умею писать романы. Очень жаль» [1. Р. 214] (перевод с английского здесь и далее мой – *О.Л.*). Гораздо позднее, в интервью обозрению «Книжные новости» в 1893 г., Макдональд вспоминал, что в то время у него просто не было выбора: «Я должен был писать, чтобы зарабатывать деньги, а проза приносит больше всего дохода» [2. Р. 182]. Сначала он думал, что на роман ему просто не хватит ни сил, ни способностей, но в апреле 1859 г., читая в Лондоне серию лекций по литературе, набрался смелости и решил попробовать. Первая попытка действительно обернулась неудачей, но уже через три года в издательстве «Блэкетт» у него вышел трехтомный роман «Дэвид Эльгинброд», который с первого дня начал раскупаться большими тиражами, и с того момента трудностей с изданием книг у Макдональда уже не возникало.

Тем не менее, вслед за немецкими романтиками Макдональд всегда считал себя прежде всего поэтом, а к разряду высшей поэзии относил сказочное и мифопоэтическое творчество. Он любил истину и логику и ценил умение видеть и взвешивать разные стороны одного и того же вопроса ради того, чтобы прийти к как можно более полной и верной картине действительности. Однако при этом писатель неоднократно высказывал мнение, что один только разум не только не способен как следует постичь живую истину, но и совершенно не

осознает собственной неадекватности в этом плане. Художественное воображение было для Макдональда куда более естественным и желанным проводником к реальности, и истины, постигаемые через поэзию Вордсворта и Теннисона, сказки барона Фридриха де ла Мотта Фуке и фантазии Новалиса, с юности казались ему истинами иного, высшего порядка, нежели те, что можно было понять путем рационалистских изысканий. Кроме того, они совсем не противоречили тому, что можно было извлечь из богословских принципов и пропозиций – когда эти принципы и пропозиции выводились из сферы мертвых абстракций и облекались в живые, индивидуальные образы.

Еще служа священником Конгрегационной церкви в Арунделе (1850-1853), Макдональд, помимо написания собственных стихов, сделал поэтический перевод «Духовных песен» Новалиса и на Рождество 1851 г. раздарил его друзьям, а «Ундины» де ла Мотта Фуке называл «идеальной сказкой». Сам он тоже с наибольшим удовольствием работал в поэтическом, мифопоэтическом и сказочном жанрах, по воздействию на человека сравнивая их с природой и музыкой. «Лучшее, что мы можем сделать для своего ближнего – помимо того, чтобы пробудить его совесть, – это не столько дать ему пищу для разума, сколько разбудить то, что уже в нем есть; или, скажем, заставить его думать самостоятельно, – писал он в эссе «Сказочное воображение» (1882). – <...> Природа создает настроение, наводит нас на мысли: к тому же призваны и соната, и сказка». Г.К. Честертон писал, что даже погрешности романов Макдональда почти всегда являются прелестями хорошей сказки: «Ясность этической дилеммы; ничем не незамутненная война света против тьмы, в которой нет места сумеркам скептицизма или робости; стихийная мощь равнин и гор и красота человека, относящегося к Природе, как к собственной матери; безупречный героизм героев и явное уродство злых персонажей – во всем этом видится дух, глядящий на мир юными, наивными и ужасными глазами Джека-Победителя великанов. Д-р Макдональд слишком хороший поэт, чтобы быть хорошим романистом в лучшем смысле этого слова. Ибо слава настоящего романиста в том, чтобы умудриться взглянуть на человечество под сотней разных углов, а слава поэта – в том, чтобы глядеть на него с одной-единственной точки зрения. Д-р Макдональд

видит мир окутанным в страшные и прекрасные багровые одежды Божьей любви» [3. С. 533].

Неудивительно, что в самом начале творческого пути Макдональд попытался завоевать себе место в литературе поэтическими и мифопоэтическими произведениями. Чувствуя, что публика с некоторым трудом воспринимает его уже опубликованные стихи, он решил написать фантастическую повесть-сказку, надеясь, что благодаря популярности немецких романтиков в переводах Карлейля, а также рождественских рассказов Диккенса и Теккерея и сказок Андерсена ему удастся привлечь внимание читателей. В начале 1858 г. в письме отцу он, рассказывая последние семейные новости, добавляет: «Я пишу нечто вроде сказки в надежде, что она принесет мне больше денег, чем более серьезная работа. Она в прозе. Я хотел закончить ее к Рождеству, но был слишком болен» [4. Р. 125]. Уже весной он отдал новому издателю «небольшую рукопись, которую написал за два месяца без исправлений, – нечто вроде сказки для взрослых», и через два дня получил за нее целых пятьдесят фунтов. Это была его знаменитая «Фантастес» (*Phantastes*) – та самая, что в середине XX в. «крестит воображение» Кл. С. Льюиса и через его восторженную похвалу во многом способствует пробуждению новой волны интереса к творчеству Макдональда.

Однако в глазах викторианских критиков «Фантастес» была, скорее, литературным провалом. Рецензент лондонского литературного обозрения «Атенеум» писал, что автор «потерял всякую связь с реальностью», называя повесть «загадкой, которую невозможно разгадать», упрекая Макдональда за то, что ему не удалось «дать в руки читателю ключ к ее значению», как полагается автору всякой успешной аллегории, и советуя ему в следующий раз выбрать другой жанр. Сам Макдональд был решительно не согласен с таким жанровым определением «Фантастес» и огорчился, что его волшебную сказку для взрослых «назвали аллегорией и оценивали (или недооценивали) соответствующим образом – как будто двойной смысл может быть только у аллегории!» [5. Р. 297]. Тем не менее, как уже было отмечено, с того времени Макдональд начал писать преимущественно романы и вновь вернулся к жанру мифопоэтической прозы (если не считать короткой сказки «Золотой ключ») только через сорок лет, написав еще одну волшебную повесть для взрослых «Лилит» (*Lilith*).

В октябре 1891 г., сообщая жене, что американский издатель-католик сделал ему хорошее предложение, заказав повесть для своего журнала, Макдональд прибавил: «Надеюсь только, что мои мозги позволят мне им воспользоваться: что-то они устали творить в рамках человеческих законов» [5. P. 526]. В то время Макдональду было уже шестьдесят семь лет, и хотя он продолжал активно работать, в письме брату от 1887 г. он признавался: «Когда Богу будет угодно, чтобы я перестал писать романы, я буду только рад, потому что никогда не чувствовал, что призван к этому по природе, хотя это явно мое призвание» [4. P. 324]. “*I tend to a wild one (story), into which one can put so much more,*” – писал он американскому поэту Ричарду Гилдеру еще в 1875 г. – и в этом случае адекватно перевести слово ‘wild’ представляется весьма сложной задачей, так как в ряду возможных значений могут быть «дикий», «бесформенный», «сумасбродный», «безудержный», «беспорядочный», «неконтролируемый», «вне установленных правил», «шалевой» и т. д. Этот набор определений во многом описывает восприятие «Фантастес» со стороны викторианских критиков, но для Макдональда возможность дать полную свободу своему художественному воображению, не задумываясь о необходимости оставаться реалистичным и следовать условностям викторианского романа, была весьма заманчивой перспективой. Он инстинктивно чувствовал художественную ценность потенциальности, упирающейся в невозможность полного раскрытия, когда художественно-эмотивные концепты включают в себе потенцию не только к раскрытию образов, но и к разнообразно волнующим чувствам и настроениям: «Неопределенное нечто, <...> которое мы даже бессильны вполне раскрыть в направлении обещанного, отличается иногда чрезвычайной остротой художественного воздействия, <...> волнует нас гораздо глубже, чем раскрытое или легко раскрываемое» [6. С. 274-275].

Мифопоэтические повести Макдональда, с двух концов обрамляющие его творчество – «как два странных сфинкса, каждый в своей неизменной форме и каждый с вечно меняющейся красотой лица, – сфинксы, задающие такие вопросы, что никто, попытавшийся найти на них ответы, не пожалеет о потраченных усилиях» [5. P. 378] – относятся именно к разряду таких ‘wild stories’, которые, по словам их автора, вмещают в себя гораздо больше, чем романы. Они настолько родственны по жанровой принадлежности, сюжету,

мотивам, образному строю и общему замыслу, что некоторые ученые предлагают видеть в них «единое фантазийное произведение» [7. Р. 75]. В обеих повестях речь идет от первого лица, и главным героем является молодой человек, только что достигший совершеннолетия и вступающий в новую жизнь. В первом случае героя зовут Анодос, что можно толковать одновременно как «человек без цели и пути» и «идуший вверх». Во втором имя героя – Вейн (*Vane*, «флюгер»), что одновременно отражает его внутреннее непостоянство и неустоявшуюся идентичность и, посредством омонимической игры слов, намекает на его тщеславие и бесплодность его собственных усилий. Помимо всего прочего, «Фантастес» и «Лилит» являются романами воспитания: их герои пускаются в путь, оба раза не вполне по своей инициативе попав в Волшебную страну или в сферу семи измерений (в обоих случаях это – мир, где внутренняя реальность так или иначе выводится наружу), и после завершения путешествия вновь оказываются в своем мире, преображенные и приобретшие смирение как начало мудрости. Подытоживая свои приключения в Волшебной стране, Анодос говорит, что пошел туда искать свой идеал, а в результате лишь сумел избавиться от своей Тени (темной стороны своего «я»). Герой «Лилит» в конечном итоге отказывается как от теоретической книжности, так и от бездумной деятельности и живет в радостном и спокойном ожидании окончательного пробуждения к новой жизни.

Некоторые исследователи называли «Фантастес» «симфонией, выстроенной на вариациях на бессознательные темы», видели в ней «почти что роман потока сознания (или, вернее, бессознательного), без сюжета» [8. Р. 25], нечто бесструктурное, не связанное в единое целое. К этим выводам авторов в значительной степени располагает тот факт, что повесть была написана очень быстро, почти без исправлений, словно под диктовку. Похожие мнения высказываются и относительно «Лилит»; к тому же, сын писателя Гревилл Макдональд в порыве энтузиазма назвал «Лилит» «откровением святого Джорджа» [5. Р. 548], что только усилило впечатление прямого вдохновения свыше. Первый вариант «Лилит», датированный 29 марта 1890 г., действительно написан от руки, свободным, летучим почерком, практически без поправок и исправлений, и складывается впечатление, что изначальная история пришла к нему сразу и целиком. Однако в течение следующих пяти

лет Макдональд многократно редактировал и правил эту повесть: в Британской библиотеке, куда дети Макдональда передали его рукописи, хранится восемь разных вариантов ее текста (хотя если учесть, что последние три являются корректурными гранками, где исправлены лишь описки и опечатки и внесены мелкие поправки, всего разных вариантов текста получается пять). Первый, как уже было сказано, написан от руки и в нем практически нет помарок, но следующие четыре напечатаны на машинке, и многочисленные вставки, зачеркивания и поправки в них свидетельствуют о длительном и кропотливом процессе переработки изначального текста и о постепенном оттачивании и уточнении изначального замысла.

Кроме того, за последние десять лет все больше критиков начали не только признавать наличие у «Фантастес» и «Лилит» четкой, сознательно выстроенной автором структуры, но и справедливо утверждать, что понимание этой структуры необходимо для адекватного восприятия обоих произведений. Надо сказать, что мнения о том, как именно выглядит и что означает эта структура, сильно разнятся: одни исследователи усматривают в повестях зеркальный параллелизм (Ф. Сото), другие видят в них структуру лабиринта познания добра и зла (К. Драйер), третьи выделяют центростремительность как главную структурообразующую черту произведения (Дж. Докерти) и т. д. Все это, несомненно, подчеркивает отсутствие в произведениях конвенционального сюжета и очевидной, легко узнаваемой структуры. Однако в свете современных открытий о том, что «напряженность и сила художественных восприятий совершенно не совпадает с ясностью сюжетной прагматики и с ее рациональностью и, быть может, <...> даже достигает наибольшей степени в некотором освобождении от них» [6. С. 275], появляется возможность оценить повести Макдональда с этой точки зрения, а также отметить литературную прозорливость писателя, который в эссе «Сказочное воображение» изначально постулировал диалогичность создания и восприятия любого художественного произведения, а также множественность его смыслов и интерпретаций как неотъемлемую часть любого человеческого творчества: «Помимо воли автора его слова и образы образуют в чужом разуме такие сочетания, которые сам он не предвидел: ведь с каждой мыслью связано великое множество других

мыслей, с каждым образом – великое множество ассоциаций, и каждый символ намекает на великое множество фактов». При этом Бог как метафизический надресат обеспечивает не только абсолютное ответное понимание того, что хотел сказать автор, но и гораздо большую глубину понимания художественного произведения: «Даже сам автор может открыть непредвиденную истину в том, что написал; ведь в момент творения он имел дело с вещами, источником которых были мысли, намного превосходящие его собственные» [9. Р. 69].

Безусловно, поощряя читателей искать в сказочных и мифопоэтических произведениях свой смысл, Макдональд не имел в виду, что эти произведения можно интерпретировать «как заблагорассудится», безоговорочно принимая любое их толкование. С одной стороны, он утверждал, что каждый увидит в таких произведениях «тот смысл, который соответствует его собственной натуре и развитию», и добавлял, что «человек с лживым сердцем увидит злое даже в самом лучшем, и нам не стоит прислушиваться к его мнению о произведениях искусства». С другой стороны, он сам направлял читателей, задавая определенный вектор, определенное русло, помогающее им постигать его повести в соответствии с авторскими намерениями, хотя читатели, конечно же, «непременно должны как-то дополнить данное, чтобы воспринять тот замысел, который был у автора, но не мог быть дан» [6. С. 275].

По мнению Джона Докерти, какое-то время современные литературоведы опасались, что попытки выделить и описать структуру «Фантастес» и «Лилит» могут снова привести к редуccionистскому, строго аллегорическому их прочтению [8. Р. 26]. Как уже было сказано, сам Макдональд сопротивлялся попыткам классифицировать «Фантастес» и «Лилит» как аллегории, по всей видимости, имея в виду именно аллегории с четкими и недвусмысленными соответствиями. «Сказка – это не аллегория, – писал он в «Сказочном воображении». – Аллегория может в ней присутствовать, но сама она не аллегория. Только очень большой художник сумеет, в любом жанре, произвести на свет строгую аллегория, которая не утомляла бы дух. Третьего тут не дано: это будет либо подлинное мастерство, либо мутная тягомотина» [9]. При всем этом Макдональд оставался почитателем, учеником и прямым наследником Дж. Баньяна (многие годы вместе с женой и детьми он

выходил на сцену в роли Духа Мужества в семейной постановке «Путешествия пилигрима»), и элементы аллегии в обеих повестях, несомненно, присутствуют (включая, например, «говорящие» имена героев). Более того, периодически автор сам недвусмысленно указывает на аллегорический смысл того или иного образа; например, в «Фантастес» он в какой-то момент прямо называет загадочный зал во дворце Королевы фей «залом фантазии», а в «Лилит», описывая озеро, чья вода накрыла бывшую долину подземных чудовищ, он мимоходом добавляет: «Пока по земле ходят люди с больными, развращенными душами, на дне того озера так и будут копошиться безобразные твари».

Тем не менее, все это действительно лишь *элементы* аллегии в рамках совсем иного жанра (по словам Кл. С. Льюиса, повести Макдональда «парят между аллегией и мифом» [10. С. 201]), и про другие образы и мини-сюжеты говорить с определенностью гораздо сложнее. Например, в одной из заключительных глав Анодос вместе с рыцарем, которому служит, присутствует на некоем обряде, где молодых людей, по всей видимости, приносят в жертву, толкая их в дыру у подножия трона с деревянным, изъеденным изнутри королем-истуканом; в дыре же оказывается чудовище-волк. Здесь можно увидеть и опасность ненасытной похоти по знанию как знанию (образ волка в мифопоэтике Макдональда нередко связан именно с ней), и идолопоклонство в церкви, и свержение косных авторитетов (в том числе отцовского), и, как свидетельствуют многочисленные интерпретации этого эпизода, многое другое.

В «Фантастес» автор направляет читателя, прежде всего, посредством выводов «задним числом», которые главный герой делает относительно своих приключений, но также и посредством эпиграфов, предваряющих каждую главу. Эпиграфы нередко служат прямым указанием на то, о чем пойдет речь в главе и как следует толковать ее события; кроме того, по ним можно видеть, каких именно авторов Макдональд выбирает в качестве учителей, проводников и образцов для подражания и в каком русле следует читать его повесть (в основном, это английские и немецкие романтики – Новалис, Шиллер, Шелли и др., – а также поэты английского Средневековья и Возрождения – Чосер, Спенсер, Сидни, Турнье и др.). Само название повести заимствовано из «Королевы фей» Спенсера, и с самого начала она пропитана атмосферой

сказочно-рыцарской книжности. Логическим и структурным центром повести является пребывание Анодоса во дворце Королевы фей, где он, читая книги, проживает их, словно сам становится их героем, и выходит из повествования преображенным. В «Лилит» книжность, литературность повествования ощущается здесь не менее отчетливо. Как и в «Фантастес», здесь одной из главных метафор остается книга (Ворон-Библиотекарь-Могильщик-Адам говорит о книгах как людях и людях как книгах; книга становится одним из главных инструментов действия, да и все повествование (то ли сон, то ли видение) оказывается «проживанием» некоей книжной истории: когда она заканчивается и Вейн обнаруживает себя в обычном мире, он видит, как за ним захлопывается тяжелый переплет.

Неудивительно, что сам Макдональд обозначил жанр «Фантастес» как *“fairy romance”* – то есть, фактически, «волшебный (сказочный) рыцарский роман». Вообще, если взглянуть на «Фантастес» именно как на рыцарский роман, все проблемы с якобы отсутствующей внутренней организацией и структурой снимаются, так как повести действительно присущи классические черты хронотопа рыцарского романа, обозначенные М.М. Бахтиным: время, распадающееся на отрезки-приключения; чисто техничная связь времени с пространством; одновременность и разновременность явлений; игра далью и близостью; испытание героев на тождество (и, в частности, испытания на верность в любви и верность рыцарскому долгу; узнавание – неузнавание; сложная игра с тождеством (Мраморная дева и Оляха); мотивы сказочного характера; сказочный гиперболизм времени и субъективная игра со временем; «сны», «видения» и «погружения» в иной мир как формообразующие элементы; целостность и чудесность всего мира и обычность чудесного, которое не перестает при этом быть чудесным и т. п. [11]. Макдональд прямо опирается на известные рыцарские сюжеты, упоминая Персиваля, Гавэйна, Галахада, включает в текст длинную рыцарскую балладу про сэра Агловаля (вообще, в повествование включено множество баллад и песен; они есть в 17 из 25 глав) и вводит в повествование безымянного рыцаря, поддавшегося чарам безжалостной красавицы (отсылка к балладе Китса и ее источникам). Символика здесь также «не грубо-ребусного характера, а приближающаяся к восточно-сказочной» [11. С. 408]. Интересно также отметить явное присутствие средневекового видения мира как

парада или танца небесных тел в рамках стройной, упорядоченной вселенной, где космос понимался как Небеса, и взаимосвязанность планет и их воздействие друг на друга и на людей воспринимались как нечто само собой разумеющееся [12. Р. 23-30].

Жанр повести «Лилит» Макдональд обозначил похожим образом, “*a romance*”, однако на этот раз вместо рыцарей и фей персонажами повести становятся герои иудео-христианской мифологии, включая Адама, Еву и Лилит, а отчетливые библейские аллюзии придают повествованию мощную средневековую вертикаль и четко задают направление для толкования образов: например, дочь Адама-Ворона зовут Мара, что является прямой отсылкой на Книгу Руфь и позволяет достаточно недвусмысленно идентифицировать фигуру Мары с искупительным страданием, а темный зал Лилит с узким отверстием-«зрачком» представляет собой художественное воплощение принципа Нагорной проповеди: «Светильник для тела есть око... Если свет, который в тебе, есть тьма, то какова же тьма?» Голоса других писателей и книг здесь тоже присутствуют, но звучат далеко не так явно; стихов здесь, в отличие от «Фантастес», почти нет: вся сила поэтического слова сосредоточена в единственном длинном стихотворении, которое Адам-Ворон читает в волшебной книге, чтобы «вызвать» Лилит из одного мира в другой: складывается впечатление, что прежний «рассеянный свет» поэзии теперь, подобно лазерному лучу, сосредоточился, приобрел фокус, силу и зрелость.

Кроме того, если в «Фантастес» Анодос идет по Волшебной стране один, то в «Лилит» у главного героя появляется проводник, который инициирует его приключение и, несмотря на множество глупостей и ошибок, в конце концов помогает ему достичь главной цели. Все это вкупе с символическим осмыслением всего пространственно-временного мира, со структурой «видения-сна», длящегося в реальном времени сравнительно недолго, но имеющего вневременной смысл и с энциклопедичной универсальностью авторских выводов позволяет заключить, что «если эта книга и похожа на какое-то другое литературное произведение, то это, скорее всего, не Писания и не мистики, а “Божественная комедия” Данте» [2. Р. 365]. Влияние Данте (которого Макдональд к 1890-м годам уже очень хорошо знал и любил) чувствуется также и в том, что в «Лилит» гораздо более четко выстроена «пластическая картина мира, напряженно живущего и движущегося по вертикали вверх и вниз»

[11]. Макдональд снова разрабатывает одну из главных тем своего творчества: тему эволюции и регресса, постоянного движения с возможностью идти вперед или назад, расти или деградировать, причем это движение охватывает все миры, и граница земной смерти становится весьма условной: например, Ворон-Адам говорит о старших, зрелых и младших, еще незрелых планетах-мирах, а супруги, когда-то мало и плохо любившие друг друга, после смерти вынуждены оставаться вместе в виде скелетов (теперь уже и внешне отражая свою внутреннюю мертвость) и служить друг другу взаимным наказанием и благословением, постепенно научаясь смирению, взаимопомощи и любви.

Макдональд создает ощущение множественности одновременно существующих миров, их переплетенности, иерархичности и конечной цельности. Эти миры включают как разные планеты (Ворон неоднократно упоминает поля на Уране, кольца Сатурна и т. п.), кружащиеся в едином вселенском танце, так и миры, одновременно существующие на одном и том же пространстве на Земле. Мы снова оказываемся в мире не пустого космоса, а живых Небес, «где формальная регулярность поднята до вселенского, всеобъемлющего уровня, так как везде воплощает собой принцип *idem in alio* (“тот же в ином”) и состоит из безупречно градуированной иерархии, в которой и у малого, и у великого одинаково есть свое место» [12. Р. 28].

Надо отметить, что изначально повесть должна была называться «Анакосм: Повесть о седьмом измерении» (*Anacosm: A Tale of the Seventh Dimension*). В окончательном варианте эта тема звучит в единственном эпиграфе, предпосланном всей книге (это длинная цитата из «Прогулок» Г.Д. Торо), подспудно задающем временно-пространственные характеристики мира, в котором происходит действие: это мир, где в одном пространстве сосуществует сразу несколько миров, для восприятия которых требуется особое зрение, особое восприятие.

– Два разных предмета не могут одновременно существовать в одном и том же месте, – отчеканил я.

– Неужели? А я и не знал! – удивлённо проговорил Ворон. – Ах да, помню! Вас действительно так учат. Что ж, это большая ошибка, одна из самых крупных ошибок ваших всезнаек и мудрецов. Такое мог сказать только человек, привыкший жить только в вашем мире, но никак не обитатель вселенной [13. С. 28].

Одновременно Ворон-Адам, прекрасно ориентирующийся во всех мирах, говорит о возможности срезать путь от одного мира в другой, пройдя через мир земной, и порталами между разными мирами может служить зеркало, тень зеркала в лесу или книга. Макдональд выстраивает вертикальный мир, вечность, где «сквозь щели Времени видна Небесная лазурь» («Фантастес»), «где все сходится в чистой одновременности существования» и прорывается в мир земной, и где он, подобно Данте, убирает временные и пространственные разделения, чтобы увидеть мир как одновременный и тем самым раскрыть «истинный смысл того, что было, что есть и что будет» [11].

Таким образом, «Лилит», написанная через сорок лет после «Фантастес», является ее логическим, но куда более зрелым продолжением. Общая тематика, стилистические приемы, сходный хронотоп и образный ряд практически не изменились, и цельность художественного мира Макдональда остается неизменной, но если в «Фантастес», как почти во всех первых произведениях начинающих авторов, куда более отчетливо слышатся отголоски других авторов и чувствуется их влияние, то в «Лилит» с читателем явно говорит сам Макдональд, образно воплощая в мифопоэтике собственные окончательно сформированные взгляды на человеческую жизнь, страдание, смерть, грех и его искупление во вселенском масштабе. Кроме того, можно сказать, что в этих двух повестях ясно отражена эволюция жанра рыцарского романа от раннего, авантюрно-сказочного, до позднего, энциклопедически-универсального. В последней главе обеих книг Макдональд приводит одну и ту же цитату Новалиса: «Наша жизнь не похожа на сон, но должна в него превратиться; и, быть может, однажды так оно и будет», и эти слова вкупе с сознательно размытой границей между сном и явью, земной жизнью и смертью, видением и реальностью, а также ожидание окончательного пробуждения усиливают пограничный, лиминальный характер обеих повестей, еще теснее объединяя их и действительно делая их двумя мифопоэтическими «скобками», которые открывают и закрывают все художественное творчество писателя.

Библиографический список

1. Hein R. George MacDonald: Victorian Mythmaker. Whitehorn: Johanessen, 1999. 602 p.
2. Raeper W. George MacDonald. Novelist and Victorian Visionary. Lion Publishing, 1987. 416 p.
3. Честертон Г.К. Джордж Макдональд и его работа / Макдональд Дж. Сэр Гибби. Н. Новгород: Агапе. 2002. С. 532-535.
4. An Expression of Character: The Letters of George MacDonald / Ed. G.E. Sadler. Grand Rapids: Eerdmans, 1994. 395 p.
5. MacDonald Gr. George MacDonald and His Wife. London: George Allen and Unwin, 1924. 575 p.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общей редакцией д-ра филол. наук проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
7. Manlove C. The Impulse of Fantasy Literature. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1983. 174 p.
8. Docherty J. Note on the Structure and Conclusion of Phantastes. North Wind 7 (1988), 25-30.
9. MacDonald G. The Fantastic Imagination // Fantastic Literature: A Critical Reader / Ed. D. Sandner. Greenwood Publishing Group, 2004. P. 64-69.
10. Льюис Кл.С. Джордж Макдональд / Макдональд Дж. Сказки. М.: Центр Нарния. 2000. С. 196-206.
11. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. Теория романа (1930-1961 гг.). С. 340-503.
12. Ward M. Planet Narnia: The Seven Heavens in the Imagination of C. S. Lewis. Oxford University Press, 2010. 384 p.
13. Макдональд Дж. Лилит / Пер. О. Лукмановой. Н. Новгород: Агапе, 2004. 320 с. 2-е издание: Н. Новгород: Агапе, 2007. 320 с.

Сведения об авторе

Лукманова Ольга Борисовна
доцент кафедры английского языка и американистики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: estson@gmail.com

УДК 821.111"13"

МИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА РИЧАРДА РОЛЛЯ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М.И. Никола

Московский государственный педагогический университет, Москва

В статье XIV век характеризуется как важнейший этап культурогенеза, отмеченный также становлением прозаической традиции в литературе. Важный вклад в развитие этой традиции внесли представители мистической прозы. Признанным главой группы писателей-мистиков является Ричард Ролль, в своих сочинениях описавший пути достижения богообщения в выразительной художественной форме. Стиль его сочинений, отмеченный метафоричностью, звукописью, ритмической организацией текста получил у исследователей обозначение «орнаментальной прозы».

Ключевые слова: становление прозы, мистическая проза, «духовное паломничество», Ричард Ролль, этапы духовного восхождения, «орнаментализм прозы».

The Mystical Prose of Richard Rolle and its Role in Shaping the English Prose Tradition **Marina Nikola**

The article presents the 14th century as a crucial period in cultural genesis, characterized, among other things, by the formation of the prose tradition in literature. An important contribution to the development of this tradition was made by writers of mystical prose and, particularly, Richard Rolle. Widely recognized as the central authority and key figure among other mystic writers of the time, Rolle depicted ways of achieving spiritual enrichment in eloquent artistic forms. His literary style, marked by the metaphoric, musical imagery and tone-painting, and a rhythmical arrangement of text, has been defined in research literature as “ornamental prose”.

Key words: formation of prose tradition, mystical prose, spiritual pilgrimage, Richard Rolle, stages of spiritual contemplation, ornamental prose.

Становление прозаической литературной традиции в Англии приходится на период развитого Средневековья (XIV-XV вв.). Заметную роль в этом процессе сыграла группа авторов, которую объединяют в направление мистической прозы. В число этих авторов включают, прежде всего, Ричарда Ролля (Richard Rolle, 1300?-1349), Вальтера Хилтона (?-1395), неизвестного автора сочинения «Облако неведомого» (The Cloud of Unknowing, 1370?), Юлиану из Норвича (Julian of Norwich, 1342-1419?), Марджерии Кемп (Margery Kemp, 1373 -?). Распространение мистических идей, как на континенте, так и в Англии, стало следствием развивающегося кризиса церкви,

осознания прихожанами ее отступления от евангельских идеалов, вырождения в обрядность и формализм. Реакцией на осознание этих тенденций стала растущая проповедь искания личных форм богообщения. Их возможность и значимость, градация этапов на пути движения души к Богу нашли отражения в писаниях мистиков. После ряда дискуссий литературоведы пришли к выводу, что сочинения мистиков в жанровом отношении можно определить как «духовное паломничество» (“Spiritual Journey”), поскольку в произведениях мистиков мы находим рассказ об особенностях личного пути души к Богу, условиях и трудностях этого движения, радости от, наконец, сложившегося приобщения к горнему миру. Уже сам предмет повествования способствовал обогащению литературы со стороны психологического и философского аспектов. Заметно обогатили мистики и становящийся английский язык в своем искании словесных формул, обозначающих тонкие, сложные состояния и размышления.

XIV век в истории Англии – один из решающих этапов этногенеза и культурогенеза. На него приходится исток важнейших поэтических и прозаических традиций в литературе, утверждение приоритета английского языка в культуре. Литературный процесс этого периода насыщен и многообразен. Однако мистическая проза при всем своеобразии предмета своего повествования не теряется в нем. С позиции протекшего времени историко-литературное значение творений мистиков получает высокую оценку. Так, один из лучших исследователей этого литературного направления, английский медиевист, Ф. Хадсон, в частности, писал: “These English mystics expressed the spiritual achievement of their age in prose and mature in thought and in the use of words as the finest contemporary poetry” [1].

Детальное знакомство с писаниями мистиков позволяет увидеть в их текстах немало общих мест: рассказ об отправном моменте богоискательства, дьявольских кознях против души, ищущей Бога, остром переживании Страстей, симптомах встречного движения Бога к Душе, жаждущей встречи с ним и т. д. В формировании указанной топики значительная роль принадлежит сочинениям Ричарда Ролля, одного из наиболее ранних и авторитетных представителей этого движения. Между тем, имя и творчество этого автора почти неизвестно в отечественном литературоведении, недостаточно изучено и за рубежом, с чем связано особое внимание именно к этому

средневековому писателю-мистику и его произведениям в предлагаемой статье.

Р. Ролль, сын У. Ролля (William Rolle), родился ок. 1300 г. (некоторые исследователи полагают, что, возможно, годом или двумя раньше) в местечке Торнтон Дэйл (Thornton Dale) неподалеку от Йорка в семье небогатого землевладельца. Родители заботились о его начальном образовании. Позже, благодаря покровительству представителя одной из самых богатых и знатных семей Йоркшира, Томаса Невилла (Thomas Neville) (прим. 1), Ролль учился в Оксфордском университете. Однако религиозные искания заставили Ролля оставить и родительский дом, и университет и отдать предпочтение отшельническому жребию. «Житие св. Ричарда-отшельника» (“The Office of St. Richard Hermit”) (прим. 2) сообщает, что в замысел Ролля была посвящена лишь его горячо любимая сестра. Она помогла ему в сборах (приготовила плащ от дождя, подобающую отшельнику белую и серую одежду и т. д.) и проводила в путь. Пешком Ролль добрался до ближайшего городка, Пикеринга, и здесь в местном соборе произошла важная для него встреча. Произнесенная Роллем в соборе проповедь привлекла к нему внимание Джона Далтона (John de Dalton), богатого и влиятельного местного сквайра, бейлифа Пикеринга, смотрителя загородных лесов, констебля Пикерингского замка. Далтон, которого впечатлила искренность духовных помыслов юноши, предложил ему свое покровительство и, в частности, уединенное жилище в своем имении.

В XX веке обычно вкладывают в понятие об отшельничестве полное уединение и отдаление от мирской жизни. Но подобные условия были едва ли приемлемы в Англии XIV в., когда скотты совершали регулярные набеги на монастыри Йоркшира и не оставляли в покое даже сам Йорк. Таким образом, удаление от жилых мест в то время оказывалось крайне опасно. И неудивительно, что на раннем этапе отшельнического опыта Ролль принял предложение Далтона и поселился в его имении. Однако позже в своих сочинениях (“The Form of Living” и др.) Ролль будет отстаивать мысль о том, что духовное уединение может быть достигнуто и при непосредственном соприкосновении с мирской жизнью. Более того, в этих условиях достичь его труднее и, следовательно, тем ценней приложенные усилия и достигнутое совершенство.

В доме Далтона Ролль написал свое первое произведение, «Песнь любви» (“Canticum Amoris”), ориентированное на традицию псалмов. Однако, в отличие от псалмов, оно посвящено Богородице, и факт его свидетельствует о том, что на начальном этапе духовного призвания Ролль посвятил себя Богоматери, уповая на то, что именно она уберет его от мирских соблазнов и поможет сохранить целомудрие. Позднее Ролль оценил подобное начало как верный источник зарождения всепоглощающей любви к Богу Сыну. В «Песне любви» Ролль со всей определенностью выразил желание уединенной и благонравной жизни. Второе латинское сочинение Ролля «Суди меня, Бог» (“Judica me Deus”) представляет собой эпистола, адресованную другу-священнику. Здесь автор, молодой отшельник, апеллирует к божьему суду, оспаривая мнение людей, осуждающих его за перемену обители. Мы узнаем о разногласиях, возникших у Ролля с Далтоном в связи с тем, что ожидаемого и обещанного уединения Роллю в его доме не удалось достичь. Особенно сложной оказывалась ситуация с июня по ноябрь из-за жары, а также обилия людей, привлекаемых в период сельских работ и буквально заполонивших дом. Сам Далтон, несмотря на сочувствие к духовным устремлениям Ролля, представляется в сочинении как человек сугубо мирской, озабоченный как практическими, деловыми интересами, так и своим положением в политических кругах. Как свидетельствует текст, обитатели дома нередко приглашали Ролля к общим трапезам, задавали ему каверзные вопросы, подвергая испытанию его духовные цели и представления. Рассматриваемая эпистола вводит в творчество Ролля тему врагов и друзей. Противников оказывается больше, но тем более трудной и заслуженной представляется Роллю впоследствии божеская милость. Эпистола также интересна тем, что, несмотря на посвящение представителю клира, она содержит критические высказывания в адрес современной церкви. Ее пышность, стремление к богатству, увлечение внешней стороной богослужения определяет сдержанное отношение Ролля к состоянию и деятельности церкви. Своего же друга, соответствующего призванию, автор рассматривает как исключительное явление в лоне церкви. С ним он обсуждает содержание пастырских обязанностей, выделяя особенно проповедническую функцию. По мнению Ролля, желающий стать истинным пастырем должен вдохновляться примером Христа и апостолов, старательно изучать текст Библии, стараться жить по

библейским заветам. Противопоставление современной и апостольской церкви явственно ощущается в тексте. Таким образом, пафос его не случайно позднее привлек внимание Джона Уиклифа (прим. 3) и его последователей, ратовавших за реформацию церкви и увидевших в Ролле своего предшественника и сподвижника.

Позиция автора в эпистоле примечательна тем, что сам он не претендует на нравственную непогрешимость. Земной путь каждого связан с испытаниями и моментами слабости, однако важно их преодоление из желания истинного служения Богу. Осознав дом Далтона как источник «искушения», Ролль сообщает о решении покинуть это прибежище. В финале эпistolы он признается также в желании обогатить свои теологические познания и с этой целью отправиться в Сорбонну. Как свидетельствуют документы, Ролль осуществил высказанное намерение. Его пребывание в Сорбонне не оказалось настолько продолжительным, чтобы завершиться получением докторского звания. Однако исследователи единодушны в признании значимости «парижского периода», интеллектуально и духовно обогатившего Ролля и поднявшего его на новый уровень зрелости (прим. 4).

Своему следующему произведению автор дал название «Огонь любви» (“*Incendium Amoris*”). Этот текст примечателен тем, что в нем Ролль передал осознание факта пережитой эволюции и подверг интерпретации свой «богоискательский» опыт. Как начало нового пути, «открывшего небесную дверь» (“*opening of the heavenly door*”), рассматривает Ролль один из эпизодов, случившихся с ним в последний год проживания у Далтона. Однажды ночью он был поражен появлением в своей комнате красивой молодой женщины, которая прежде была ему знакома и теперь явно склоняла его к телесному греху (“*who loved me not a little, in good love*”). Однако, как утверждает автор, он нашел в себе силы подняться с постели, произнести имя Христово и осенить себя и ее крестным знаменем и взять в руки распятие. В ответ посетительница сильно рассердилась и посмотрела столь злым взглядом, что герой не смог ни двинуть рукой, ни произнести слова. Затем так же внезапно, как и появилась, женщина исчезла. Изложив загадочное происшествие, Ролль делает вывод о том, что это была не просто женщина, а дьявол, принявший ее облик и таким образом искушающий отшельника. Свое спасение Ролль связывает с неожиданно обретенной помощью Бога. Этот акт

спасительного божьего благоволения Ролль трактует как решающий шаг своей духовной эволюции, знак того, что «небесные врата для него открылись» (“opening of the heavenly door”). Отныне свой укрепленный дух отшельник с новыми силами направляет на служение Богу, выражение ему своей любви: “Thou has festid my hert: noight in manyfald thyngs of the world, thai perisch that sekis many thyngs, and syngulatite is halden in haly men, for thai sett all thaire hert to luf only a God” (прим. 5).

Новое состояние героя проявляется в том, что отныне он всецело посвящает себя Его Святому Имени, Его Святой Крови (“The Name of Jesus”, “The Blood of Christ”). Святое Имя и образ Крови Спасителя постоянно присутствуют в молитвах и медитациях мистика, с ними он расстается разве что во сне. Примечательно, что в рассматриваемом тексте (“Incendium Amoris”) Ролль указывает на временную дистанцию, прошедшую с начала его отшельнической жизни до момента истинного «обращения»: это неполных (без трех-четырех месяцев) три года.

Дальнейший путь духовного совершенствования, «восхождения» (“Contemplation”), согласно Роллю, есть долгое душевное моление. На этом пути мистик выделяет три этапа, три последовательно значимые фазы, свидетельствующие о встречном движении Бога. Это внезапно наступающие и явственно, физически ощутимые чувства сладостного удовлетворения, тепла и дивной, небесной мелодии (“sweetness, heat and song”). Живительное, сладостное тепло Ролль, по собственному признанию, впервые ощутил во время моления в одной маленькой часовне. Чувство это настолько поразило его, что он долго озирался вокруг в поисках источника удивительного тепла, пока, наконец, не понял, что тепло это идет от самого Создателя. Со времени «обращения» до впервые полученного прилива тепла Ролль отмечает временной промежуток около года. Затем прошел год, три месяца и несколько недель, за которыми последовало откровение небесной мелодии, отмеченной дивной гармонией. Эта фиксация временных параметров и чисто физических ощущений крайне примечательна в «Огне любви». Автор, несомненно, таким образом стремится придать большую достоверность описанному мистическому опыту. Этой же цели служат детали обстановки, указания на сопутствующие исторические события и т. д.

В то же время описанные фазы и их симптомы представлены в динамике, во все возрастающей прогрессии. Так, легкое живительное слово постепенно превращается в жар и завершается «огнем любви», а мелодичный звук вырастает в симфонию дивной красоты, ее сменяет ангельский хор, в который вплетает свой голос мистик. При этом возрастание степени ощущений сопровождается сожалениями по поводу их «неизреченности», невозможности адекватного словесного выражения для подобной степени совершенства. Примечательно также, что Ролль не связывает обретенные дары со своими личными заслугами. Он разделяет идею предопределения, неисповедимой милости божьей, лишь Ему одному ведомой и свободно Им установленной (“freely to whom Christ chooses”). Как случайный божий избранник, Ролль славит щедрую милость Бога и просит читателей присоединиться к его благодарным похвалам. Одна из ведущих исследовательниц творчества Ролля, Х.А. Аллен, считает автобиографическое сочинение «Огонь любви» наиболее «аналитичным» из всех писаний Ролля. Она отмечает глубину и детальность анализа автором своего духовного пути (прим. 6). Стремление автора как можно точнее представить симптомы своего состояния, описание происходящих в душе изменений, оценка их значимости и степени приближения к конечной цели – все это делает подобную оценку исследовательницы вполне обоснованной.

Основной цикл сочинений Ролля завершает «Песнь созерцающих» (“Melium Contemplativorum”). Она также считается одним из наиболее важных автобиографических сочинений Ролля. Повествование в нем носит ретроспективный характер. Автор создает его в тот период, когда уже достиг небесных наград (сладостного тепла, жара, ангельского пения и т. д.), однако здесь он вспоминает о многочисленных преградах на своем пути. Прежде всего, это насмешка, презрение и хула окружающих, которые преследовали Ролля, как только он решительно выражал тягу к уединенной жизни. По мнению Ролля, это стремление тем более поражало окружающих, когда выказывалось им в обстановке внешне вполне благополучной бытовой жизни. С точки зрения многих окружающих, он выглядел либо притворщиком, либо больным. Автор замечает, что не только мирян, но и церковников раздражало его стремление к добровольной бедности, самоограничению, постоянное погружение в медитацию. Примечательно, что в «Песни созерцающих» более, чем где-либо,

Ролль стремится драматизировать свою участь, приблизив тем самым повествование к житийному канону. Чем более настаивают героя внешние препятствия и гонения, тем явственнее обретается им чувство заслуженного «избранничества» и, наконец, следует описание несомненных «чудес» как свидетельств встречного благоволения неба. Примечательно также, что в «Песни созерцающих» Ролль впервые говорит о заметной известности, которую он обретает как отшельник.

Показательно название произведения. Оно мотивировано тем обстоятельством, что в тексте большое место занимает описание преимуществ созерцательной жизни и прежде всего жизни отшельнической. Ролль сравнивает здесь монастырский и отшельнический идеал, подчеркивая, что в последнем случае созерцательная жизнь проходит в одиночестве, а не в сообществе и, соответственно, требует больших усилий и крепости духа. Касаясь здесь разных монастырских орденов (бенедиктинцев, цистерцианцев, францисканцев и т. д.), Ролль не одобряет их чрезмерного увлечения внешними формами литургии. Более благоволяет мистик к францисканцам. Их идеал странствующего проповедничества, бедности, смирения ближе к стремлениям самого Ролля. Эти ценности, напоминает он, ближе всего и к ценностям апостольским, идеалам первоначальной церкви. В «Песне созерцающих», в свою очередь, заметное место занимает критика современного клира, утратившего истинную духовность. С кризисом современной церкви связывает Ролль растущее у мирян тяготение к индивидуальным формам духовного совершенствования и, в частности, рост отшельнического движения в Англии (прим. 7).

Вместе с тем отшельник не представляется Роллю фигурой, полностью изолирующей себя от внешнего мира. Для отшельника жизненно необходим духовный взаимообмен, особенно со вновь обращенными, недавно ступившими на стезю созерцательной жизни. Среди последних могут быть и женщины. В то же время Ролль подчеркивает, что, не раз выполняя по отношению к ним роль духовного наставника, соблюдал полную целомудренность отношений. Опираясь на свой опыт, Ролль не отказывает женщине в даре мистической жизни, скорее, напротив, отмечает духовную одаренность, восприимчивость своих воспитанниц.

Обозначенные мотивы «Песни» как бы подготавливают к ходу последующих событий в жизни Ролля. Так, он на долгие годы свяжет себя с францисканским монастырем в Гемполе, устроив себе обитель неподалеку от монастыря и общаясь с братией. Ряд его духовных произведений будет посвящен воспитанницам, из которых более остальных им будет выделена Маргарет Киркеби (Margaret Kirkeby) как самая способная и любимая ученица. Ей Ролль посвятит латинское сочинение «Совершенствование жизни» (“*Emendatio Vitae*”) (прим. 8). Представленная выше «Песнь созерцающих» примечательна также заметным использованием в тексте приема аллитерации. Использование этого приема в дальнейшем будет получать все большее употребление в сочинениях Ролля.

Особое положение Ролля в английской средневековой литературе определяется тем, что он с равной степенью таланта писал на родном языке и по-латыни, в стихах и в прозе. При этом, несомненно, проявляется его особое внимание к форме и стилю. Так, поэтические приемы, а порой и целые поэтические фрагменты используются им в прозе. Очевидны всякий раз заботы Ролля о композиции, ритме, а также отмеченное выше пристрастие автора к аллитерации. Значимость последнего пристрастия автора в том, что оно приобщало его к традиции англоязычной литературы, а сам Ролль стремился к более широкому распространению своих текстов. В автобиографических сочинениях Ролль признается, что сначала его привлекала проповедническая деятельность при значительном скоплении народа, затем индивидуальное духовное наставничество и, наконец, он пришел к пониманию высшей, «спиритуальной» формы общения, когда как наставник он отсутствует физически, а делится своим опытом посредством сочинений (“*by letters*”). Обращение к родному языку было продиктовано стремлением Ролля оказаться доступным более широкому кругу читателей. Ролль замечает, что знание латыни отличает, как правило, людей знатных и образованных и, как правило, мужчин; между тем, он хотел видеть среди своих читателей людей разного звания, как мужчин, так и женщин, и среди них как людей, избравших религиозные ценности, так и находящихся пока лишь на пути к ним.

Из английских сочинений Ролля наибольшее распространение получил его «Английский псалтирь» (“*English Psalter*”), над которым он работал много лет. Некоторые исследователи (Х.Е. Аллен,

Е.А. Андехилл и др.) полагают, что работу над переводами псалмов Ролль начал еще во время пребывания в Сорбонне. Осуществление Роллем перевода части Ветхого завета имело важное значение для привлечения интереса к тексту Св. Писания. Примечательно, что переводившие Библию на английский язык сподвижники Уиклифа считали себя продолжателями традиции Ролля. Именно Ролль открыл XIV век в английской литературе как период обильного перевода (“the great age of translation”) и в том числе начало обращения к переводу Библии на английский язык [2. P. 83].

Однако «Английский псалтирь» Ролля – это не только переводы псалмов, но и пространное вступление к ним. В нем он вновь развивает свою мистическую концепцию, убеждая, что любовь к Богу есть высший смысл и высшая ценность бытия. При этом Ролль подчеркивает, что лицезрение Бога при жизни недоступно человеку, однако человек должен стремиться к слиянию с ним через небесную музыку. Перевод псалмов Ролля относительно свободный. Некоторые части переведены с замечательной близостью, в других случаях нередки примеры «обогащения» псалма собственными образами и представлениями. Исследователи [3; 4] отмечают несомненную способность Ролля к созданию лаконичных, выразительных конструкций. Приведем ряд фраз подобного характера: “Many ere cald and fa ere cheson” (Ps. 106.38); “A proud man cummys noght til heuen” (Ps. 100.9); “The way of syn is not hard, bot it is ful of thefis, the way of God, thof it be hard, it is clen and sykere” (Ps. 36.24); “He is not in dedly synne that euer has in his thought” (Ps. 6.5). Однако следует заметить, что не они определяют преимущественный характер прозы Ролля, которая чаще рассматривается как «орнаментальная» [5. P. 67; 6. P. 47] «Английский псалтирь» обнаруживает несомненный вкус Ролля к антитезам, метафорам, сравнениям, балансу, ритму и т. д. Особенно же затейливый характер придает псалмам Ролля аллитерация.

«Орнаментальность» прозы Ролля особенно очевидна в тех частях текста, где он предлагает собственный комментарий к псалмам. Как правило, изложение у Ролля строится по следующему композиционному принципу: вначале приводится латинский текст псалма, затем его перевод и далее следует комментарий, который, в свою очередь, нередко содержит включение поэтического фрагмента.

Не случайно во всем тексте Св. Писания внимание автора привлекли именно псалмы – наиболее лирическая часть Библии.

Псалмам Ролль отводит особую роль в своей духовной биографии. Как свидетельствуют многие признания Ролля, они занимали важное место в его медитациях, выступая своего рода эхом внутренних переживаний мистика на пути его устремления к Богу. Кроме того, именно с них началась «внутренняя музыка» в душе Ролля, которая нашла ответный отклик с небес. Псалмы, таким образом, полнее всего воплощали тему музыки, сферы, где происходило высшее слияние Души с божеством, рождая экстатическое состояние. В предисловии к «Английскому псалтирю» Ролль высказывает восхищение строем речи псалмов: “*Hyre may men see faire ordire of wordis*” (Ps. 3.85). Кроме того, примечательно, что в этом строе Ролль усматривал своеобразное «восхождение» (соответствующее его мистической доктрине). Суть его состояла в движении от лирического моления в начальных псалмах к пламенному восхищению-экстазу в финальных частях Псалтиря. Приведем для сравнения отрывок из третьего псалма, отличающийся спокойной повествовательной интонацией, а затем фрагмент из пятьдесят шестого псалма, передающий страстное, пылкое состояние. “*With my voice I cried til oure Lord and he me herd fra his haly hille. Voyce of hert, bat es, grete ʒernynge of Goddes luf, sounes bifore Crist*” (Ps. 3. 35). “*Be heghid, God, aboven hevens, and aboven all þe erth þi loy. Þat is, Crist, shew þe aboven all aungels myghty, and aboven all þe erth spred þe ioy of þi lovinge*” (Ps. 56. 50).

Не только концепция духовного совершенствования как восхождения, но и всей жизни как паломничества, возвращения души к Богу, развивается в разных местах «Английского псалтиря»: “*I am cumlynge, that is, na duellynge stede haf i here, haf I here, bot ay i am passand til The, and pilgrim fra my cite of heuen, bot i thynke ay thidere*” (Ps. 38. 17); “*Pore i am of this warldes good and i dwell in travels of this life, sighand till heven*” (Ps. 87. 16) и др. Таким образом, «Английский псалтирь» не может быть назван просто переводом канонического текста. Это сложное художественное повествование религиозно-дидактического характера, объединяющее в себе поэзию и прозу, англоязычный текст (северный диалект) и латинский, оригинальный и переводной.

«Английский псалтирь» очень быстро сделался популярным и во многих семьях выполнял роль домашней Библии. Сохранилось около 20 манускриптов XIV в. Некоторые были найдены в религиозных центрах (монастырях и соборах), некоторые находились в частном пользовании. Так, особым искусством иллюминирования отличается рукописный экземпляр, принадлежащий некогда лорду Томасу Беркли и ныне хранящийся в Британском музее. Следует отметить также около 15 манускриптов XIV-XV вв. «Английского псалтиря» Ролля, именуемых «лоллардовскими» (прим. 9). Их обозначение связано с тем, что они содержат интерполяции лоллардовской направленности. Исследователи полагают, что эти дорогие, богато декорированные экземпляры принадлежали представителям знатных кругов лоллардовской среды. Несмотря на популярность этого текста Ролля в лоллардовской среде, ортодоксальные круги церкви не отвергали «Псалтирь» Ролля, и он был в широком использовании до самой Реформации.

Точные даты созданных Роллем произведений, как правило, неизвестны. Это относится также и к «Английскому псалтирю». Относительно последнего есть лишь косвенные указания. Так, известно, что этот текст, посвященный Маргарет Киркеби, создавался еще в период ее мирской жизни, за десять лет до ухода в монастырь, а монастырские записи (в Гемполе) свидетельствуют, что это произошло незадолго до смерти Ролля, в 1349 г. Таким образом, появление «Псалтиря» следует отнести скорее всего к концу тридцатых годов.

Примерно к этому же периоду относится и создание Роллем «Медитаций о Страстях» (“*Meditations on the Passion*”). В ранее созданных религиозно-дидактических сочинениях Ролль уже рекомендовал медитации о Страстях, подчеркивая, что это особенно важно для начинающих. Здесь Ролль развивает тему более подробно. Так, к примеру, он указывает, что вначале подобная тема медитаций переносится крайне тягостно, вызывая страдания и слезы. Однако, по мнению Ролля, это необходимый этап вчувствования в судьбу Бога Сына, его великую искупительную миссию. Впоследствии на основе этих переживаний рождается настоящая любовь к Богу, которая по мере движения по стезе совершенной жизни усиливается и разрастается, становясь главным смыслом существования. Эти суждения Ролль подтверждает собственным пережитым опытом. При

этом тема медитаций о Страстях соединяется с темой культа Св. Имени. Его глубинная сакрализация в сознании, по признанию Ролля, складывается именно в процессе медитаций о Страстях.

Следует заметить, что стиль «Медитаций» отличается особой лиричностью, взволнованностью, порой настоящей патетикой, особенно в тех частях, которые содержат непосредственное обращение к распятому Богу. Роль переносится в обстановку Распятия, воображает себя очевидцем трагического события, находящимся неподалеку от Богоматери и разделяющим ее тяжкие страдания. Автор жаждет разделить бремя страданий с ней и Богом Сыном. В текст «Медитаций» включены несколько поэтических фрагментов, построенных как на аллитерации, так и на рифме. Один из характерных примеров:

Gloryouse Lord, so doofully dyzte,
So rewfully streynyd upryzt on be cros:
For þi mykel mekenesse, þi mersy, þi муzt,
Þou bete al my bale with bote of blood.

Особенно же обильна аллитерация в прозаической части текста, придающая ему ощутимую ритмичность. В тексте встречается также немало балансных структур и образований, но в нем особенно много риторических вопросов, обращений, восклицаний, что придает речи непосредственный и несколько «горячечный» характер. Приведем ряд показательных примеров: “Gyf me of þi syknyges, þat sykest so sore, bat I may syke with þe þat began þat woo”; “A, Lady, for þat mercy, þat modur art of mercy, socoure of al sorewe, and bote of alle bale, modur mad of wrecchys and of wooful, herken to þis wrecche, and vysyt thy child”; “Þei drow and streynyd þe streyzte on brede and on lenkthe, by handys and by feet, and dryve in þe nayles, fyrst in þe ton hand, and drow harde, and after dryve þat oþer”; “A, Lord, þat peyne þat lyther Jues, so cruel and so kene, at be mownt of Calvarye withowten any mercy punyd be with!”.

Однако главное произведение Ролля, наиболее системно суммирующее развиваемые им прежде мистические идеи, — религиозно-дидактическое сочинение «Образ жизни». Исследователи чаще склонны переводить это название как «Образ совершенной жизни», хотя в оригинале заголовок выглядит: “The Form of Living”. Как и «Английский псалтирь», оно посвящено М. Киркеби. Известно, что произведение появилось в последний год жизни Ролля, за десять месяцев до его смерти, когда Маргарет становится молодой

послушницей монастыря в Гемполе. Ролль приветствует ее на новом пути, стремится укрепить ее дух на новой стезе и предлагает ей, а заодно и читателю, наставления о совершенном образе жизни: “Loo, Margarete, I hare schortly sayde þe þe forme of lyving, and how þou may come til perfeccion, and to iufe hym þat þou hase taken þe til”.

Произведение начинается с рассуждения о двух возможных формах жизни, жизни активной и жизни созерцательной (“actyve and contemplatyve lyfe”). Активная жизнь, по мнению Ролля, связана с мнимыми ценностями, устремленными вовне: жаждой богатства, нарядов, плотскими наслаждениями и т. д. Они губят душу и ведут ее в ад, жизнь созерцательная представляется как совершенная, связанная с внутренним поиском любви к Богу. Ролль оставляет возможность за каждым, даже грешным человеком, пережить момент «обращения», порыв к новой, духовной жизни и осуществление нового нравственного выбора. Однако такой поворот может быть осуществлен только в изменившихся условиях: при добровольном уединении, самоограничении, постоянстве устремления к Богу и божественным ценностям. При переходе к новой форме жизни особенно трудным бывает начало. Однако Ролль верит, что Бог, ангелы, люди святого образа жизни не лишат новообращенного своей поддержки: “If þai will torn þat, and ryse till penance, God will ordeyne þair wonyng with awngels and with haly men”.

В то же время именно начальный этап духовных исканий связан с «дьявольскими испытаниями». Дьявол, не желая мириться с потерей души, подвергает ее соблазнам, особенно плотским. Ролль советует готовиться к этим испытаниям. Так, к примеру, одним из средств подготовки представляется ему чтение житий святых, размышление над крепостью их духа (Св. Иеронима, Св. Бернарда и др.). Устоять перед дьяволом значит для Ролля открыть «небесную дверь».

Однако путь к встрече с Богом, подчеркивает Ролль, достаточно долог. И в этом сочинении Ролль с неожиданной для него схоластической педантичностью устанавливает множество градаций промежуточных этапов на этом пути. Однако главный акцент он делает на встречном движении Бога, проявлении его «материнской» любви к человеческой душе, получающей весьма многообразное выражение, не ограничивающееся теплом, жаром и небесной музыкой, как утверждалось в прежних сочинениях. В целом путь уединенной, созерцательной, совершенной, по его терминологии,

жизни представляется Роллю как путь неуклонного духовного обогащения. Так, в XI главе сочинения он подробно останавливается на «семи небесных дарах»: “Pies þai er: wysdome, understandyng, cowsayle, streng, connyng, pyte, and þe drede of God... With þier seven gyftes þe Haly Gaste towches sere men serely”. Позднее в поэме У. Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (XIX гл.) мы встречаемся с описанием Святых Даров, явно следующим за традицией Ролля.

В последнем произведении Ролля впервые ясно выражена мысль о том, что движение по пути совершенной жизни может быть бесконечным. Смерть лишь по видимости кладет конец этому движению, но по существу означает лишь новые формы взаимоотношения с божеством. Посвящение себя Св. Имени объявляется необходимым условием совершенной жизни, значение которого особенно возрастает по мере прогресса в движении. Следует заметить, что идея культа Св. Имени в мистической теории Ролля имела важные культурные последствия. Если до Ролля ее высказывал, пожалуй, лишь Св. Бернард из Сиены, то в дальнейшем она распространяется в среде английских мистиков (наиболее яркое выражение идеи видим у В. Хилтона и у автора «Облака неведомого»), а затем и на континенте эта идея связывается именно с писаниями Роля (прим. 10).

В «Образе совершенной жизни» обогащается также представление о высшей стадии восхождения души и моменте слияния с божеством. Если прежде «встреча» с Богом символизировалась торжеством музыкальной гармонии, то теперь ее сопровождает также стихия света: “The ‘Shynynge’, that is, the ymage of God, be in oure thoghtis, that we may life In luf and contemplacioun of heuen, and all oure werkis be done in charite, and rightid till lastand mede”.

Что касается художественной манеры Ролля, то в «Образе совершенной жизни» она не претерпевает заметных изменений. Мы наблюдаем тот же «орнаментализм» с преобладающим пристрастием к аллитерации. Внимание привлекает, пожалуй, подчеркнутый лиризм повествования: теплота, интимность, особая участливость, как к обозначенному адресату, так и воображаемому читателю. Некоторые исследователи (Е. Аллен, Ф. Хадсон, Т. Колеман и др.) считают возможным говорить о так называемом «духовном эротизме» (“spiritual erotism”), восходящем к поэтике псалмов и вытекающем из

самой концепции книги. Одна из главных тем автора – любовное тяготение души к Богу и его «ответная ласка». Ответ этой божественной «ласковости», душевной «опеки» (например, по отношению к Маргарет Киркеби (“*My fulle dere and wel loued trende in God*”)) определяет, таким образом, и авторскую интонацию.

Указанная особенность повествовательной манеры Ролля в немалой степени способствовала популярности книги. Она имела широкое хождение во всех областях Англии, о чем свидетельствуют дошедшие до нас многочисленные манускрипты на всех диалектах. Показательна, к примеру, надпись, сделанная на полях одного из них: “*Here endith the informacion of Richard the Ermyte þat he wrote to an Ankyr, translate oute of Northowrn tunge into Sutherne that it schulde the betir be understondyn of men that be of the Selbe counter*” [7. P. 238].

Популярности Ролля в значительной степени способствовал сам драматический характер эпохи XIV в. Войны, эпидемии, социальные потрясения, внутрицерковная борьба – все это заставляло человека искать путь индивидуальной духовной опоры. И поучения автора, чей личный опыт приобрел авторитет и вызвал доверие, становились особенно действенными. Важность социальной роли мистических сочинений подчеркивал исследователь Дж. Беннетт: “*Not that they had a clinical or therapeutic part, but that their sanctity gives them a charismatic power, based on their own experience of spiritual conflict or development. They do indeed enable other men and women to gain a clearer vision of God*” [8. P. 309, 310].

В историю средневековой и, в частности, мистической литературы Р. Ролль вошел как талантливый прозаик с «инстинктом поэта (“*the instinct of a prose poet*”)) [9. P. 59], органично соединивший в своем творчестве традиции латинской религиозно-дидактической литературы и англо-саксонской прозы. На новом культурном этапе Ролль сформировал направление, включающее целый круг последователей, заложивших вместе с ним основу мистической прозы в английской прозаической традиции. Эта традиция в значительной мере создавала и укрепляла склонность к индивидуальному, вдумчивому чтению, затрагивающему важнейшие вопросы человеческого бытия.

Примечания

1. Томас Невилл (Thomas Neville), архидиакон Дурхэма (The Archdeacons of Durham), пользовался заметным влиянием в Оксфордском университете и, как свидетельствуют университетские архивы, нередко выступал патроном бедных студентов.

2. «Житие Св. Ричарда-отшельника» было создано в стенах аббатства в Гемполе в надежде на канонизацию Р. Ролля и относится к концу XIV века.

3. Джон Уиклиф (John Wycliffe, 1320?-1384) – английский богослов, прозаик, профессор Оксфордского университета, лидер предреформационного движения, вместе со своими помощниками осуществивший первый перевод Библии на английский язык.

4. Так, к примеру, наиболее авторитетная исследовательница творчества Р. Ролля Х.Э. Аллен связывает с пребыванием в Сорбонне возникновение у Ролля интереса к интерпретации Св. Писания: “The later works show special enthusiasm for the interpretation of Scripture, and this he may have brought hack from the Sorbonne”.

5. Здесь и далее тексты Р. Ролля датируются по следующему изданию с указанием в скобках страницы: English writings of Richard Rolle, Hermit of Hampole, Oxford University Press, 1988.

6. “The most analytical of his writings” – так пишет Х.Э. Аллен об эпистоле «Огонь любви».

7. Современные исследователи указывают также на ряд других исторических факторов, способствующих распространению отшельнического и мистического опыта: “Rolle’s beginning as a hermit in a period of national tribulation must have helped to give him a start as a writer and famous aesthetic just as the effect of the great pestilence must have helped the posthumous circulation of his works”.

8. Подробные сведения о Маргарет Киркеби см. в издании: Power E. Medieval English Nunneries. Cambridge, 1922.

9. Лолларды (от англ. *lollard* – бормочущий молитвы) – члены христианской религиозной общины, приверженцы идей Дж. Уиклифа, бродячие проповедники, поставившие задачу распространять идеи Уиклифа и его Библию в народе.

10. “It lykys be saule eupremcre for to crye ‘Ihesu, Ihesu’, and noust only he has confort in bis, but also in psalmys and ympnes and antympnes of holy kyrke... in be same toune and notes bat haly kyrke uses.”

Библиографический список

1. Hodson Ph. Three 14th century English mystics. London, 1966.
2. Knowles M.D. The English Mystical Tradition. London, 1961.
3. Chambers R.W. On the continuity of English prose. Paris, 1959.
4. Coleman T. English Mystics of 14th Century. Westport, 1971.
5. Stone R. Middle English Prose Style. Mouton, 1970.
6. Tuma G.W. The 14th Century English Mystics. A comparative analysis. Michigan, 1977.
7. Millar E.G. English Illuminated Manuscripts of the 14th and 15th centuries. Paris – Brussels, 1928.
8. Bennett J.W. Mystical Writings // Middle English Literature. London.
9. English writings of Richard Rolle, Hermit of Hampole // Ed. by H.E. Allen. Introduction. London, 1963. Vol. 1.

Сведения об авторе

Никола Марина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой всемирной литературы
Московского государственного педагогического университета
E-mail: nikola7352@mail.ru

УДК 821.161.1"18"

СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА В ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ ПУШКИНА

О.Е. Осовский

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарёва, Саранск*

В статье исследуется отражение темы смерти Наполеона в поэтическом творчестве А.С. Пушкина и ее влияние на эволюцию образа французского императора в пушкинских произведениях 1820-30-х гг. Показаны различия восприятия фигуры Наполеона ранним Пушкиным, в его романтический и постромантический периоды.

Ключевые слова: творчество Пушкина, Наполеон и наполеоновский миф, литературное сознание, романтизация образа.

The Death of Napoleon in Pushkin's Literary Consciousness

Oleg Osovsky

The article explores the theme of Napoleon's death reflected in the poetic works of A.S. Pushkin and its impact on the evolution of the French Emperor's image in Pushkin's works in the 1820-30s. The author demonstrate the difference between young Pushkin's perception of Napoleon's image and its romantic and post-romantic versions.

Key words: Pushkin's literary heritage, Napoleon and the Napoleonic myth, literary consciousness, romantization of Napoleon's image.

Фигура Наполеона – одна из ключевых в литературном сознании Пушкина, о чем отечественная пушкинистика (от Б.В. Томашевского, Ю.М. Лотмана до А.М. Гуревича, А.И. Иваницкого, Т.А. Ложковой и др.) писала многократно. Можно спорить, сложилась ли в творчестве поэта «наполеоновская легенда», однако, как показала О.С. Муравьева [1], все предпосылки к формированию подобного феномена у Пушкина обнаруживаются, причем во многом это совпадает с европейской и российской тенденцией 1820-х-50-х годов. Цель данной статьи – проследить, как начинает складываться в сознании Пушкина образ Наполеона, какое влияние на его эволюцию оказывает смерть этого исторического персонажа и как посмертное его восприятие вписывается в общий контекст не только литературно-художественного творчества Пушкина, но и в его историософскую и социально-политическую концепции.

Формирование образа Наполеона в литературных опытах Пушкина традиционно начинает рассматриваться со стихотворения «Наполеон на Эльбе» (1815), хотя очевидно, что и предвоенные разговоры о французском императоре, и многочисленные анекдоты о нем, и само переживание 1812 года во многом определяли юношеское отношение к нему Пушкина. Патриотический антинаполеоновский пафос, сохраняющийся в воспоминаниях поэта и в мемуарах о нем, оказывается вполне естественен и закономерен. Анализируя «Наполеона на Эльбе», А.И. Немировский детализированно и убедительно указал на отдельные фрагменты произведения, которые совпадают со штампами антинаполеоновской пропаганды того времени [2].

Уточним, однако, что 16-летний Пушкин вовсе не так юн. Перед нами поэт, вступающий в пору ранней творческой зрелости, и возникающий в стихотворении образ почти готического злодея наполнен внутренней иронией: «Уже на западе седой, одетый мглою, / С равниной синих вод сливался небосклон. / Один во тьме ночной над дикою скалою / Сидел Наполеон. / В уме губителя теснились мрачны думы, / Он новую в мечтах Европе цепь ковал / И, к дальним берегам возведши взор угрюмый, / Свирепо прошептал <...>» [3. Т. 1. С. 101]. На это указывают и тотальность злодейского замысла, и намеренная архаизация лексических средств, создающих атмосферу чрезмерной торжественности, и внутренняя готовность произносящего монолог признать превосходство «полнощи царя молодого».

При этом оппозиция «Наполеон – Россия», обостренно воспринимаемая Пушкиным 1815 года, останется одной из важнейших в его политическом сознании. Меняющееся отношение к Александру I, в декабре 1818 года уже «кочующему деспоту», до определенной степени смягчается признанием роли императора в спасении Отечества. Не случайно и в «Наполеоне на Эльбе» так важны образы России и Москвы, исхода русской кампании, завершившейся бесславным бегством: «ты двинул ополченья, / – обращается злодей к победителю, – И гибель вслед пошла кровавым знаменам, / Отозвалось могущего паденье, / И мир земле, и радость небесам, / А мне – позор и заточенье!» [3. Т. 1. С. 102]. В целом соглашаясь с мнением Н.В. Забабуровой о том, что «события были слишком близки по времени, сам юный автор не мог отрешиться от

столь естественного в данной ситуации безоговорочного осуждения посягнувшего на родину агрессора и восславления победителей, в том числе и царя-спасителя» [4. С. 181], укажем на недооценку исследовательницей способности Пушкина к явно ироническому восприятию событий недавнего прошлого и – соответственно – к их адекватной рефлексии.

Ссылка Наполеона на о. Святой Елены и его практически полное исчезновение из европейской политики во второй половине 1810-х годов, казалось бы, наглядно объясняет отсутствие его образа в пушкинском творчестве в этот период. Впрочем, утверждение о полном отсутствии выглядит несколько радикальным: как показала в своем исследовании Е.Н. Монахова, в годы написания «Руслана и Людмилы» Пушкин иронически сопрягает фигуру Наполеона с образом Черномора [5]. Очевидное развенчание готического злодея «Наполеона на Эльбе» и превращение его в абсолютно смехотворный персонаж – явный результат деактуализации фигуры Наполеона в новой историко-политической ситуации. Нет сомнений, что пушкинская реакция – это не реакция массового сознания, надолго сохраняющего историческую память о «злодее». Еще одним свидетельством комической профанации образа Наполеона в провинциальном сознании чуть более поздней эпохи может служить гоголевская триада Чичиков – капитан Копейкин – Бонапарт в «Мертвых душах». В «Руслане и Людмиле» «карла» – Наполеон – лишь одна из множества комических аллюзий, политических и литературных, пронизывающих образную структуру поэмы [6; 7].

Отчетливо актуализируется образ Наполеона у Пушкина в начале 1920-х годов, причины чего очевидны: с одной стороны, это изменение политической обстановки в Европе, с другой – сама смерть Наполеона 5 апреля 1821 года, не только актуализировавшая его фигуру, но и потребовавшая ее переосмысления. Напомним, что Пушкину становится известно о смерти бывшего императора 18 (30) июля на балу у армянского архиепископа, о чем сохранилась запись в кишиневской тетради [3. Т. 8. С. 16]. Временная дистанция между событием и известием о нем не должна вводить читателя в заблуждение. К началу 1820-х скорость передачи подобных сообщений не слишком увеличилась и мало чем отличалась от пришедшего в Петербург в 1791 году известия о казни Людовика и Марии-Антуанетты. 4 июля информация о смерти Наполеона

достигает Лондона, который тут же ставит в известность об этом французское посольство; английские газеты печатают сообщения о смерти и похоронах Бонапарта, а неделю спустя новость становится достоянием российских газет и журналов. Так, «Вестник Европы» в 13-м (июльском) номере публикует короткий текст, представляющий собой пересказ английского источника: «В Париже получено из Лондона официальное известие о смерти Наполеона. Он умер 5 мая в 6 часов пополудни от ослабления сил, пролежавши более шести недель в постели. Буонапарт сам требовал, чтобы тело его было вскрыто; ибо он полагал, что умирает от рака в желудке – болезни, прекратившей жизнь отца его. Догадка его оказалась справедливою. Граф Монтолон, прибывший в Лондон с острова св. Елены, тотчас сообщил новость сию французскому посольству» [8].

Важнейшей поэтической реакцией Пушкина на смерть Наполеона является стихотворение «Наполеон» (1821), знаменующее этап переосмысления роли и места этой фигуры в историческом пространстве. Не случайно поэт обозначает жанр как оду. Некоторая громоздкость и неизбежная усложненность этого текста не раз вызывали споры исследователей. Нельзя не согласиться с позицией Ю.В. Стенника, блестяще показавшего продолжение в нем русской одической традиции XVIII века [9]. Игра Пушкина-романтика с предшествующей поэтической практикой подводит его к созданию своего рода «двуголосой» гибридной конструкции [10], в которой предромантический и романтический образы Наполеона хотя и не сливаются, но оказываются диалогически созвучны друг другу: «Чудесный жребий совершился: / Угас великий человек. / В неволе мрачной закатился / Наполеона грозный век. / Исчез властитель осужденный, / Могучий баловень побед, / И для изгнанника вселенной / Уже потомство настает» [З. Т. 2. С. 57].

«Народов ненависть почила / И луч бессмертия горит» – важнейшая констатация, позволяющая говорить о новом отношении Пушкина, в котором историческое одерживает победу над сиюминутным: вчерашний «губитель» превращается в монументальную фигуру недавнего прошлого, в присутствии которой очевидна незначительность сегодняшних правителей. Пушкин не забывает войны 1812 года, но именно Наполеон уже видится ему среди тех, кто пробуждает Россию и чувство свободы в ее народе. Поражение Наполеона оказывается в интерпретации поэта его

важнейшей заслугой перед сегодняшней Россией и ее предначертанием; и тем самым бывший император предстает во многом романтической фигурой, масштабность которой определяется ее «падшим величием» (П.Б. Шелли). В этом смысле показателен финал оды: «Да будет омрачен позором / Тот малодушный, кто в сей день / Безумным возмутит укором / Его развенчанную тень! / Хвала! он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал» [З. Т. 2. С. 57].

В письме А.И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года Пушкин даст довольно любопытную характеристику этому стихотворению, казалось бы, полностью его перечеркивающую: «Вы желали видеть оду на смерть Наполеона. Она не хороша, вот вам самые сносные строфы: Когда надеждой озаренный... Вот последняя: Да будет омрачен позором... Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года – впрочем это мой последний либеральный бред, я закаялся...» [З. Т. 10. С. 61]. Здесь необходимо принять во внимание, что Пушкин пишет не просто своему доброму петербургскому знакомому, но влиятельному государственному чиновнику, принимающему активное участие в хлопотах по облегчению его судьбы, не без оснований предполагая, что вся его переписка перлюстрируется; отсюда понятная собеседнику самоироничность финала и декларативность отказа от «либерального бреда».

Очевидно, что новое прочтение образа Наполеона непосредственно связано с радикализацией политических взглядов поэта, с тесным общением, особенно в период «южной ссылки», с представителями русского декабризма – полковником П.И. Пестелем, генералом М.Ф. Орловым и другими, о которых спустя десятилетие в «Метели» Пушкин напишет: «Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами» [З. Т. 6. С. 77]. Не узурпатор, предавший дело революции, а молодой генерал, становящийся первым консулом и берущий в свои руки бразды правления республикой, – вот идеал, волновавший умы молодого офицерства Европы и России, готового прийти к власти путем военного переворота. Воспоминания об этом времени довольно точно отражены в десятой главе «Евгения Онегина» и самым подробным образом рассмотрены в многочисленных работах советских пушкинистов и историков декабристского движения.

Представляется важным новое ощущение сопряженности с судьбой Наполеона своей собственной судьбы, которое возникает у Пушкина после известия о смерти Байрона. Общий сюжет изгнанничества, переживание его трагизма составляют основу стихотворения «К морю» (1824), где образы Наполеона и поклонявшегося ему английского поэта не просто поставлены в один ряд, но воспринимаются как явления равного масштаба: «О чем жалеть? Куда бы ныне / Я путь беспечный устремил? / Один предмет в твоей пустыне / Мою бы душу поразил. / Одна скала, гробница славы... / Там погружались в хладный сон / Воспоминанья величавы: / Там угасал Наполеон. / Там он почил среди мучений. / И вслед за ним, как бури шум, / Другой от нас умчался гений, / Другой властитель наших дум. / Исчез, оплаканный свободой, / Оставя миру свой венец. / Шуми, взволнуйся непогодой: / Он был, о море, твой певец» [3. Т. 2. С. 181]. Это ощущение усиливается в иконографии Пушкина, где обнаруживается набросок двух профилей – Наполеона и Данте. Еще один изгнанник – Данте – также близок Пушкину своей судьбою.

«Байронизация» фигуры Наполеона отчетливо отразилась в пушкинских набросках 1824 года «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» и «Недвижный страж дремал на царственном пороге», особенностью которых становится появление Наполеона как призрака, напоминания о минувших потрясениях и предсказания новых.

Как известно, некоторая сомнительность прихода к власти Александра I и возможная причастность его к заговору в немалой степени делегитимизировали личность монарха в глазах революционно настроенной части общества. Личное отношение Пушкина к Александру в этот период становится также однозначным: Пушкин находится в явной оппозиции к власти, не только не разделяя, но и не одобряя ее внешне- и внутривластных установок; не случайно он готов пуститься в авантюру и бежать с контрабандистами. Во фрагменте «Недвижный страж дремал на царственном пороге» Александр I в разоблачительном внутреннем монологе предстает гонителем и душителем свобод: «Давно ли ветхая Европа свирепела? / Надеждой новою Германия кипела, / Шаталась Австрия, Неаполь восставал, / За Пиренеями давно ль судьбой народа / Уж правила Свобода, / И Самовластие лишь север укрывал? / Давно ль – и где же вы, зиждители Свободы? / Ну что ж? витийствуйте, ищите прав Природы, / Волнуйте, мудрецы, безумную

толпу – / Вот Кесарь – где же Брут? О грозные витии. / Целуйте жезл России / И вас поправшую железную стопу» [З. Т. 2. С. 158-159].

Ответом на вызов «Владыки севера» становится явление призрака Наполеона. Здесь историко-политическая оценка Пушкиным событий недавнего прошлого меняется кардинально. Если в предшествующем десятилетии победа 1812 года для него перечеркивала позор Аустерлица и Тильзита, то теперь именно они – символ торжества наполеоновской мощи, угроза Александровской России: «Чудный взор его, живой, неуловимый, / То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый, / Как боевой перун, как молния сверкал;/ Во цвете здравия и мужества и мощи, / Владыке полунощи / Владыка запада, грозящий, предстоял. / Таков он был, когда в равнинах Австерлица / Дружины севера гнала его десница, / И русской в первый раз пред гибелью бежал, / Таков он был, когда с победным договором / И с миром и с позором / Пред юным он царем в Тильзите предстоял» [З. Т. 2. С. 159-160].

Новое – отчасти политическое, отчасти историософское – восприятие Наполеона сочетается у Пушкина с пониманием его укореняющегося присутствия в массовом сознании. Так, в седьмой главе «Евгения Онегина» (1828) на столе в кабинете героя Татьяна обнаруживает «и лорда Байрона портрет, / И столбик с куклою чугунной/ Под шляпой с пасмурным челом, / С руками, сжатыми крестом» [З. Т. 5. С. 127-128]. Пушкин вновь, как в стихотворении «К морю», сопоставляет двух героев, однако рисует их в романе совершенно по-разному. Если у Байрона сохраняется лицо («Байрона портрет»), то Наполеон – чугунная кукла, не называемая по имени, хотя и с узнаваемыми внешними чертами. Таким образом, можно говорить об очевидном для Пушкина растворении романтического Наполеона в обыденном культурном сознании.

Погружение Пушкина во второй половине 1820-х – начале 30-х годов в философское осмысление действительности, особый взгляд на мировую политическую историю, прошлое и настоящее России с неизбежностью выводили его на проблему власти [11]. По-шекспировски глубокое понимание Пушкиным драмы властителя, прозвучавшее прежде всего в «Борисе Годунове», позволяет предположить, что оно не могло бы состояться без осмысления фигуры Наполеона: сам Годунов совершенно неожиданно сопрягается с образом французского императора, когда убийство царевича

Димитрия упоминается у Пушкина рядом с расстрелом герцога Энгийенского («А Наполеон, убийца Энгенского, и когда? ровно 200 лет после Бориса» [З. Т. 7. С. 386]).

Пушкин продолжает работать с текстами, связанными с Наполеоном (его переписка, мемуары современников), задумывается о написании истории французской революции.

Поэт возвратится к фигуре Наполеона в стихотворении «Герой» (1830), где рядом с сюжетом «Наполеон в Яффе» окажется история посещения холерных бараков Николаем I. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения Н.В. Забабуровой, полагающей, что «весь образ Наполеона в сущности выстраивается в новом ключе – как воплощение некоего абсолюта героизма и славы – и приобретает особую романтическую возвышенность» [12. С. 186]. Пушкин, как представляется, пытался решить своим стихотворением две задачи. Первая из них политическая: поэт играет на романтических струнах души Николая I, он адресует именно ему строки «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» [З. Т. 3. С. 189], пытаясь призвать «милость к падшим». Вторая – философско-эстетическая: художественная правда оказывается выше правды факта: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» [З. Т. 3. С. 189].

В 1830-е годы фигура Наполеона не утрачивает интереса для Пушкина, хотя остается на периферии его творческого сознания; его продолжают интересовать анекдоты о французском императоре, как это случится с отрывком в “table-talk” или в «Бонапарте и черногорцах» «Песен западных славян». Но это уже не масштабная фигура вершителей судеб человечества, а лишь одно из имен в его истории.

Библиографический список

1. Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 5-32.

2. Немировский И.В. Генезис стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821) // Пушкин: исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 176-183.

3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 1-10.

4. Забабурова Н.В. Пушкин и Наполеон: историософский диалог поэта с русскими монархами // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 180-190.
5. Монахова Е.Н. «Так, ты прав, оракул Франции...»: Поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в контексте русской истории эпохи Отечественной войны 1812 года // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. С. 246-263.
6. Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 15-55.
7. Иваницкий А.И. Чудо в объятиях истории (Пушкинские сюжеты 1830-х годов) М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 473 с.
8. Вестник Европы. 1821. № 13 (Июль) // Электронный ресурс Интернет: www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1821/index_Main.html.
9. Стенник Ю.В. Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода южной ссылки // XVIII век. Л.: Наука, 1975. Сб. 10. С. 107-112.
10. Киржаева В.П. Конструкция гибридная // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2006. Вып. 2-3. С. 141-142.
11. Гуревич А.М. «Свободная стихия»: статьи о творчестве Пушкина. М.: Языки славянской культуры, 2015. 376 с.
12. Забабурова Н.В. Пушкин и Наполеон: историософский диалог поэта с русскими монархами // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 180-190.

Сведения об авторе

Осовский Олег Ефимович
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Национального исследовательского Мордовского
государственного университета имени Н.П. Огарёва
E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.1:908

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е.П. Глумова

В статье рассматривается идея реализации регионального компонента в обучении иностранным языкам и предлагается региональный подход к формированию способности осуществлять межкультурный диалог с иноязычными партнерами. Автор описывает основания для выделения регионального подхода, раскрывает положения, определяющие его суть.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, регионализация образования, региональный компонент обучения иностранным языкам, межкультурная коммуникация, региональный подход, региональная идентификация.

A Regional Approach in the Teaching of Foreign Languages **Elena Glumova**

The article discusses the idea of implementing a regional component in foreign language teaching and proposes a regional approach to developing the ability of conducting intercultural dialogue with foreign partners. The author presents a potential basis for defining this regional approach and outlines propositions that determine its nature.

Key words: foreign language teaching, regionalization of education, regional component of foreign language teaching, intercultural communication, regional approach, regional identification.

В последние годы в средствах массовой информации, научной литературе и публицистике, в официальных документах говорят о регионализации образования, что свидетельствует о явном приоритете региональной проблематики в жизни и общественном мнении россиян [1; 2].

Понятие «регионализация образования» является многоаспектным и полисемантическим. С позиции личности и общества оно рассматривается как социально-педагогическое явление, как фактор, влияющий на развитие человека и жизни в регионе. Такое же понимание регионализации образования

представлено в Законе «Об образовании» и «Федеральной программе развития российского образования» [3; 4].

Анализ реализации регионального компонента в процессе обучения иностранным языкам показывает, что исследование проблем реализации принципа регионализации далеко от своего завершения и нуждается в продолжении. Это обусловлено следующими причинами.

1. Положение о необходимости изучения краеведческого материала на уроках по иностранному языку является сегодня общепризнанным. В связи с этим региональный материал в обучении иностранному языку понимается как краеведческий и предполагает изучение родного края на основе текстов регионального содержания. Таким образом, регион рассматривается только на микроуровне и только в связи с родной культурой обучающихся.

2. Информация о регионе проживания на иностранном языке усваивается вне связи с региональными проблемами на мезо- и макроуровнях, что не формирует у обучающихся способность осознавать, воспринимать и анализировать общероссийские проблемы на глобальном уровне.

3. Региональный материал предлагается без опоры на принцип компарации, который предполагает также изучение регионов функционирования иностранного языка на разных уровнях на основе сопоставления, анализа, сравнения региональных проблем родного и иноязычного социума. Это обстоятельство снижает эффективность интеграции личности в мировое сообщество.

4. Несмотря на теоретическое обоснование необходимости включения материалов о регионе проживания в процесс лингвистического образования, реализация данного положения не во всех учебных заведениях успешна.

Заявленная проблема требует разрешения на основе создания специального подхода в обучении иностранным языкам.

В методике обучения иностранным языкам сформировалось культуроориентированное направление, в рамках которого выделяют несколько подходов: лингвострановедческий (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, О.Г. Оберемко), коммуникативно-этнографический (М. Byram, V. Esarte-Sarries, G. Zarate, C. Morgan, Cl. Kramsh,

Р. Доуе), социокультурный (В.В. Сафонова, И.И. Лейфа, П.В. Сысоев), лингвокультурологический (В.В. Воробьев, В.А. Маслова), межкультурный (В.П. Фурманова, Н.В. Языкова, Г.А. Масликова, Л.М. Орбодоева, Г.В. Елизарова). Каждый из подходов определяет специфику иноязычного образования на основе специальных принципов, целей, технологий обучения.

Несмотря на то что идея соизучения языка и культуры на занятиях по иностранному языку является общепризнанной и продолжает развиваться в работах многих ученых, в этой научной области существуют противоречия и нерешенные проблемы, выявленные нами при наблюдении за учебно-воспитательным процессом в школе и вузе, анализе современной психолого-педагогической и методической научной литературы, анализе существующих учебников и учебных пособий по иностранным языкам для учащихся школ и студентов лингвистических университетов, анализе нормативных документов (новые ФГОС ВПО и ФГОС среднего образования), а также по результатам анкетирования и тестирования учащихся школ, студентов и преподавателей лингвистического университета.

Выявленные проблемы и противоречия заключаются: 1) в низкой подготовленности учащихся и студентов к реальным процессам межкультурной коммуникации с конкретными представителями регионов функционирования иностранного языка; 2) в недостаточном учете в рамках современных культурно-ориентированных подходов региональной культуры партнеров по коммуникации в двустороннем порядке; 3) в несоблюдении принципа преемственности между школой и вузом в плане подготовки учащихся и студентов к межкультурным контактам на региональном уровне; 4) в отсутствии учебных пособий по иностранному языку, отражающих региональную культуру партнеров по общению.

На наш взгляд, существующие проблемы объясняются недостаточным вниманием к особенностям организации межкультурного общения в конкретных регионах с определенными представителями иноязычной культуры.

В связи с этим нам видится целесообразным и необходимым в рамках межкультурной образовательной парадигмы предложить

подход к обучению иностранному языку, который в полной мере учитывал бы конкретный контекст ситуаций межкультурной коммуникации с опорой на языковые и культурные особенности партнеров по общению.

В качестве такого подхода мы предлагаем *региональный подход* к формированию способности осуществлять межкультурный диалог с иноязычными партнерами.

Региональный подход в обучении иностранному языку – это целостная система взаимосвязанных компонентов процесса соизучения иностранного языка и региональных культур родного и иноязычного лингвосоциумов с целью обеспечения подготовки к процессу полноценной межкультурной коммуникации с представителями конкретных регионов функционирования иностранного языка.

Выделению данного подхода служат следующие основания.

1. Идея *коммуникативности* как характеристика и результат образовательного процесса. Роль общения в современном мире постоянно возрастает. Развитие различных видов коммуникации требует от человека сформированности коммуникативных способностей и умений, необходимых для достижения успеха в личной, профессиональной и общественной жизни. Стирание границ, перемешивание различных этнических и социальных групп приводит к возникновению так называемого поликультурного общества, что требует развития компетенции в сфере межкультурной коммуникации.

2. Положения *поликультурности*, которые являются в настоящее время ключевыми в образовательной политике государства. Реализация принципа поликультурности подразумевает формирование умений видеть сходства и отличия между культурами, понимать чувства и эмоции человека, оказавшегося в иной культурной среде, распознавать стереотипы родной культуры, обеспечивать мирное сосуществование различных этнических групп, а также групп, образованных по региональным, социальным, возрастным, профессиональным и другим параметрам. Центральное место среди основных концептов поликультурности занимает идея многомерности социальной действительности. В связи с этим новой

функцией образования становится необходимость быть «генетической матрицей общества». Очевидной становится необходимость полного учета в педагогической теории и практике современного развития мировых общественно-экономических процессов, непрерывно растущей взаимозависимости отдельных регионов, стран, народов, всё более тесного проникновения их культур. Современный мир отличается многообразием, многополярностью, многонациональностью и, соответственно, многоязычием. Сохраняя всю гамму красок национального, человечество становится все более единым и взаимозависимым.

3. *Идея различия.* Современные исследования по философии образования и культуры свидетельствуют о том, что начиная со второй половины XX столетия идет поиск отличий, различий. Идея различия становится универсальной. Возникает стремление жить по правилам не единства (тождества), а многообразия, различия. В современном понимании мир, в котором мы живем, представляет собой особую, т. н. ризомическую систему. Свойство ризомы: мир человеческого бытия – и индивидуального, и социального – это мир, в котором происходят постоянные изменения, это текучая действительность. Это состояние так называемой «стабильной нестабильности». Подобная действительность не может быть описана одним универсальным знанием. Она не может быть однозначно интерпретирована.

Суть регионального подхода составляют следующие положения.

1. Межкультурная коммуникация – это процесс взаимодействия с носителями иностранного языка, представляющими разные регионы его функционирования.

2. В основе процесса межкультурной коммуникации лежит опора на собственное региональное сознание, которое проявляется и транслируется в процессе взаимодействия.

3. Процесс межкультурного общения предполагает учет регионального сознания партнера по коммуникации, выстраивание процесса коммуникации с опорой на психологические особенности представителя конкретного региона.

4. Межкультурное общение основано на сопоставлении региональных культурных отличий, являющихся частью общей культуры нации.

5. Эффективность процесса межкультурной коммуникации будет зависеть от того, насколько при этом учитываются различия между зарубежными регионами и регионами России в структуре экономики, характере хозяйственной деятельности населения, политике, структуре и профилях образовательных и других социальных учреждений.

6. В рамках регионального подхода осуществляется социальное развитие личности, т. е. подготовка индивида к участию в жизни того общества, в котором он непосредственно живет.

7. Региональный подход помогает воспитывать нравственную позицию российского гражданина по отношению к родному краю, формировать чувство патриотизма.

8. Обучение иностранному языку на основе регионального подхода направлено на развитие умений понимать общее и специфическое в культурах, выявлять области взаимодействия культур на макро- и микроуровнях.

9. Регионализация в обучении иностранным языкам направлена на достижение поликультурного образования личности.

10. Актуальность регионального материала способствует развитию познавательного интереса и познавательной активности учащихся.

По мнению И.А. Зимней, разные подходы в науке не исключают друг друга, а реализуют разные планы рассмотрения; к тому же они могут быть иерархически организованы, дополнять и совершенствовать другие подходы [5]. Разделяя точку зрения И.А. Зимней, мы считаем, что региональный подход дополняет межкультурный подход к обучению иностранным языкам, уточняя целевой и содержательный компоненты подготовки обучающихся к процессу межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Ераносян В.П. Регионализация как тенденция в развитии инновационного типа образования в России // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2013. № 1 (27). С. 166-174.

2. Еремина Е.В. Регионализация образования как направление образовательной политики государства // Университетское образование: Сборник статей XV Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию полета первого космонавта Ю.А. Гагарина / Под ред. В.И. Волчихина, Р.М. Печерской. 2011. С. 53-55.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования // Электронный ресурс Интернет: <http://минобрнауки.рф/документы/2365>.

4. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации, 2013 г. // Электронный ресурс Интернет: <http://минобрнауки.рф/документы/2365>.

5. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблеме образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20-26.

Сведения об авторе

Глумова Елена Петровна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры лингводидактики и методики преподавания
иностранных языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

УДК 316.346.32-053.6:37

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Б.А. Жигалев, Е.П. Савруцкая, С.В. Устинкин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема функционирования системы социальных факторов – СМИ, Интернета, семьи, институтов образования, друзей – в их комплексном воздействии на ценностные ориентации молодежи в условиях глобализации, анализируются данные социологических исследований динамики ценностного сознания реципиентов под углом зрения выявления приоритетов в выборе респондентами факторов социальной среды, оказывающих наибольшее влияние на их политические и экономические установки.

Ключевые слова: ценностные ориентации молодежи, глобализация, СМИ, Интернет, семья, институты образования, факторы влияния.

Education in the System of Factors Influencing Young People's Values

Boris Zhigalyov, Elizaveta Savrutskaya, Sergey Ustinkin

The article discusses the system of social factors – family, friends, educational institutions, the media, the Internet, etc. – and their combined impact on the values of modern young people in the context of a globalized world. The authors analyze the data provided by current social surveys and describe the ongoing changes in young people's values based on how the respondents prioritize social factors that play the most important role in their political and economic choices.

Key words: young people's values, globalization, media, Internet, family, educational institutions, factors of influence.

Новые тенденции в развитии современных информационно-коммуникативных процессов способствуют изменению духовно-нравственной регламентации поведения человека в зависимости от особенностей и потребностей цивилизационного развития общества. Культура, общество и личность, условием существования и воспроизводства которых является коммуникативное взаимодействие, не могут существовать в полном соответствии с требованиями своего времени без приобретения опыта коммуникативного поведения, формируемого прежде всего под влиянием институтов образования. Однако перед лицом новейших достижений науки, техники,

информационно-коммуникативных средств человек оказался в сложном положении не всегда успешного поиска новых механизмов адаптации к современным цивилизационным и социокультурным условиям. Именно этот разрыв между потребностями цивилизационного развития современного общества и реальными возможностями приспособления человека к новым информационно-коммуникативным условиям социальной среды создает дополнительные трудности для институтов образования, этой достаточно консервативной сферы социальной реальности [1]. В оценке зарубежных и российский социологов, философов, педагогов, психологов отмечается необходимость создания новой системы образования, которая учитывала бы современные сложные моральные и научные проблемы (К. Апель) и была бы направлена на повышение ее мобильности и устремленности в будущее (Э. Тоффлер). В современных условиях системы образования должны в значительной степени отказаться от консерватизма своей организации и функционирования, перейдя к новым инновационным доминантам развития, сохранив при этом традиционность и устойчивость признаков институтов образования как центров обучения и воспитания молодых поколений.

В 2015 году исполнилось десять лет, с тех пор как в рамках программы международного сотрудничества в области научно-исследовательской и учебно-образовательной деятельности между Нижегородским государственным лингвистическим университетом (НГЛУ) и немецкой высшей педагогической школой в городе Вайнгартен (РНВ) было достигнуто соглашение о разработке и осуществлении проекта «Динамика ценностных ориентаций молодежи». Предполагалось, что исследования будут проводиться среди учащихся школ, ссузов и высших учебных заведений г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Всего за десять лет было осуществлено четыре этапа исследований. В 2005-2006 г. в ходе анкетирования было опрошено 1915 обучающихся в учебных заведениях г. Нижнего Новгорода, районных городских и сельских образовательных учреждениях [2].

Повторно аналогичное исследование, ориентированное на выявление динамики политических приоритетов молодого поколения

россиян за прошедший с 2006 года период, было проведено в 2011 году. В ходе исследования было распространено и получено для обработки 3000 (три тысячи анкет). В связи с участвовавшими проявлениями интолерантности в молодежной среде, а также усилением влияния идеологии национализма, всплесками шовинистических настроений и ксенофобии в среде отдельных молодежных групп авторы исследования включили в анкету вопросы, касающиеся оценочного отношения молодежи к представителям других национальностей, включая мигрантов.

В конце февраля – марте 2014 года был проведен третий этап исследования ценностных ориентаций молодежи, в ходе которого было распространено и получено для обработки 2500 анкет. На основании результатов третьего этапа исследования были подведены итоги наметившихся изменений ценностных ориентаций молодежи, четко обозначившихся к 2014 году. По результатам трех этапов проведенных исследований была издана коллективная монография «Динамика ценностных ориентаций российской молодежи (2006-2014)», авторы которой были удостоены звания лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2014 года.

События, связанные с реакцией руководства стран Западной Европы на воссоединение Крыма с Россией, обострением международной обстановки, санкциями ЕС и США против нашей страны, колебаниями цен на нефть, падением стоимости рубля, сложное внутриэкономическое положение России, усиление влияния исламского фундаментализма, нарастание агрессивности в молодежной среде свидетельствовали о необходимости проведения очередного этапа мониторинга динамики приоритетов молодежного ценностного сознания, выявления содержания и направленности мотивационных установок учащейся молодежи. Изучение содержания и направленности трансформации ценностных приоритетов массового молодежного сознания актуально не только для выявления его особенностей в контексте современной общественно-политической ситуации, но и для прогнозирования дальнейшего развития нашего социума, а также для выявления динамики политических и экономических установок и мотивов поведения подрастающих поколений. В этой связи в марте-апреле 2015 года был проведен

очередной (четвертый) этап исследований, который оказался чрезвычайно своевременным по причине событий, связанных с усилением деятельности пропагандистов исламского фундаментализма среди российской молодежи (распространено и получено для обработки 2750 анкет).

Эти исследования позволили выявить особенности политических ориентаций и экономических приоритетов нижегородской молодежи в возрасте 13-24 лет в контексте:

1) их отношения к политике и политическим лидерам (депутатам);

2) уточнения степени доверия молодежи к политическим партиям и политикам;

3) политической активности молодых людей, понимания ими политических проблем, их готовности к участию в работе партий и молодежных организаций, их отношения к выборам и т. д.;

4) выявления степени влияния СМИ, Интернета, школы, семьи, друзей на политические и экономические приоритеты и оценки молодежи;

5) отношения молодых поколений к средствам массовой информации, социальным институтам, экономическим и политическим процессам в России;

6) выявления экономических приоритетов молодежного массового сознания и факторов, определяющих их.

Информационное пространство современной цивилизации, создаваемое глобальной системой Интернет и средствами массовой информации, коренным образом изменило характер воздействия информационно-коммуникативной ситуации на жизненный мир современного человека, социально-психологические модели и стереотипы его поведения. Развитие средств массовой информации создало возможность хранения, воспроизводства и обработки гигантских пластов информации, что явилось причиной появления новых отраслей научно-прикладных знаний, изменения содержания и направленности образовательного процесса и трудовой деятельности. Очевидно, что наибольшее влияние информационных процессов на массовое сознание испытывает на себе сфера общения

(коммуникации) в ее непосредственном воздействии на человека, прежде всего на молодежь

Проведение исследований, ориентированных на выявление особенностей динамики ценностных ориентаций молодежи, может послужить хорошей эмпирической базой, конкретизирующей состояние массового сознания учащейся молодежи и направленность его изменений. Помимо этого, результаты проведенных исследований позволяют определить те факторы социальной среды, которые оказывают наибольшее влияние на формирование ценностных ориентаций учащейся молодежи. Среди этих факторов мы выделяем прежде всего те из них, которые, по данным опросов, оказывают наибольшее влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи в ее отношении к российскому государству, политическим партиям, депутатам, экономическим процессам. Особого внимания в этом контексте заслуживает общая картина установок массового сознания молодежи в ее отношении к проблемам межнациональных отношений.

По данным исследования, факторами наибольшего влияния на ценностные ориентации молодежи являются Интернет и средства массовой информации, семья, родители, друзья. Динамика показателей за десять лет проводимых исследований отражает особенности общественных процессов, переживаемых нашей страной и находящих непосредственное выражение в ценностном сознании молодежи. Единственным практически неизменным, равным 72 % (где-то чуть больше, где-то чуть меньше) остается такой фактор влияния, как комплекс СМИ и Интернета, хотя внутри медийной системы эти показатели очень подвижны. Так, согласно данным, полученным в ходе исследования 2006 года, предпочтения молодежи в выборе источника информации, которому они доверяют, распределились следующим образом: радио – 7 %, газеты – 5,5 %, телевидение – 39,5 %, Интернет – 48 %. Согласно опросу 2011 года, эти данные претерпели существенные изменения. Так, на выбор радио в качестве источника политической информации указали 3,5 % опрошенных, газет – 9,2 %, телевидения – 25,5 %, Интернета – 61,7 %. Результаты исследования, проведенного в 2014 году, претерпели существенные изменения прежде всего в отношении к Интернету,

влияние которого признали уже 77,4 % респондентов. Рейтинг радио упал до 2,5 %, газет – до 4,0 %. Существенно изменился показатель роли телевидения в формировании ценностных установок молодежи, составив всего 16,1 % опрошенных. Данные опроса 2015 года внесли некоторые положительные коррективы количественных показателей влияния традиционных СМИ: радио – до 3,4 %, газет – до 6,8 %, телевидения – до 18,9 % при снижении рейтинга Интернета до 70,8 % [3].

Согласно данным опросов, проведенных за десять лет, второе место в рейтинге факторов влияния на молодежное массовое сознание занимает семья. При этом если положительный показатель данных опросов, проведенных в 2011 и 2014 гг., изменился в лучшую сторону лишь на 1,5 % и составил 34,5 %, то в 2015 году он достиг 45,4 % опрошенных. Это резкое изменение положительного показателя связано, по нашему мнению, с достаточно ощутимым сокращением количества тех респондентов, кто затруднился с выбором своей политической, нравственной и гражданской позиции. Эта тенденция, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в среде учащейся молодежи (студентов вузов, ссузов и учащихся школ) отмечается сокращение количества так называемых «не определившихся с ответом» или скрывающих свое истинное отношение к рассматриваемым проблемам и остающихся для российской политической системы источником непредсказуемых процессов в случае, если какие-либо события вызовут резкое повышение политической активности молодежи.

Особое место в системе факторов социальной среды, оказывающих влияние на формирование ценностных ориентаций молодежи, занимает система образования. В условиях глубинных количественных и качественных изменений социальной среды, которые происходят под влиянием глобализации и информационно-коммуникативных процессов современного этапа цивилизационного развития общества, институты образования, в первую очередь университеты, становятся одним из определяющих факторов инновационного развития общества. В этой связи вполне закономерно рассмотрение проблемы современного образования в контексте стратегии национальной безопасности страны. В частности, в

документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» одним из важнейших положений в сфере науки, технологий и образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе определены такие два направления, как, во-первых, формирование «системы целевых фундаментальных и прикладных исследований и ее государственной поддержки в интересах организационно-научного обеспечения достижения стратегических национальных приоритетов» и, во-вторых, обеспечение подготовки специалистов «для работы в сфере науки и образования, разработки конкурентоспособных технологий и образцов наукоемкой продукции, организации наукоемкого производства...» [4].

Очевидно, что в условиях, когда многие прежние социальные механизмы, на протяжении веков охраняющие мир традиционных ценностей и регламентирующие социально-культурную сферу мира человеческих отношений и духовной преемственности, оказались вытесненными совершенно новыми информационно-коммуникативными, во многом виртуализированными технологиями, роль образования в разработке новых подходов к проблемам социализации личности, в упорядочении межкультурных, групповых, межличностных коммуникативных взаимодействий в сфере повседневности (А. Шюц) обрела особую актуальность. В этой связи обращает на себя внимание рассуждение П. Бурдьё о роли институтов образования в жизни общества, изложенное в его известной работе «Социология социального пространства». Рассматривая образование как символический капитал «признанной власти», П. Бурдьё считает, что условием создания «национального общества» является образованность. Культура как основополагающий элемент строительства национального государства испытывает на себе его унифицирующее воздействие через школу [5].

Очевидно, что имеющее место увеличение роли университетов как центров науки и культуры по-новому конструирует образы социальной реальности с целью усиления положительного эффекта инновационных преобразований в науке, производстве, образовании. В коммуникативном пространстве постиндустриальной цивилизации впервые в истории общественного развития возникла ситуация, когда молодым поколениям конца XX – начала XXI веков зачастую самим,

без опоры на социальный опыт предшествующих поколений приходится выбирать ценностные установки своего жизненного пути и линии поведения. Новые цивилизационные условия и ценностные установки, иные коммуникативные процессы и технологии их осуществления потребовали замены веками сохраняющихся социально-культурных механизмов регулирования и трансляции социального опыта поколений новыми. В культурно-коммуникативной сфере современной социальной реальности прежние социальные механизмы оказались в большей или меньшей степени разрушенными под натиском современных информационно-коммуникативных технологий, в первую очередь социальных сетей, жадно схватывающих, подчиняющих себе все формы информационно-коммуникативного взаимодействия, прежде всего в сфере межличностного общения, все более приобретающего характер виртуальной коммуникации. В этих условиях основными «охранителями» человека, мира его подлинной культуры, духовных ценностей, делающих его Человеком, становятся системы образования [6].

Если говорить в целом о проблемах образования в контексте безопасности и развития страны, общества и человека, то, прежде всего, следует иметь в виду, что в современных условиях люди столкнулись с необходимостью разработки новых подходов к образованию. Одной из проблем развития системы современного образования, по мнению профессора М. Руеп (M. Ruep), является то, что в условиях глобализации в системах образования отдельных стран происходят изменения, порой чуждые культуре и традициям этих стран. Происходит так называемая «интернационализация педагогики», которая берет свое идеологическое начало в сравнительной педагогике М.-А. Жюльена, продолжается в трудах Ж. Пиаже и в работе таких международных организаций, как Международное бюро просвещения в Женеве, ЮНЕСКО, ОБСЕ. Основой их деятельности являются различные стандартизированные тесты, направленные на изучение данных о качестве образования, способности субъектов учебно-образовательной деятельности к обучению. М. Руеп в этой связи ссылается на мнение известных немецкоязычных социологов Д. Бекера, Р. Мюнха, Р. Штихве,

которые склонны утверждать, что глобализация образовательного процесса ведет к утере авторитета образовательных институтов внутри отдельных стран. Возникают «гибриды» старого и нового, когда старое в области образования прекращает свою работу, а новое, соответствующее международным стандартам, еще не работает в полную силу. По этой причине многие социологи заговорили о необходимости разработки мировой демократической модели, которая на основе знания и просвещения являла бы собой глобальный концепт демократических контролирующих органов в области образования, отвечая потребностям совершенствования менеджмента в рассматриваемой области [7].

Однако, по нашему мнению, трудность в создании и реализации такой модели заключается в том, что любая успешно функционирующая модель образования требует грамотного, научно обоснованного сочетания инноваций и традиций в модернизации национальных систем образования. С одной стороны, необходимо сохранять базовые жизненные ценности, традиционные национальные корни и духовные приоритеты той или иной цивилизации. С другой стороны, необходимо тщательно взвешивать все *pro* и *contra* тех новаций, которые связаны с необходимостью использования и эффективного внедрения в практику развития общественных процессов и совершенствования системы образования современных информационно-коммуникативных технологий и ценностей постиндустриального общества.

На фоне многочисленных проблем, связанных с трудностями модернизации, к примеру, российской системы образования, демографическим кризисом в стране, процессами глобализации и т. д., становится все более очевидной необходимость сохранения российских базовых культурных ценностей, способствующих эффективному внедрению инновационных преобразований как в систему образования, так и общества в целом. Эти ценности, к счастью, все еще сохраняются в традициях отечественной культуры и образования, что позволяет надеяться на положительные результаты внедрения инновационных установок модернизации российской системы образования.

Подтверждение данных прогнозов на возможность положительного исхода культурной модернизации в России при сохранении базовых ценностей отечественной системы образования мы находим в данных проведенного в марте 2010 года общенационального социологического исследования о состоянии массового сознания населения России. На основании полученных результатов опроса авторы монографии «Готово ли российское общество к модернизации?» делают вывод о том, что внутренняя противоречивость ситуации в области культурной модернизации в стране не дает возможности однозначно положительно оценить данную ситуацию. На наш взгляд, проблема здесь заключается в том, что сохранение традиционных оснований национального самосознания и российской культуры – явление, свидетельствующее о жизнестойкости отечественных базовых ценностей и существенном их влиянии на установки массового сознания и мотивы поведения россиян. Эти особенности сохраняются, несмотря на мощнейшее влияние со стороны средств массовой информации, Интернета и достаточно эффективное воздействие массовой культуры на мировосприятие и ценностное сознание населения страны. Об этом свидетельствуют и результаты опроса, согласно которым «наиболее значимыми и важными жизненными планами являются те из них, которые связаны с семьей, друзьями, желанием прожить свою жизнь честно <...>, получить хорошее образование, интересную и престижную работу» [8].

Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя забывать о том, что Россия не может оставаться в стороне от цивилизационных общемировых процессов. Очевидно, что традиции и новации являются универсальной характеристикой развития культурных и, естественно, образовательных процессов. Как две взаимосвязанные стороны развития любой общественной системы, они характеризуют наличие и единство в ней как устойчивых, так и крайне подвижных моментов, что обеспечивает целостность и безопасность общественного организма, существование которого невозможно без обновления, новаций, изменений, обеспечивающих движение вперед, развитие в целом. По этой причине образование как сложный социальный организм развивается благодаря возможности

воспроизводства накопленного в культуре опыта, создающего условия для его целенаправленного изменения. Иначе говоря, традиционное в образовании воспроизводит социокультурный опыт поколений, в то время как инновационное способствует формированию нового, отвечающего требованиям развития общественных систем и человека. Инновационное в образовании предполагает как расширенное воспроизводство социокультурного опыта человечества, так и подготовку человека к освоению этого опыта.

Возникла исторически обусловленная необходимость консолидации российского общества, объединения усилий институтов государства и гражданского общества (независимо от их политических, этнических и конфессиональных особенностей), направленных на профилактику социальных рисков, противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде, укрепление национального единства всех народов многонациональной России, сохранение и развитие страны как уникальной полиэтнической и многоконфессиональной социальной общности народов, исторически сформировавших современную Россию [9].

Библиографический список

1. Дорожкин А.М., Савруцкая Е.П. Проблемное поле отечественного гуманитарного образования // Нижегородское образование. 2013. № 1. С. 14.
2. Ценностные ориентации молодежи. Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ, 2007. 246 с.
3. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006-2014 гг.): Монография / Е.П. Савруцкая, Б.А. Жигалев, А.В. Никитин, С.В. Устинкин / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Е.П. Савруцкой. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; СПб.: Издательство РХГА, 2014. 232 с.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12.05.2009.

5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2007. С. 234.

6. Образование. Культура. Язык: Монография / Е.П. Савруцкая, Б.А. Жигалев, А.М. Дорожкин, С.В. Устинкин / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Е.П. Савруцкой. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; СПб.: Издательство РХГА, 2014. 232 с.

7. Ruer M. Auswirkungen der Globalisierung auf nationale Bildungssysteme – eine Analyse // Человек в системе коммуникации. Проблемы глобализации и молодежь: Сборник научных трудов участников XI Международной научно-практической конференции 26-27 мая 2015 года, г. Нижний Новгород. 2015. С. 14.

8. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. С. 209.

9. Бондырева С.К. Социальные риски в молодежной среде // Человек в системе коммуникации. Проблемы глобализации и молодежь: Сборник научных трудов участников XI Международной научно-практической конференции 26-27 мая 2015 года, г. Нижний Новгород. 2015. С. 10.

Сведения об авторах

Жигалев Борис Андреевич
доктор педагогических наук,
профессор кафедры основ английского языка,
ректор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zhigalev@lunn.ru

Савруцкая Елизавета Петровна
доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии, социологии и теории социальной
коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: savrutsk@lunn.ru; savrutsk@mail.ru

Устинкин Сергей Васильевич
доктор исторических наук, профессор,
декан факультета международных отношений, экономики и
управления НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

УДК 372.881.1

РОЛЬ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА РАННЕМ ЭТАПЕ

К.Б. Жигалева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается вопрос изучения иностранных языков детьми дошкольного возраста, роли различных видов игровой деятельности в формировании навыков иноязычной речи и развитии творческой стороны личности ребенка. Рассматривая различные типы игры, преобладающие на том или ином этапе развития ребенка, автор подчеркивает важность их использования в процессе обучения и говорит о необходимости включения самого процесса обучения в деятельность, свойственную ребенку.

Статья адресована широкому кругу специалистов, занимающихся вопросами раннего обучения иностранным языкам, родителям и педагогам.

Ключевые слова: раннее обучение иностранным языкам, дошкольник, виды игры, игровая деятельность, детское творчество, ребенок, творчество.

Games in Early Foreign Language Learning

Kseniya Zhigalyova

The article focuses on foreign language classes for preschoolers and discusses the role of various types of games and activities in developing children's foreign language skills as well as their creative abilities. Looking at the types of games predominant on specific developmental stages, the author emphasizes their crucial role in foreign language acquisition and stresses the importance of involving children in activities that are natural and age-appropriate from the very first steps of their foreign language education.

Key words: early foreign language acquisition, preschooler, types of games, role of play, children's creativity, child, creativity.

Игра неразрывно связана с жизнью и развитием ребенка. Ребенок «вращается» в мир взрослых через игровую деятельность, которая воспроизводит жизнь общества. В игре не только развиваются или заново формируются отдельные интеллектуальные операции, но и коренным образом изменяется позиция ребёнка в отношении к окружающему миру и формируется механизм возможной смены позиции и координации своей точки зрения с другими возможными точками зрения [1. С. 56].

Изучая роль игровой деятельности в развитии ребенка, Ж. Пиаже выделяет несколько видов игры, которые присутствуют в жизни ребенка в зависимости от его возраста. Подобная классификация приведена и в ряде других научных исследований (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Г.Г. Кравцов, Л.А. Кожарина, Ж.М. Глозман).

Эти психологи выделяют несколько видов игры и утверждают, что каждый вид игры, являясь ведущим на определенной стадии дошкольного развития, не исчезает, а продолжает развиваться внутри другого вида игры. Первая игра раннего детства – *предметная игра*. В предметной игре происходит иллюзорная реализация нереализуемых желаний и формируется функция воображения [2. С. 67]. Ребенок в ходе развития осознания им предметного мира стремится вступить в действенное отношение не только к непосредственно доступным ему вещам, но и к более широкому миру, т. е. стремится действовать как взрослый. Однако, подражая действиям взрослых, ребенок не следует пассивно образцу, а сочетает известные действия с исследовательским поведением. В предметных играх большое значение имеют замещающие предметы, т. е. неспецифические предметы, которые могут замещать недостающие игрушки: например, кубик может стать куклой и т. д. Такие предметы очень важны для развития воображения ребенка и более углубленного познания функций предметов внешнего мира. Д.Б. Эльконин говорит о развитии игры от конкретного предметного действия к обобщенному игровому действию и от него к игровому ролевому действию: есть ложкой, кормить ложкой куклу, кормить ложкой куклу, как мама, – таков схематический путь к ролевой игре.

Л.А. Кожарина называет *режиссерскую игру* первой формой игры в дошкольном периоде, при которой ребенок, управляя игрушкой, действует через нее. Данная форма игры отвечает потребности ребенка оказывать активное воздействие на окружающие предметы. Ребенок начинает наделять предметы часто неприсущими им свойствами. Так, например, стул может стать автомобилем, палочка – лошадью и т. д. В режиссерской игре отрабатывается, укрепляется инициативность ребенка, способность действовать изнутри и впервые появляется второй компонент волевого

поведения – осмысленность (ребенок придает смысл нейтральным предметам – кубикам, палочкам – и связывает их между собой сюжетом). Согласно классификации Ж. Пиаже, к четырем годам у детей появляется новый вид игры – *символическая или образная игра*. Дети перевоплощаются в образы-роли (животных, учителей, врачей и т. д.), подчиняют свои действия характеру образа-роли. В такой игре они начинают пользоваться разными средствами изображения: речью, действием, мимикой, жестами, внешними атрибутами образа. Данный вид игры позволяет ребенку увидеть веер своих возможностей, попробовать себя в разных ролях и открывает ему новые возможности познания действительности и овладения своим поведением, речью, мимикой, движениями и т. п.

К пяти годам появляется *сюжетно-ролевая игра*. Многие исследователи детской психологии, изучавшие сюжетно-ролевую игру, убеждены в огромной значимости данного вида игры для развития личности ребенка (Г.М. Бреслав, Д.В. Эльконин, Г.Г. Кравцов, Л.С. Выготский, А.С. Спиваковская, Дж. Сели, Л.С. Славина, Н.Д. Соколова, В. Оклендер и др.). В данном виде игры проявляется не просто умение производить определенные действия, но и эмоциональное отношение к играемой роли.

В психологической литературе ролевая игра признается ведущей игровой деятельностью ребенка. В ней осознаются и изображаются отношения близкого взрослого к ребенку, отношения взрослых друг к другу и отношения ребенка к взрослым как показатель формирования его самосознания. В реальных отношениях с другими в ролевой игре ребенок проявляет, формирует и изменяет свои эмоционально-личностные качества: стремление к лидерству или робость, агрессию или заботу о других, упорство или небрежность в выполнении роли, рассеянность или безразличие к другим и т. д.

По мнению таких психологов, как Г.М. Бреслав и Д.Б. Эльконин, ролевые игры, ориентированные на нормы отношений между людьми, являются для детей школой морали в действии. Игра закрепляет в сознании детей правила человеческих взаимоотношений, приводящие к успеху, и, наоборот, формы поведения, опасные для эффективного взаимодействия.

Принимая участие в ролевой игре, помимо обучения иностранному языку, дошкольник учится взаимодействовать в различных социальных ситуациях, узнает культурные особенности общения другого народа, формирует привычку относиться к новому с интересом, а не с осуждением.

Занимаясь исследованием игровой деятельности детей, психологи приходят к выводу, что к 6 годам ребенок уже готов принимать участие в *игре с правилами*. Таким образом, от игр с реальным содержанием ребенок переходит к играм с условной реализацией правил. Он уже не играет по-своему, а основывается на согласовании своих действий с другими. Так ребенок приходит к полному осознанию себя субъектом деятельности. Теперь он уже способен не только осмыслить свое поведение, но и то, что делают другие, он уже может распределять роли, выходя за рамки ситуации. Дети – партнеры по игре, действия которых обусловлены правилом, таким образом, учатся договариваться, следовать своим договоренностям и быть ответственными партнерами в жизни.

Бесспорным является утверждение, что *драматизация* как еще один вид игры или театральное детское творчество является особо эффективным в процессе развития и обучения ребенка.

По мнению Л.С. Выготского, ценность театральной постановки заключается в том, что она дает повод и богатейший материал для многих других видов детского творчества. При изготовлении декораций, костюмов дети рисуют, лепят, шьют, вырезают, учат песни, стихи и т. д. Дети в процессе сочинительства, импровизации или репетиции уже готового литературного материала оказываются в пространстве, располагающем к словесному творчеству, которое необходимо и понятно самим детям. Сама постановка, являясь кульминационным моментом всей проделанной работы, конечно же, приносит большое удовлетворение и чувство достигнутой цели, но нельзя недооценивать важность и самого процесса подготовки.

Еще один вид игр, который выделен в особую группу, – *дидактические игры*. Это такие игры, занимаясь которыми дети учатся. Дидактическая игра решает различные учебно-развивающие задачи, которые, как правило, связаны с определенной темой учебной программы. Дидактические игры состоят из следующих элементов:

игрового замысла, дидактической задачи, игрового действия и правил. По мнению многих психологов, именно двойственный характер дидактической игры – учебная направленность и игровая форма – повышает интерес ребенка и эффективность овладения конкретным учебным материалом.

Данный вид игры активизирует всю психическую деятельность ребенка: развиваются познавательные процессы, мышление, память, воображение; совершенствуется умственная деятельность, включающая проведение различных операций в их единстве; внимание становится более целенаправленным, устойчивым, появляется умение правильно его распределять.

Дидактические игры могут быть предметными (лото, домино и др.), предметно-словесными и только словесными, ставящими задачу и позволяющими ее решать только в вербальном плане.

М.В. Киселева называет игру удивительным видом творчества ребенка: «в игре ребенок легко открывает свои истинные чувства и переживания. В игре ребенок воспринимает то, что он себе представляет, как действительное, не задумываясь о том, где граница реальности и воображения» [3. С. 14]. Игра для ребенка значит то же, что речь для взрослого, в ней он организывает свой опыт, свой личный мир, проявляет творческую активность в разрешении жизненных ситуаций. Ролевые игры, используемые в обучении иностранному языку, оказывают сильное влияние на развитие личности ребенка, способствуют созданию дружеских отношений между обучающимися, создают благоприятный психологический климат на уроке, что способствует быстрому и легкому усвоению материала. Таким образом, если процесс обучения английскому языку станет для ребенка увлекательной игрой, его можно будет считать успешным.

Поэтому при обучении детей 5-6 лет иностранному языку важно использовать различный спектр игровых приемов, комиксы, сюжетные картинки, ролевые диалоги, задания на постановку сценок, спектаклей, в результате выполнения которых формируются конкретные лексические, грамматические, произносительные, орфографические навыки и речевые умения.

Так как дети живут в ритмичном, музыкальном мире, задания по разучиванию песен, стихов, считалок в игровом контексте облегчают закрепление новых языковых структур, прочнее усваиваются лексический материал и грамматические конструкции, совершенствуется произносительная сторона речи, развивается музыкальный слух дошкольника и его речь.

Игра является неотъемлемой частью жизни ребенка и его развития. С одной стороны, обучение иностранному языку на игровой основе дает пространство для развития творческих способностей ребенка, обогащает его речь, в т. ч. положительно влияет на развитие родной речи, расширяет кругозор ребенка, повышает его любознательность. Детское игровое творчество является подлинным и имеет огромное значение в становлении личности ребенка.

С другой стороны, уроки иностранного языка, на которых предлагаются различные игровые задания, становятся интересными, повышают внимание учащихся, способствуют усвоению предлагаемого материала, стимулируют мотивацию изучения иностранного языка. В процессе игры на уроке ребенок не задумывается о конечном результате, он получает удовольствие от самого процесса, вот почему этот процесс так эффективен для развития его творческих способностей и овладения им иностранным языком.

Библиографический список

1. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978. 304 с.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62-77.
3. Киселева М.В. Арт-терапия в работе с детьми. СПб.: Речь, 2006. 160 с.

Сведения об авторе

Жигалева Ксения Борисовна
доцент общеуниверситетской кафедры
иностраннных языков НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ksenia23@gmail.com

УДК 159.9:(373.1:811)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ИХ УЧЕТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

М.Д. Кутяйкина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются эмоциональные факторы, задействованные на уроке иностранного языка в школе: функции педагогического общения, эмпатия учителя, оценочная деятельность, иноязычная тревожность, коммуникативное вдохновение педагога.

Ключевые слова: урок иностранного языка, педагогическое общение, эмоциональные факторы, иноязычная тревожность.

Emotional Factors in Secondary School Foreign Language Instruction

Maria Kutaykina

The article examines emotional factors in foreign language instruction including the functions of pedagogical communication, the teacher's empathy, valuation activities, foreign language anxiety, and the teacher's communicative inspiration.

Key words: foreign language instruction, pedagogical communication, emotional factors, foreign language anxiety.

Коммуникативные способности, умение организовывать взаимодействие с воспитанниками, общаться с ними традиционно относят к важнейшим качествам педагога. Общение играет важную роль на уроках иностранного языка, так как оно является не только средством, но и целью обучения. Грамотно организованное педагогическое общение должно быть построено с учетом эмоциональных факторов, задействованных на уроке иностранного языка.

Под термином «фактор» обычно понимают «существенное обстоятельство, способствующее какому-л. процессу, явлению» [1. С. 1414].

Эмоциональная сфера личности является многогранным образованием, включающим эмоции и другие эмоциональные явления: эмоциональный тон, эмоциональные состояния, эмоциональные свойства личности, чувства [2. С. 12].

Под эмоциональными факторами в обучении иностранному языку мы понимаем обстоятельства, процессы или явления, действующие эмоциональную сферу личности обучающихся и способные оказывать влияние на эффективность обучения.

Эмоциональная сфера личности включает аффекты, эмоции, чувства, настроение, стрессовые состояния.

Многие аспекты урока иностранного языка способны воздействовать эмоциональную сферу личности обучающихся: 1) эмпатия учителя иностранного языка; 2) открытая коммуникативная позиция педагога; 3) соучастие ученику как партнеру общения; 4) содействие формированию у обучающихся чувства достоинства собственной личности; 5) баланс между выражениями одобрения и неодобрения при педагогической оценке на вербальном и невербальном уровне; 6) разнообразие вербальных и невербальных способов выражения одобрения и неодобрения; 7) объективность, обоснованность, выразительность, уважительность педагогической оценки, ее адекватность количественным и качественным результатам и приложенным обучающимися усилиям; 8) достижение обучающимися оптимального (среднего) уровня иноязычной тревожности; 9) коммуникативное вдохновение педагога, и др.

Благоприятная психологическая обстановка в классе как один из факторов, формирующих интерес к изучению иностранного языка, способна оказывать влияние на мотивационную сферу личности обучающихся и, как следствие, на эффективность обучения иностранному языку в целом [3]. Учитель должен создавать в классе климат, способствующий возникновению состояния операциональной напряженности, мобилизующей обучающихся на достижение оптимальных результатов деятельности. Атмосфера на уроке должна препятствовать появлению собственно эмоциональной напряженности, способной дезорганизовать деятельность обучающихся, ослабить их внимание, снизить общую работоспособность [4].

Психологически комфортная атмосфера в классе невозможна без взаимопонимания, а взаимопонимание – без эмоциональной формы познания друг друга, эмпатии, причисляемой к

профессионально значимым личностным качествам учителя. Термин «эмпатия» был введен в психологию Э. Титченером как перевод заимствованного у немецкого психолога Т. Липпса слова *Einfühlung* (вчувствование).

В современной науке существуют разные определения эмпатии, описывающие ее в качестве эмоционального соучастия, способа познания другого, способности к интерпретации выразительного поведения, качества личности, ее способности с помощью чувств проникать в душевные переживания других, реагировать на эмоции другого человека, оказывать действенную помощь.

Роль эмпатии в педагогическом процессе подчеркивает интерес исследователей к понятию «педагогическая эмпатия». Д.В. Белых определяет педагогическую эмпатию как «эмоциональное отношение педагога к воспитаннику, которое состоит в восприятии, распознавании и оценке эмоциональных переживаний и состояний воспитанника, сопереживании ему и оказании действенной помощи ему в преодолении возникших трудностей, негативных переживаний и состояний» [5. С. 3].

Д.В. Белых рассматривает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты педагогической эмпатии.

Когнитивный компонент подразумевает восприятие, распознавание и оценку педагогического смысла эмоций (эмоциональных состояний) воспитанников. Эмоциональный компонент включает сопереживание, основанное на эмоциональной идентификации, эмоциональность и эмоциональную откликаемость на переживания другого. Поведенческий компонент требует от учителя помощи попавшим в затруднительную ситуацию обучаемым (психологической поддержки, воздействия на эмоциональное состояние, содействия в решении проблем).

Достаточно подробно исследованы и описаны функции эмпатии. Для учителя иностранного языка важны следующие функции: 1) развитие способности принять точку зрения другого; 2) снижение избыточной самоконцентрации; 3) развитие умения ориентироваться в потенциальных и реальных эмоциональных состояниях другого; 4) построение предположений о направлении изменений в поведении другого; 5) сопровождение помогающего поведения; 6) регуляция

взаимодействия (оценка и прогноз адекватных эмоциональному состоянию учеников способов поведения); 7) корректировка выбранных способов взаимодействия на основе эмпатийной обратной связи.

Реализация функций эмпатии, значимых для процесса обучения иностранному языку, требует от педагога умения: 1) воспринимать, распознавать и интерпретировать особенности выразительного поведения обучающихся; 2) отмечать изменения в эмоциональном состоянии обучающихся и понимать их причины; 3) давать эмоциональный ответ на переживания обучающихся и изменения в их эмоциональном состоянии; 4) при помощи собственного выразительного поведения демонстрировать принятие обучающегося и его эмоций, чувств; 5) использовать эмпатическое слушание; 6) оказывать действенную помощь в выходе из негативных эмоциональных состояний.

Рассмотрим теперь функции педагогического общения, выделенные Н.Е. Щурковой: «открытие на общение», «соучастие партнеру общения», «возвышение партнера общения» [6]. Перечисленные функции выражаются на вербальном и невербальном (мимика, пантомимика) уровнях.

«Открытие на общение» считается главной функцией педагогического общения, осуществляющей момент преодоления закрытости внутреннего мира Я одного субъекта перед другим Я. Для обеспечения данной функции необходимо следующее:

– педагог надевает «платье доброжелательности», обращаясь к ученикам;

– педагог не допускает угрожающих и закрытых поз;

– педагог произносит определенной формы обращение к детям, хорошо продумывая характер такого обращения в соответствии с обстоятельствами;

– педагог производит «положительное подкрепление» в адрес детей вербально или мимически;

– в первый момент общения педагог произносит «Я-сообщение», которое есть не что иное, как открытие собственного внутреннего мира для партнера по общению.

Следующая функция педагогического общения – «соучастие партнеру общения». Эта функция связана с незаметной помощью партнеру по общению. Операционно данная функция обеспечивается следующим образом:

– «вопрос в связи с обстоятельствами», который ставится в зависимости от актуальной ситуации, от совместной деятельности, предстоящей педагогу и ученикам (“Sehr interessant, wer...”, “Ich möchte wissen, warum...”);

– «вопрос по поводу деятельности» задается после «вопроса об обстоятельствах», содержание задано тем, какие действия производит партнер общения (“Macht ihr das gern?”, “Fällt es euch leicht?”);

– «вопрос об интересах» позволяет ребенку говорить о том, в чем он разбирается и чувствует себя уверенно (“...ihr gern?”);

– «присоединение» (“Ich meine auch, dass...”, “Bei mir ist es auch so...”); операция дает ребенку почувствовать поддержку;

– «предложение помощи» (“Ich möchte dir helfen...”, “Ich würde dir gern helfen!”);

– «предложение высказать мнение» (“Was meint ihr?”);

– «признание в личных пристрастиях либо слабостях» (“Und ich kann leider nicht...”) ставит ребенка выше педагога в каком-либо вопросе.

– «вопрос идеологического плана» – операция применяется на высоком уровне общения, когда дети достаточно открылись и готовы выразить свое Я (“Für mich ist im Leben ... am wichtigsten...”).

Третья функция – «возвышение партнера общения». Функция предназначена для повышения самооценки ребенка, она состоит в положительной педагогической оценке и педагогической поддержке. Важно, чтобы учитель способствовал формированию у ученика чувства достоинства собственной личности, от которого ученику сложно отказаться. Функция осуществляется с помощью следующих операций:

– «авансирование» – провозглашение достоинств, в наличии которых педагог уверен, хотя ученик еще не проявил их;

– «оправдание поведения» – операция, помогающая ученику справиться с собой при совершении недостойных действий, утверждает достоинство ученика несмотря на проступок

(“Wahrscheinlich gab es Gründe dazu...”, “Vielleicht hat euch irgendwas gestört, deswegen...”);

– «компенсирование» применяется при выявлении у ученика слабых сторон, объясняемых и частично оправдываемых, компенсируемых достоинствами;

– «просьба о помощи» (“Hilf mir bitte!”, “Bitte, gib mir...”, “Könntest du bitte...”); важно не обременять человека просьбой, если он не может выполнить ее [6. С. 65-67].

На уроке иностранного языка, где задействован широкий спектр упражнений, направленных на формирование различных навыков и умений, перед учителем регулярно встает проблема оценки достижений обучающихся в усвоении всего многообразия изучаемого материала. Оценка учителя формирует у школьника представление не только о том, какой он ученик, но и о том, какой он человек, следовательно, оценочная деятельность является одним из важных эмоциональных факторов, задействованных на уроке иностранного языка.

Вопрос педагогической оценки затрагивается и разрабатывается в трудах многих ученых (Ш.А. Амонашвили, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), однако на практике учителя не реализуют весь потенциал оценочной деятельности как высокоэффективного педагогического средства и фактора, способного повлиять на эмоциональную атмосферу в классе.

В школе чаще всего используются балльные отметки. Оценочные суждения выступают в роли комментария к ответу, так как отметка в баллах малоинформативна.

На практике на уроках иностранного языка можно отметить разнообразие вербальных способов выражения неодобрения, сочетающееся со скудными и однообразными выражениями одобрения. Выявленная особенность соотносится с результатами исследований в области лингвистики. И.В. Бессонова обнаружила, что среди 2532 речевых актов порицания и похвалы, полученных методом сплошной выборки из художественных произведений современных немецких писателей, регистрируются 1992 речевых акта порицания и лишь 540 – похвалы. Указанные результаты частично объясняются одним из основных законов аксиологии, законом

асимметричности добра и зла, ограниченностью хорошего (нормы) и многообразием плохого (возможностей от нее отклониться) [7. С. 14-15].

Возможно включение взаимооценки в оценочную деятельность на уроке. Например, при оценке заранее подготовленных диалогов можно организовать работу следующим образом. В начале урока озвучиваются критерии оценки:

1. Соответствие содержанию задания (описание проблемы, советы).
2. Взаимодействие в беседе (умение начать, закончить разговор, уточняющие вопросы, благодарность за советы).
3. Лексическое и грамматическое оформление речи (правильное использование лексического и грамматического материала, соответствие поставленной задаче).
4. Темп и выразительность речи (соблюдение нормального темпа диалога, отсутствие пауз, артистичность).

Перед ответом каждой пары обучающихся из числа слушателей выбираются два «эксперта». Первый ищет в диалоге положительные стороны, второй выступает в роли критика. Лексическое и грамматическое оформление речи комментирует и оценивает учитель. Для оценки каждого следующего диалога «эксперты» меняются.

В ходе урока почти каждый обучающийся получает возможность выступить в роли «эксперта». Описанный способ создает условия для более глубокого усвоения обучающимися критериев оценки, анализа собственных достижений, более осознанного подхода к выполнению подобных заданий в дальнейшем, повышения активности обучающихся, снижению уровня иноязычной тревожности.

Тревожность – одна из форм проявления отрицательных эмоций. Различают глобальную и ситуативную тревожность. Глобальная тревожность относится к индивидуальным особенностям человека, ситуативная проявляется в конкретных ситуациях. Под иноязычной тревожностью подразумевается «форма ситуативной тревожности, проявляющаяся исключительно в процессе изучения иностранного языка и в связи с необходимостью общаться на нем» [8. С. 182]. Подчеркивают связь иноязычной тревожности с

особенностями процесса обучения языку. Среди проявлений иноязычной тревожности называют стремление избегать в речи сложных лингвистических конструкций, страх высказаться, нежелание участвовать в работе на уроке. Невербальные проявления связаны с ограниченной мимикой и жестикуляцией, избеганием визуального контакта с учителем.

Боязнь говорить на иностранном языке в классе может возникать в следующих ситуациях: устные выступления и презентации, ролевые игры перед группой, участие в дискуссиях, ответы на вопросы учителя. Необходимость отвечать на вопросы или начинать беседу, участие в общении с несколькими носителями языка вызывают стресс вне класса. Некоторые аспекты поведения учителя могут способствовать повышению уровня тревожности, например стремление исправлять все ошибки, сравнение обучающихся друг с другом, приводящее к соперничеству в группе.

К возможным причинам возникновения иноязычной тревожности относятся следующие факторы: атмосфера на занятиях и особенности их прохождения; сравнение преподавателем обучающихся друг с другом; конкуренция в группе; сравнение себя с более сильными обучающимися; представления обучающегося о процессе изучения языка; межличностная тревожность; боязнь вступать в общение; боязнь публичных выступлений; заниженная самооценка; неуверенность в себе; боязнь допустить ошибку; боязнь исправления ошибок со стороны преподавателя; излишняя требовательность к себе; боязнь негативной оценки со стороны преподавателя и одноклассников; формы контроля знаний; тестовая тревожность.

Многие причины связаны с особенностями прохождения уроков и, соответственно, зависят от преподавателя и могут быть им скорректированы.

Еще один фактор, оказывающий влияние на эмоциональное состояние обучающихся на уроке, – «коммуникативное вдохновение» педагога, связываемое с умением учителя управлять своими психическими состояниями при осуществлении педагогической деятельности и общении с учениками. Опираясь на некоторые относительно устойчивые, закономерные структуры, учитель может в некоторой степени управлять своим творческим самочувствием в

общении с детьми. Коммуникативное самочувствие связано с профессионально-этическими установками. Оно зависит от общего уровня коммуникативной культуры, степени профессионально-педагогической направленности личности.

При подготовке к деятельности «коммуникативное вдохновение» возникает на основе самостоятельной психологической установки учителя, его отношения к педагогической деятельности, предвосхищения удовлетворения от общения с воспитанниками. В момент взаимодействия с детьми «коммуникативное вдохновение» педагога во многом опосредовано творческим самочувствием обучающихся. Оно развивается и укрепляется на основе непосредственного общения.

Психологическая настройка на предстоящий урок охватывает эмоциональную и интеллектуальную сферу, осуществляется при помощи мысленного переживания, прогнозирования предстоящего урока и общения на нем, формирования эмоционального отношения к материалу урока или его восстановления (если отношение сформировалось на прошлых уроках), поиска в материале моментов, способных вызвать творческое самочувствие, соотнесения материала урока с личным опытом, поиска и закрепления внешних форм выражения эмоционального отношения к материалу.

Рекомендуют проанализировать индивидуальную логику возникновения и развития творческого самочувствия на разных этапах педагогической деятельности и установить последовательность факторов, включающих педагога в творчество, чтобы в дальнейшем пользоваться индивидуальными путями вызова «коммуникативного вдохновения», отслеживать динамику творческого самочувствия на разных этапах педагогического процесса (разработка замысла урока, его реализация, самооценка и самоанализ) [9].

Мотивация обучающихся влияет на их активность на уроке иностранного языка, заставляет прилагать больше усилий, более старательно выполнять домашние задания, стимулирует к участию в иноязычном общении. Учитель, приходящий на урок с «коммуникативным вдохновением», способен «заразить» своих

учеников интересом к изучаемому языку, стимулировать их активность.

Итак, к основным факторам, способным задействовать эмоциональную сферу личности обучающихся на уроке иностранного языка, относятся: 1) эмпатия учителя иностранного языка; 2) открытая коммуникативная позиция педагога; 3) соучастие ученику как партнеру общения; 4) содействие формированию у обучающихся чувства достоинства собственной личности; 5) баланс между выражениями одобрения и неодобрения при педагогической оценке на вербальном и невербальном уровне; 6) разнообразие вербальных и невербальных способов выражения одобрения и неодобрения; 7) объективность, обоснованность, выразительность, уважительность педагогической оценки, ее адекватность количественным и качественным результатам и приложенным обучающимися усилиям; 8) достижение обучающимися оптимального (среднего) уровня иноязычной тревожности; 9) коммуникативное вдохновение педагога.

Педагогическое общение, организованное с учетом эмоциональных факторов, способствует созданию в классе благоприятной, комфортной психологической атмосферы, являющейся одним из условий эффективного обучения иностранному языку.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
3. Фурманова В.П., Шамов А.Н. Мотивация как основа успешного овладения иностранным языком в школе // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 18. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. С. 177-188.
4. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М.: Знание, 1979. 47 с.
5. Белых Д.В. Психологические условия развития педагогической эмпатии у студентов педколледжа: Автореф. дис. ... канд. псих. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2004. 24 с.
6. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология. М.: Педагогическое общество России, 2002. 224 с.

7. Бессонова И.В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 22 с.

8. Гусаковская Н.Ю., Толмачева И.А. Иноязычная тревожность и ее влияние на мотивацию к изучению иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 20 (653). Педагогические науки. М., 2012. С. 181-189.

9. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. 190 с.

Сведения об авторе

Кутяйкина Мария Дмитриевна
преподаватель немецкого языка гимназии № 1
г. Нижнего Новгорода,
аспирант кафедры лингводидактики и методики
преподавания иностранных языков им. Н.А. Добролюбова
E-mail: marianaim@mail.ru

УДК 378.147:811.133.1'36

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ «ЛИНГВИСТИКА»

А.С. Шимичев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена рассмотрению содержания обучения грамматической стороне иноязычной речи в контексте межкультурного подхода. Автором представлены компоненты содержания обучения, а также раскрыт межкультурный аспект из выделяемых компонентов. В статье отмечается, что представленное содержание обучения грамматике французского языка ориентировано на соизучение языка и культуры в целях подготовки обучающихся к успешному осуществлению процесса межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, обучение грамматической стороне иноязычной речи, содержание обучения грамматике, межкультурный аспект содержания обучения грамматике.

Intercultural Aspects in Teaching Foreign Language Grammar to Undergraduates Majoring in Linguistics Alexey Shimichev

The article looks at the content of foreign grammar instruction in the context of a cross-cultural approach. The author lists the components of the learning content, discusses their cross-cultural aspects, and demonstrates that the proposed content of teaching French grammar combines studying language and the respective culture in order to train students in effective intercultural communication.

Key words: intercultural communication, grammatical aspects of foreign speech, content of foreign grammar, intercultural aspect in grammar content.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос о пересмотре содержания обучения иностранным языкам с учетом изменений специфики социального взаимодействия между представителями разных стран и культур. Процессы модернизации образования должны основываться на научной концепции, быть направленными на гуманизацию образования, отвечать требованиям ФГОС, обеспечивать достижение целей обучения и обеспечивать развитие личного потенциала обучающихся.

Развитие внешнеполитических и экономических связей России обуславливает необходимость использования иностранного языка как средства взаимодействия с иностранными партнерами. В этой связи одной из основных целей профессионально ориентированного обучения иностранным языкам является подготовка высококвалифицированных специалистов, готовых к восприятию картины мира носителей языка, к ее сравнению с системой собственных национально-культурных концептов. Изучаемый иностранный язык и культура становятся при этом теми объектами, которые «необходимо не только изучать, но и входить в них, пропускать через себя, через свое сознание и свое мировоззрение» [1. С. 121]. Подобным образом реализуется принцип «диалога культур», лежащий в основе межкультурного подхода в обучении. Диалог культур понимается как «коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание, достигаемое в интеракционном взаимодействии. Взаимопонимание как условие возникновения диалога и результат межкультурной коммуникации дает возможность истолкования мотивов поведения коммуникантов, роли культурных факторов в решении вопросов, связанных с необходимостью достижения консенсуса, успеха коммуникации» [2. С. 109].

Развитие межкультурной парадигмы в лингвистическом образовании привело к возникновению понятия *межкультурной компетенции*, которое трактуется как способность выстраивать речевое общение с иноязычным партнером по коммуникации на основе знаний о культурно обусловленных особенностях иностранного адресата, а также комплекса умений учитывать имеющиеся межкультурные расхождения.

С позиций межкультурного подхода получают новое осмысление сущностные компоненты методической системы иноязычного образования. В частности, все большее внимание в последнее время уделяется межкультурному компоненту содержания обучения иностранным языкам.

Говоря об отборе содержания обучения грамматической стороне речи будущих бакалавров по направлению подготовки «Лингвистика» с опорой на межкультурный подход, следует, на наш взгляд, дать

определение понятию «содержание обучения иностранным языкам» и обозначить его компонентный состав.

Н.Д. Гальскова полагает, что в содержание обучения входит «все то, что вовлекается в деятельность учителя, учебную деятельность ученика, учебный материал, а также процесс его усвоения» [3. С. 82]. Автор отмечает, что многокомпонентность содержания обучения иностранному языку обусловлена ориентацией на развитие у обучающихся способности к межкультурному общению.

И.Л. Бим рассматривает категорию «содержание обучения» как «сложное диалектическое единство, складывающееся из определенным образом организованного учебного материала и процесса обучения» [4. С. 89] и предлагает включить в содержание обучения иностранным языкам «иноязычный языковой и речевой материал, действия, связанные с <...> материалом в целях передачи и приема внеязычного предметного содержания, равно как и само <...> предметное содержание» [4. С. 88].

Помимо этого, содержание обучения должно быть нацелено на формирование знаний, умений и навыков, а также на развитие тех компетенций, овладение которыми обеспечивает способность использовать язык как средство общения и развития личностного потенциала обучающихся.

Относительно компонентного состава содержания обучения иностранным языкам, грамматическому аспекту иноязычной речи в частности, многие исследователи поднимают вопрос о включении элементов культуры в содержание обучения грамматическом аспекту иноязычной речи.

Е.И. Пассов считает, что иноязычная культура должна быть включена в содержание обучения, т. к. она «есть та часть общей культуры человечества, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах» [5. С. 25].

Эту же мысль поддерживает К.В. Кричевская, говоря о том, что введение в содержание обучения «страноведческих знаний в качестве полноправного компонента обеспечивает усвоение учащимися реалий

другой национальной культуры, расширение их общего кругозора, что приведет также к повышению интереса к изучаемому языку и стойкой мотивации» [6. С. 13].

Исходя из данной идеи видится возможным и необходимым обеспечить содержание обучения иноязычной грамматике элементами культуры, которые в соотношении с элементами родного языка и культуры принимают межкультурный характер.

Таким образом, на основе представленных определений, под «содержанием обучения грамматической стороне иноязычной речи» нами понимается совокупность грамматических знаний, навыков и умений обучающихся в объеме, необходимом и достаточном для того, чтобы качество и уровень владения иностранным языком обеспечивали успешное участие обучающихся в межкультурном взаимодействии.

Опираясь на концепцию содержания обучения, предложенную Г.В. Роговой, с позиций настоящего исследования содержание обучения грамматическому аспекту иностранного языка мы предлагаем рассматривать в совокупности лингвистического, психологического, дидактико-методического (методологического) и профессионального компонентов. Представляется необходимым раскрыть содержательное наполнение каждого из перечисленных структурных элементов.

Лингвистический компонент содержания обучения при формировании грамматической компетенции включает:

а) *теоретические знания о грамматическом строе языка*, к которым относятся знание теории языка и терминологического аппарата в области грамматики, необходимость овладения которыми обусловлена спецификой углубленного изучения иностранного языка с целью реализации научно-исследовательского и профессионально-педагогического потенциала обучающихся. Представляется важным обеспечить межкультурную компарацию французских и русских грамматических категорий, объясняя различия и находя соответствия двух соизучаемых языков;

б) *языковой материал*, содержащий необходимые для усвоения грамматические явления французского языка. К ним относятся: артикль (определенный, неопределенный, частичный, отсутствие

артикля), времена изъявительного наклонения, согласование времен, повелительное наклонение, условное наклонение, сослагательное наклонение, активный и пассивный залог, употребление предлогов, использование номинативных конструкций, способы словообразования, особенности синтаксиса. При этом необходимо уделять внимание обеспечению обучающихся знанием формообразования того или иного грамматического явления в родном и иностранном языке;

в) *речевой грамматический материал*, к которому относятся речевые образцы, тексты, а также речевые ситуации.

При этом следует отметить, что языковой и речевой материал тесным образом связаны, поскольку в языковой материал включено то, чему надо обучать и чем надо овладевать, в то время как речевой материал заключает в себе то, на чем следует обучать языковому материалу и для чего им овладевать. Данные компоненты ориентированы на изучение грамматических явлений в реальных ситуациях межкультурного общения с учетом национально-культурной специфики речевого поведения представителей франкоязычного лингвосоциума. Анализ современных учебных пособий по грамматике французского языка привел нас к выводам о недостаточности коммуникативной направленности при работе над грамматическим материалом, отсутствии учета коммуникативных ценностей французов и русских, дефиците сопоставлений французских и русских высказываний с целью выявления межкультурных грамматических особенностей. Вышесказанное позволяет выделить в качестве межкультурного аспекта знание национально-культурных грамматических реалий стран родного и изучаемого языков и их межкультурной соотнесенности, имеющее целью демонстрацию того, как особенности культуры и менталитета представителей страны изучаемого языка влияют на употребление того или иного грамматического явления в процессе коммуникации и зависят от него. Подобные меры, на наш взгляд, будут способствовать развитию общего кругозора обучающихся, окажут влияние на становление студентов как «медиаторов культур», послужат развитию и более прочному усвоению формируемых грамматических навыков, и, конечно, будут являться опорой в дальнейшей профессиональной деятельности студентов.

Психологический компонент содержания обучения грамматической стороне иноязычной речи основывается на формировании языковых и речевых грамматических навыков как базиса речевых умений говорения, аудирования, чтения и письма. Под языковым навыком понимаются дискурсивно-аналитические навыки оперирования грамматическим материалом, формируемые на основе грамматических знаний в процессе тренировки употребления того или иного грамматического явления вне контекста, когда основное внимание уделяется правильному формообразованию и формоупотреблению [7]. Языковые навыки могут быть рецептивными (при чтении и аудировании) и продуктивными (на письме и в устной речи) в зависимости от вида речевой деятельности. Именно на основе отработанных и сформированных языковых грамматических навыков формируются навыки и умения речевые, которые, в свою очередь, подразделяются на морфологические и синтаксические. В совокупности они обеспечивают автоматизированное, коммуникативно обусловленное употребление грамматических явлений в устной и письменной речи. Мы полагаем, что при формировании грамматической компетенции на основе межкультурного подхода необходимо сформировать следующие навыки и умения. Продуктивные навыки: образование грамматических форм и конструкций; оперирование культурообусловленным грамматическим материалом; выбор и употребление грамматического явления, адекватного ситуации межкультурного общения; изменение грамматического оформления высказывания при изменении коммуникативного намерения. Рецептивные навыки: узнавание и различение грамматических явлений и конструкций по формальным признакам и строевым словам; вычленение и интерпретация значений и перевода основных грамматических категорий на родной язык с учетом межкультурного контекста; адекватное восприятие иноязычного высказывания с последующей ответной реакцией. Умения: употребление изучаемого грамматического материала согласно нормам французского языка; оформление устного и письменного высказывания с учетом межкультурно ориентированного грамматического компонента; анализ фактов культуры в целях лучшего понимания франкоязычного

лингвосоциума; сопоставление грамматического оформления франкоязычного и русскоязычного высказываний для выявления культурных различий, выраженных грамматическими средствами; реализация коммуникативных намерений при межкультурном общении.

Дидактико-методический компонент содержания обучения грамматической стороне иноязычной речи предполагает овладение обучающимися стратегиями самообучения, саморазвития и самоконтроля, а также умением пользоваться различными информационными и учебно-методическими источниками (отечественные и зарубежные учебно-методические пособия, справочники по грамматике и словари, русскоязычные и франкоязычные образовательные порталы и сайты). Неспособность обучающихся работать с перечисленными составляющими учебного процесса в значительной степени снижает результативность процесса овладения иностранным языком в целом и грамматическим аспектом в частности. Межкультурный аспект рассматриваемого компонента содержания обучения грамматике французского языка состоит в том, что обучающиеся анализируют франкоязычные учебные и справочные материалы, принципы и логику их построения, приобретают навыки работы с учебно-вспомогательным материалом.

Кроме того, видится возможным включить в содержание обучения иноязычной грамматике студентов по направлению подготовки «Лингвистика» *профессионального компонента*, который находит свое отражение в таких аспектах, как *учебные профессионально направленные ситуации и сферы общения*, которые, с одной стороны, являются способом организации материала и, с другой стороны, моделируют грамматико-обучающую деятельность учителя иностранного языка в межкультурной коммуникации. Подобные ситуации предполагают рефлексивную работу обучающихся по планированию фрагментов занятий, предвосхищению и снятию возможных трудностей. Реализация подготовленной части урока по обучению грамматической стороне речи дает возможность практической апробации планируемого студентами занятия, указывает на «методические ошибки», допущенные при подготовке фрагмента урока, и возможности их

корректировки в процессе занятия, способствует развитию многих профессиональных качеств личности, обогащает будущих учителей иностранного языка методическими технологиями, использование которых возможно во время производственной практики, а также в дальнейшей профессионально-педагогической деятельности.

Относительно профессионально-педагогической сферы общения будущего учителя иностранного языка следует отметить, что в ее составе, как правило, выделяют учебно-профессиональную, социально-культурную, бытовую, общественно-политическую и официально-деловую сферы [8. С. 156], реализующиеся посредством тем и ситуаций общения. А.А. Леонтьев предлагает понимать под ситуацией «совокупность речевых и неречевых условий, задаваемых нами учащимся, необходимых и достаточных для того, чтобы учащийся правильно осуществил речевое действие в соответствии с намеченной нами коммуникативной задачей» [9. С. 144]. Именно за счет учета межкультурных речевых ситуаций, обстоятельств, профессиональной терминологии происходит полное погружение студентов в среду интеркультурного профессионального и профессионально-педагогического общения, что делает процесс обучения максимально приближенным к реальным коммуникативным условиям.

Методические умения в области обучения грамматической стороне речи в межкультурном контексте являются последним компонентом в предлагаемой нами структуре содержания обучения. Данный элемент тесным образом связан с предыдущим компонентом, поскольку формирование методических умений происходит в процессе подготовки и проведения студентами фрагментов уроков по формированию грамматических навыков и умений. В заданных условиях представляется недостаточным знание собственно грамматических явлений и случаев их функционирования. Важным компонентом деятельности учителя являются умения преподнести тот или иной грамматический материал учащимся в зависимости от их индивидуальных особенностей и уровня владения иностранным языком, отобрать те ситуации межкультурного общения, которые наиболее полно демонстрируют национально-культурную специфику

употребления тех или иных грамматических форм и конструкций и их сравнение с аналогичными явлениями в родном языке.

Таким образом, выделенные и описанные компоненты содержания обучения грамматике имеют в своем составе межкультурный аспект и направлены на соизучение языковых явлений и национально-культурных реалий, на развитие умений грамматически верно оформлять собственные высказывания в процессе межкультурной коммуникации с учетом культурных особенностей представителей франкоязычного лингвосоциума.

Библиографический список

1. Оберемко О.Г. Содержание образования лингвиста с точки зрения межэтнической и межкультурной коммуникации // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 2008. № 3. С. 119-129.
2. Оберемко О.Г. Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 2014. № 26. С. 101-114.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения ИЯ. Пособие для учителя. М.: АРТИ-ГЛОССА, 2000. 165 с.
4. Бим И.Л. Методика обучения иностранному языку как наука и теория школьного учебника. М.: Русский язык, 1997. 288 с.
5. Содержание обучения иностранным языкам: Уч. пос. / Под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой. Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. 40 с.
6. Кричевская К.В. Прагматические материалы, знакомящие учеников с культурой и средой обитания жителей страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. 1996. № 1. С. 13-17.
7. Мильруд Р.П. Коммуникативность языка и обучение разговорной грамматике // Иностранные языки в школе. М., 2002. № 6. С. 15-21.
8. Бободжанова Л.К. Формирование иноязычной грамматической компетенции с учетом национально-культурных особенностей изучаемого языка в сфере профессионального общения: Дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2008. 247 с.
9. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: Уч. пос. для студентов и преподавателей. М.: Филоматис, 2004. 416 с.

Сведения об авторе

Шимичев Алексей Сергеевич
ассистент кафедры теории и практики французского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexshim@list.ru

РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ СЛОВА ОТ ЛЮДОВИКА XIV ДО АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

Н.А. Голубева
Нижний Новгород

Рецензия на словарь: **Steffens D., Nikitina O. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991-2010. 2 B-de. 1. Auflage. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2014. 598 S. (Fritz Thyssen Stiftung – грант фонда им. Ф. Тиссена)**

Из истории лексикографии известно, что становление единых национальных лексических норм, закрепление актуальной лексики в соответствующих словарях происходило путем активного участия в ее отборе школы общественных деятелей, писателей, членов языковых обществ. В этом смысле французский король Людовик XIV слыл для немецкой знати большим примером. Поэтому уже в XVII в. усилия просвещенной части населения Германии были устремлены на избавление немецкого языка от процветания иноязычной лексики.

Засилье иностранной лексики, прежде всего французской, обедняло немецкий язык вытеснением близких простолюдинам народных элементов языка. «Пуристы» немецкого языка пошли по пути замены модных французских слов немецкими, напр., *esprit libre* ← *Freigeist*; *passion* ← *Leidenschaft*; *avant-garde* ← *Vorhut*. Да и латинизмам была объявлена война. Процесс онемечивания лексики шел довольно успешно: вместо слов *Adresse*, *Korrespondenz*, *Fragment*, *Bibliothek* появились *Anschrift*, *Briefwechsel*, *Bruchstück*, *Bücherei*, хотя позже эти слова получили параллельное хождение в языке. Аналогичную картину, дошедшую до наших дней, мы видим и в грамматической терминологии: *Fall* = *Casus*, *Geschlechtswort* = *Artikel*, *Hauptwort* = *Substantiv*, *Zahlwort* = *Numerale*, *Wörterbuch* = *Lexikon*.

В XVIII в. усилились устремления национально настроенных буржуазных представителей продвигать создание единой литературной языковой нормы в лексике. Так, Г. Шутце в обращении к ученым мужам, меценатам и друзьям науки Германии выразил

озабоченность по поводу «несправедливого» вытеснения из лютеровского перевода Библии некоторых немецких слов [1]. С одной стороны, это была борьба с иноязычным словом и ценная практическая работа по онемечиванию чужих слов, прежде всего латинских и французских; с другой стороны, началась работа по созданию нормативных словарей, в которых было засвидетельствовано признанное образцовым достигнутое состояние языка второй половины XVIII в.

Большим достижением в этой области стал пятитомный труд Й.Х. Аделунга, написанный в 1774-1786 гг. [2]. Второе издание этого пятитомника (1793-1801 гг.) появилось под названием *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*. Оно не оправдало представлений Й.Х. Аделунга об образцовости верхнесаксонского ареала в вопросах языка, потому что не лишено было ошибочных оценок и субъективизма. Например, слова *abhanden*, *abschweifen*, *behelligen*, *behindern*, *blank*, *dumpf*, *düster*, *flink*, *hastig*, *Laken* интерпретировались автором как ниже- и верхненемецкие провинциализмы, при этом было забыто, что эта лексика на тот момент уже давно вошла в стабильную часть национальной нормы [3. S. 666].

Решение общеметодологической задачи Й.Х. Аделунга по регламентации нормативного немецкого языка продолжил И.Г. Кампе в своем труде из шести частей (1801-1804 гг.) [4]. В своем желании достичь идеалов в национальном воспитании он предполагал очистить немецкий язык от всех иностранных слов, которые после долгого употребления не адаптировались в немецкий язык, и зашел слишком далеко, предложив вместо *Bonbon* немецкое слово *Süßchen*, а вместо *Klavier – Griffbrett*, которые не прижились вовсе. Таким образом, на заре становления немецкого национального языка неология как наука о новых лексемах в определенной ее части была бы бременем для ученых, что лишало ее четко очерченной перспективы.

Истоки неологии как науки о лексических инновациях лежат, как известно, в лексикографии, поскольку вопрос о новых единицах языка был впервые поставлен именно лексикографами. По такому пути шло развитие неологии русского, французского, английского языков: в практической лексикографии разрабатывались вопросы инновационного развития лексики, положенные в основу будущей

теории неологии. Однако практическая неография немецкого языка оставалась в стороне от мирового опыта и смогла подтвердить свой самостоятельный статус относительно недавно в виде одноязычных словарей [5; 6], которые входят в двуязычный словарь Д. Штеффенс и О. Никитиной. Надо заметить, что авторы рецензируемого словаря опирались на 150 лексикографических источников, общих и специальных одно- и двуязычных словарей, изданных после 1990 года, среди которых приоритетно позиционируют [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Авторами и соавторами некоторых из этих трудов являются мои коллеги – ученые Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Н.Е. Бажайкин, М.А. Грачев, Е.В. Плисов, Н.Н. Прокопьева). Это во многом обеспечивает высокий международный научный уровень рецензируемого словаря и верифицируемость его данных.

Каждое научное изыскание (а любой серьезный словарь является практическим воплощением определенной научной концепции) предполагает достижение конкретной исследовательской цели. Представленный небольшой фрагмент лексикографической онтологии немецкого языка и жанр рецензии подвигают нас задаться вопросом: каковы цель, задачи и принципы составления двуязычного неологического словаря третьего тысячелетия?

Хотя в основе развития словарного состава лежат одни и те же постоянно действующие языковые процессы (словообразование, заимствование, семантическая деривация, фразеологизация, аппелятивизация), в каждый период языкового развития они отличаются значительным своеобразием. Стремительно меняющиеся общественно-политические, социально-культурные и исторические условия, компьютеризация, языковая политика, языковая мода и, по образному выражению В.Г. Костомарова, «языковой вкус эпохи» оказывают существенное влияние на качественную и количественную специфику развертывающихся в словарном составе процессов неологизации [13]. Количественное преобладание того или иного языкового процесса на одном этапе существования языка оборачивается своей качественной стороной на другом его этапе, точно так же как качественная дифференциация лексики может обернуться количественным увеличением словаря.

Новый и очень своевременный фундаментальный труд родился в рамках германо-российского делового партнерства (Институт

немецкого языка, Мангейм, и Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула). Он стал давно ожидаемым витком в теоретическом обосновании и практическом обобщении целого пласта лексики, рожденной стремительными экономическими и политическими изменениями Европы конца II – начала III тысячелетия, а также глобализацией гуманитарного пространства. Лексикографический опыт указывает на отсутствие до настоящего времени неологических словарей представленной языковой пары. Процессы неологизации словарного состава немецкого языка на рубеже XX-XXI веков нуждаются в комплексном, системном представлении, что обуславливает актуальность рецензируемого труда.

Достижению основной цели словаря служит именно его профессиональная ориентация. Его авторы пытаются и очертить специфические зоны немецкой неологистики (новой лексики), отличные от русской, и обосновать коммуникативную потребность в ней немецкого социума. Это во многом определяет и сам тип лексикографической обработки материала, и отбор иллюстраций, и арсенал стилистических помет, и характер комментирования лексем и устойчивых словосочетаний.

Можно смело предположить, что рецензируемый словарь призван стимулировать развитие рецептивно-продуктивной языковой компетенции его пользователей, а также информировать профессионалов, нуждающихся в точных сведениях о содержании, форме и употреблении новой, пока мало известной лексики. Появление двуязычного словаря обещает привлечь большой интерес не только филологов, в частности лексикологов, но и широкого круга специалистов-практиков, занимающихся проблемами использования немецкого языка в целом. Объяснением тому являются четыре основные функции, которые выполняет словарь. Он нужен, во-первых, для чтения и понимания современных немецких текстов; во-вторых, для получения нужных эквивалентов при переводе с немецкого языка на русский; в-третьих, он может быть полезен при изучении нового лексического состава немецкого языка; в-четвертых, чтобы выполнять метаязыковые функции – новые лексемы информируют о новых реалиях в конкретных областях знания.

Как специальный двуязычный словарь пассивного типа, включающий около 2000 лексико-фразеологических единиц, он

ориентирован на русскоязычного читателя, то есть адресован преимущественно тем, кто изучает немецкий язык или уже владеет им, имея целью помочь учителям, переводчикам, журналистам при чтении, понимании и переводе современных немецких текстов на русский язык. Таким образом, словарь Д. Штеффенс и О. Никитиной является продуктивным дополнением к существующим общим немецко-русским словарям и не оставляет сомнения в его прикладной значимости.

Теоретическая ценность данного труда состоит в применении комплексного, интегративного подхода к описанию неологизмов. В многоаспектном представлении процессов лексического обновления немецкого языка обобщен, систематизирован и уточнен ряд важных теоретических положений неологии и неографии, определены главные тенденции в развитии немецкого языка на рубеже XX-XXI веков. Кроме того, в рецензируемом словаре реализованы принципы отбора и лексикографической обработки неологизмов, типичные для специальных одноязычных словарей, но с применением теоретических и эмпирических методов составления словаря нового типа – двуязычного толково-переводного словаря неологизмов, то есть авторам словаря блестяще удалось совместить в лексикографической практике традицию и новаторство.

С появлением словарей неологизмов немецкого языка в последние два десятилетия формируется солидная эмпирическая база. Таким образом, исследование процессов неологизации немецкого языка впервые поставлено на подлинно научную основу. К достоинствам рецензируемого словаря относится его методологический аспект. В нем отображена специфика процессов обновления лексики немецкого языка в указанный период и обоснован, таким образом, ряд теоретических положений не только одноязычной, но также двуязычной неографии как нового, активно развивающегося лексикографического направления. Этим определяется научная новизна концепции при составлении словаря.

Сопоставляя рецензируемый словарь с известными словарями русской неологии, создаваемыми в Санкт-Петербургском Институте лингвистических исследований РАН коллективом Т.Н. Буцевой [14], можно легко обнаружить существенное различие немецкого и русского неологических словарей, ставших объектом описания. Для академических словарей русской неологии характерно широкое

понимание последней: кроме обозначений собственно новых номинаций научно-технических, экономических, политических и т. д., здесь широким фронтом описывается и номинация оценочно-экспрессивная, давно уже имеющая семантические аналоги в литературном языке.

Следует подчеркнуть, что стратегия номинационного описания, избранная в рецензируемом словаре, вполне оправдана самим корпусом неологии, характерным для современного немецкого языка в отличие от русского. Известные «шоковые» преобразования нашего общества – отмена цензуры и другие факторы – привели к тому, что кроме нейтральных номинаций в русскую неологику ворвался мощный поток носителей экспресsem. Разного рода эмоционально окрашенные «перекрученные» мудрости, жаргонизмы, вульгаризмы и др. рассматривались по определению, принятому петербургскими лексикографами, как неологизмы и получили широкое описание.

Современный немецкий литературный язык не подвергся такой «шоковой терапии». Нелитературные слои лексики в нём и ранее уже подвергались лексикографированию [15], они прошли проверку «естественным отбором» – в отличие от русского языка. Поэтому ориентация Д. Штеффенс и О. Никитиной на номинационный отбор словника вполне целесообразна и соответствует духу немецкой неологии и лексикографической прагматике.

Кроме того, авторы словаря абсолютно правы, предполагая в двуязычном словаре неологизмов более высокую потребность в экспликации информации как со стороны немецкого, так и со стороны русского языков при семантизации новых лексем.

Современную гуманитарную науку отличает методологический плюрализм, который допускает сосуществование различных, пусть даже противоречивых точек зрения, но при обязательном условии внутренней непротиворечивости и последовательности в рамках выбранной методологии исследования, что мы и наблюдаем в словаре. Здесь когнитивная проекция направлена на такие конструктивные элементы словарной статьи, как передача смысла исходного неологизма и его русскоязычного эквивалента. Вместе с тем в отличие от других неологических словарей коннотативному аспекту лексики и фразеологии, включая его эмотивную составляющую, уделяется меньше внимания, чем номинативному.

Первая представлена отдельными вкраплениями некоторых жаргонизмов, например **Интернет**, жарг. **Инет, нет** [нэт] (С. 298).

Именно такая исследовательская стратегия прослеживается в рецензируемом труде на всех этапах работы над новейшей эквивалентной лексикой немецкого и русского языков, закреплённая в системном подходе к принципам ее репрезентации, обуславливающая достоинства словаря Д. Штеффенс и О. Никитиной и отличающая его от аналогичных трудов. Остановимся на этом более подробно.

В словаре нашло свое место значительное количество (временно) безэквивалентной лексики, например *Mauerschütze*, *Partnermonat*, *Stadtteilmutter*, *Wiedereinrichter*. В этом случае авторы создают предпосылки для понимания русскоязычными читателями специфики немецкоязычной культуры за счет расширенного толкования. Они увеличивают ее семантическую емкость путем включения большего числа дифференциальных семантических признаков, сравним (С. 331):

Mauerschütze, Mauer-Schütze, der; -n, -n:

‘военнослужащий пограничных войск ГДР, стрелявший на поражение в перебежчиков у Берлинской стены и причинивший им ранение или смерть’.

Или: **Stadtteilmutter**, Stadtteil-Mutter, die; -, -mütter (С. 428):

‘женщина с миграционным прошлым, прошедшая специальное обучение, в задачи которой входит посещение на дому семей её этнического круга с целью консультирования и поддержки, прежде всего, в вопросах социально-культурной адаптации’.

Возможность включения в микроструктуру словарной статьи толкования значения на родном языке отмечал еще Л.В. Щерба. По мнению ученого, целесообразно «создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова» [16. С. 301].

Особое внимание уделяется в словаре подбору и осмыслению необходимого эквивалента. Авторы дают различные варианты перевода и исходят из определения лексикографического эквивалента в двуязычной лексикографии слова, согласно которому эквивалентом

могут быть слова, словосочетания и единицы до уровня предложения, которые можно поместить в текст переводящего языка. При этом они не должны быть обязательно лексикализованными [17]. В словаре безусловный приоритет при установлении отношений эквивалентности отдается семантическим и стилистическим особенностям, которые, как правило, совпадают (С. 318):

kultig [...]

'имеющий в определенных кругах много поклонников, очень популярный'

культовый [...]

Кроме того, авторами словаря отмечена открытость немецкого и русского языков к заимствованию иноязычных обозначений для денотатов, пришедших из других языков, особенно из английского, что часто приводит к параллельному возникновению новых слов (С. 172):

Blockbuster, Block-Buster [транскрипция], der; -s, -(s) [...]

'коммерчески успешный, высокодоходный продукт (обычно о кинофильме, лекарственном препарате)'

блокбастер [...]

Рецензируемый словарь формирует не только лексическую, но и грамматическую компетентность его пользователей. Он дает представление не только о значении слова, но и о его употреблении, сочетаемости, грамматических характеристиках и системных отношениях. В словарной статье обязательно приводится наиболее типичная сочетаемость неологизма немецкого языка, выявляемая путем корпусного анализа, а также сочетаемость, представляющая коммуникативный интерес или языковую трудность для неносителей языка. Например (С. 212):

doppelklicken, doppelklickte, hat doppelgeklickt

през. и прет. неотд.; парт II отд. (грамматические пометы)

дважды щёлкнуть что-л. / по чему-л.,

разг. (стилистические пометы)

jmd. doppelklickt (auf) etw. [A]: er doppelklickt (auf) den Eintrag / die Datei / Grafik / das Symbol / den Ort (синтаксическое окружение глагола и сочетаемость)

Словарь отражает также системность лексики. В конце словарной статьи могут приводиться синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы, тематически близкие слова и метафоризация (С. 341):

Mobiltelefon, das; -s, -e [...]

син: ↑Handy.

При представлении новой лексемы в словник включены ссылки на словарную статью основного синонима, если в ней содержатся все необходимые сведения, на основе которых читатель сможет полностью раскрыть значение отсылочного слова. В случае расхождения между морфологическими признаками основного синонима и отсылочного слова, а также различий в употреблении, типе неологизма (новое слово или новое значение слова), происхождении (исконно немецкое или заимствованное слово), отсылочное слово получает соответствующие пометы. Например:

Flipflop, Flip-Flop, der; -s, -s [...]

син: Zehenpantolette, Zehenriemensandale, Zehensandale [...]

Zehenpantolette, die; -, -n ↑Flipflop (С. 245-246)

Или:

blicken, blickte, hat geblickt

[...]

разг. врубиться, въехать (во что-л.), *мол. догнать* что-л. (стилистические пометы), *б.ч. устн.* (коммуникативная ситуация)

[...]

Новое значение возникло в результате метафоризации уже существующего значения «смотреть, «видеть» (С. 171).

Заслуживает внимания также возможность словаря информировать о времени появления неологизма в общенародном немецком языке, о типе неологизма (новая лексема – НЛ, новое значение – НЗ), а также об (анти)популярности неологизма (например, слова-победители конкурса «Слово года»). В этом случае они получают соответствующие пометы и снабжаются дополнительной информацией лингвострановедческого характера (С. 220):

Ehrenmord, Ehren-Mord, der; -(e)s, -e

НЛ; употр. с серед. перв. десят. XXI в. (тип неологизма; время вхождения в употребление)

'убийство женщины, преступившей национальные, религиозные традиции, законы строгого патриархального общества, совершаемое ее родственниками с целью восстановления якобы запятнанной чести семьи'

убийство (во имя) чести

einen Ehrenmord begehen, einem Ehrenmord zum Opfer fallen, den Täter wegen eines Ehrenmordes verurteilen, Ehrenmorde verurteilen
Weil schon die Beschreibung der Probleme angeblich Fremdenfeindlichkeit schürt, sind auch die 45 **Ehrenmorde** allein in den vergangenen zehn Jahren weitgehend tabuisiert worden. (Die Zeit, 19/2006)

ср. тж.: ↑Importbraut, ↑Migrationshintergrund, ↑Parallelgesellschaft (тематически близкая лексика) [...]

Призёр конкурса «Анти-слово года» в 2005 г. (дополнительная информация) (выделение наше – Н.Г.)

В заключение отметим, что словарь, ставший предметом нашего обсуждения, является оригинальным и солидным лексикографическим произведением. Его выход в свет – заметное лексикографическое событие, потому что европейская неография получила надежный справочник по новейшей лексике и фразеологии немецкого и русского языков, который станет надежным ориентиром для дальнейших изданий этого востребованного нашим временем лингвистического жанра.

Словарь можно приобрести, обратившись на сайт <http://www.owid.de/wb/neo/start.html>.

Библиографический список

1. Schütze G. Beurtheilung einiger deutschen Wörter, welche aus Lutheri deutscher Bibel-Uebersetzung mit Unrecht verdränget worden. Altona: Burmester, 1755. 16 S.

2. Adelung J.-CH. Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der oberdeutschen. 5 Bde. Leipzig: J. G. I. Breitkopf, 1774-1786. 3890 S.

3. Schildt Jo. Herausbildung und Entwicklung der deutschen Sprache // Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. S. 662-670.

4. Campe Jo.-H. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. Braunschweig: Schulbuchhandlung, 1807. 687 S.

5. Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. Schriften des Instituts für Deutsche Sprache 11. Berlin – New York: de Gruyter, 2004. 393 S.

6. Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001-2010. 2 Bde. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2013. 577 S.

7. Новый большой немецко-русский словарь. Науч. ред. Д.О. Добровольский, А.В. Шарандин, А. Баумгарт-Вендт. Под общ. рук. Д.О. Добровольского. В 3 т. Т. I: A-F. 2008. Т. II: G-Q. 2010. Т. III: R-Z. 2010. М.: АСТ: Астрель. 3568 с.

8. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь. Сост. Н.Н. Прокопьева, Е.В. Плисов. М.: Центрполиграф, 2005. 704 с.

9. Большой немецко-русский и русско-немецкий медицинский словарь. Под ред. Н.В. Морозова, И.Ю. Марковиной. М.: Живой язык, 2010. 512 с.

10. Большой немецко-русский экономический словарь. Под ред. Ю.И. Куколева. 3-е изд., стер. Москва: РУССО, 2005. 928 с.

11. Russisch-deutsches Wörterbuch. Bd. 9: Подзор – по-сибирски / Unter Mitarbeit von A. Scheller, W. Belentschikow, E. Timmler, N. Bashaikin et al. R. Belentschikow (Hrsg.). (Akademie der Wissenschaften und der Literatur). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. 377 S.

12. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007. 672 с.

13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. Серия: Язык и время. СПб.: Златоуст, 1999. 280 с.

14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В. 2 т. Т. 1 (А-К). Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко и др. Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1756 с.

15. Wiegand H.-E. Neologismenwörterbücher (Die deutsche Lexikographie der Gegenwart) // F.-J. Hausmann, O. Reichmann, H.-E. Wiegand, L. Zgusta (Hrsg.): Wörterbücher – Dictionaries – Dictionnaires.

Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. 2. Teilband. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 5.2). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1990. S. 2185-2187.

16. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

17. Wiegand H.-E. Adressierung in zweisprachigen Printwörterbüchern // Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch VIII. H.E. Wiegand (Hrsg.). Germanistische Linguistik 166. Hildesheim – New York: Olms, 2002. S. 111-175.

Сведения об авторе

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

ЖАН-МИШЕЛЬ ГЕНАССИЯ (1950): НОВОЕ ИМЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНЕ XXI ВЕКА

С.М. Фомин

Нижний Новгород

Рецензия на книги: Ж.-М. Генассия. Клуб неисправимых оптимистов. СПб: Азбука, 2014. Пер. Е. Клоковой. 608 с. (*Le Club des Incorrigibles Optimistes*. P.: Albin Michel, 2009); Удивительная жизнь Эрнесто Ч. М.: Иностранка, 2015. Пер. Е. Клоковой. 416 с. (*La Vie rêvée d'Ernesto G.* P.: Albin Michel, 2012)

Для французского писателя обретение имени – итог многолетней успешной работы. Есть, однако, более короткий путь стать популярным – получить одну из многочисленных литературных премий. Доминирующее положение среди них занимает Гонкуровская, основанная в начале XX века. Именно Гонкуровская комиссия, которую, как правило, возглавляет мировая знаменитость, предлагает публике ежегодную литературную сенсацию. Она призвана либо поддержать заслуженный годами авторитет, либо открыть публике новое имя. Известно, что сама премия материально ничего не стоит (25 евро), зато дает ее обладателю самый главный козырь – рекламу и возможность выгодных контрактов. Обычно премию получают проверенные временем и рынком художники, но случаются и творческие прорывы, такие как Жан Руо с «Полями чести» (1993) или Андрей Макин с его «Французским завещанием» (1995).

С недавнего времени Французский институт в рамках программы франкофонии учредил также Гонкуровские премии французским писателям по выбору ряда стран Востока и Европы. Есть премия за лучший дебют в поэзии, жанре романа и новеллы, в автобиографической прозе. Гонкуровская премия приросла сегодня не менее престижным Гонкуром лицеистов. Молодежь выбирает собственных кумиров, одним из которых в 2009 году стал Жан-Мишель Генассия. Доселе то был никому неизвестный автор, издавший единственный роман «Клуб неисправимых оптимистов» (*Le Club des Incorrigibles Optimistes*, P.: Albin Michel, 2009), который сегодня стал достоянием российской читательской аудитории.

Издательство, говоря об авторе «Клуба», пыталось представить его как некий феномен, который «взорвал» роман современной Франции. Однако в культурной жизни своей страны адвокат по профессии Ж.-М. Генассия уже до успеха в 2009 году принимал активное участие как автор сценариев для телевидения и пьес для театра, так что первый роман художника – вовсе не проба пера. Вместе с тем следует признать не только удивительный природный дар писателя, но и глубокое знание мировой культуры и истории, что и позволило ему так громко заявить о себе на художественном рынке страны, которая уже многие годы не жалуется писателей-«традиционалистов», наследников Бальзака, Стендаля или Флобера.

Получение премии позволяет лауреату обрести также широкую международную аудиторию. Так случилось и с книгами Генассия. Сразу же после появления его романы были переведены на десяток европейских языков, в том числе и русский. Получивший премию лицейстов «Клуб неисправимых оптимистов» был издан в 2014 году в петербургском издательстве «АЗБУКА». Второй роман – «Удивительная жизнь Эрнесто Ч.» – продукт центрального издательства «Иностранка», принадлежащего той же издательской группе. Оба романа были переведены Еленой Клоковой, которая постаралась, насколько это было возможно, передать стиль Ж.-М. Генассия.

Последние годы список фаворитов книжного рынка обыкновенно состоит из десятка так называемых «ветеранов» – Бегбедера, Уэльбека, Шмитта. Все они, без сомнения, талантливы, однако они еще и замечательные маркетологи, учитывающие законы рынка и наиболее успешные методики торговли собственной продукцией. У каждого есть свой миф, который работает на рынок. Так, Эрик-Эманюэль Шмитт рассказывает о своем обращении в африканской пустыне, когда он, как Шатобриан, узрел Бога. Бегбедер выступает как дипломированный специалист по связям с общественностью, а потому его бессюжетная проза представляет собой «любовную линию, которая тонет в огромном количестве поездок, встреч, ночных клубов, развлечений и размышлений», а «сюжет размельчается на сотни крошечных фрагментов, прихотливо перемешанных друг с другом» [1. С. 139].

Пожалуй, только Мишель Уэльбек выбивается из этого ряда, хотя мифы он творит о себе сам, как, например, в «Карте и

территории», где участвует в повествовании в качестве чуть ли не главного героя. Он, как и Бегбедер, работает по проверенной читательскими ожиданиями схеме: от реального факта, получившего в средствах массовой информации широкий отклик, к наличию смелых, почти непристойных сцен. В отдельных книгах они составляют чуть ли не половину произведения, как это было в на шумевших романах «Платформа» (2001) и «Покорность» (2015).

Жан-Мишель Генассия стоит ближе к той когорте писателей, которые, не отменяя новаций романа XX века, все же остаются в русле литературы, чья поэтика сформировалась в творчестве реалистов XIX века. Традиция эта была продолжена в XXI веке в романах «классиков» Ле Клезю, Модяно, Эшноза или Макина – при всей их внешней непохожести.

С А. Макиным, в частности, его роднит и так называемая «советская» тема, которая является в их творчестве доминирующей. Если А. Макин, имея советские корни, знает историю нашей страны изнутри, то Ж.-М. Генассия ее интерпретирует как специалист-историк. Кстати, именно в этом состоит зерно его творческого метода: скрупулезная работа с обширным историческим материалом. Макину как специалисту по российской концептосфере достаточно года для написания нового романа, а Генассия в многочисленных интервью предлагает после появления очередной книги подождать как минимум два-три года для работы в архивах.

По французским меркам Ж.-М. Генассия пришел в литературу очень поздно – в возрасте почти шестидесяти лет. О нем известно крайне мало. Он представляет ту линию французских авторов, истоки творчества которых надо искать в Северной Африке. Он, как и его любимец и один из персонажей «Клуба» Альбер Камю, родился в Алжире. Правда, ему повезло больше: его родители были людьми зажиточными, дали ему отличное образование и престижную профессию адвоката. Однако от рентабельной, по мнению французов, профессии он отказывается ради «французской мечты стать либо дипломатом, либо офицером, либо писателем» [2. Р. 57].

Публикация романа «Клуб неисправимых оптимистов» может рассматриваться как несомненный, почти феноменальный успех: «Это большой роман. Это великий роман. Великолепная история. Генассия рассказывает о людских судьбах как греческий аэд. Мощная, глубокая, печальная и упоительная книга» [3]. Список

хвалебных отзывов может быть далеко продолжен. Его сразу же назначают преемником великих французов – от Бальзака до Пруста, который, как и Генассия, верит в особую функцию памяти в творческом акте и неразрывность времени. Но все как один отмечают его очевидную близость к автору «Человеческой комедии», и это справедливо.

Второй роман Генассия «Удивительная история Эрнесто Ч.» можно считать, как это модно в сегодняшнем голливудском кино, приквелом первой книги писателя. О том, что это начало истории, описанной в «Клубе», говорят не только даты, но и «возвращающиеся» персонажи, которыми так гордился Бальзак, полагая это свое изобретение «гениальным», породившим «Человеческую комедию» [4. Р. 166].

Рассказчиком «Клуба неисправимых оптимистов» становится подросток, который описывает годы, предшествующие Маю 68 года. Событие это считается началом новой эры в политической жизни страны, рождением современной социокультурной парадигмы [5. С. 544]. Его глазами мы смотрим на все институты, которые себя скомпрометировали: семью, государственный аппарат, партии, церковь и школу. Ему неуютно как среди своих сверстников, так и среди хищников мира взрослых. Он чувствует себя спокойно лишь в реально существовавшем когда-то парижском кафе на Данфер-Рошро, в котором собирались в эти годы многочисленные эмигранты с Востока.

С Бальзаком его роднит не только обращение к «возвращающимся персонажам», но и бальзаковский «хронотоп». Как и автор «Человеческой комедии», который объединил в пансионе мамы Воке в «Отце Горио» представителей всех слоев французского общества, автор «Клуба неисправимых оптимистов» собирает в небольшом кафе всю Францию: от ее интеллектуальной элиты до изгоев-эмигрантов. В одном из писем, которые цитирует А.В. Карельский, Бальзак хотел изобразить «все типы людей, все общественные положения, все социальные сдвиги так, чтобы ни одна жизненная ситуация, ни одно лицо, ни один характер, мужской или женский, ни одна профессия, ни чьи-либо взгляды, ни одна французская провинция, ни что-либо из детства, старости, зрелого возраста, из политики, права или военных дел не оказалось забытым» [6. С. 116]. В своих многочисленных интервью Генассия, указывая на

творческие задачи этого периода творчества, почти дословно цитирует своего великого предшественника.

Именно кафе связывает многочисленные сюжетные линии, которые подробно разрабатываются автором. Так возникает противостояние двух великих философов-экзистенциалистов – Камю и Сартра, моральных авторитетов эпохи, которые никогда в этом месте не встречались. Их имена постоянно возникают в спорах завсегдатаев заведения, которые делятся на два лагеря: за «просоветского» Сартра или противника сталинских лагерей Камю: «Я тогда не знал, что между Сартром и Камю надо было выбирать, как между «Реймсом» и парижским «Рейсинг-клубом», «рено» и «пежо», бордо и божоле, русскими и американцами, причем выбор делался раз и навсегда» [7. С. 75].

Их в определенной мере примиряет известный французский писатель Жозеф Кессель, автор многочисленных романов и талантливый художник, который сегодня незаслуженно забыт. Генассия он интересен и своими русскими корнями. Так в текст романа входит советская тема, которая трактуется в духе раннего Макина, для которого мир Советского Союза ограничивается триадой: Сталин – ГУЛАГ – чекисты. Именно ради спасения собственной жизни русско-советские персонажи Генассия готовы жертвовать всем, оставляя на родине родных и близких. Автор пытается исследовать психологию эмигрантов-изгоев, не только бывших советских, но и венгерских и чехословацких подданных, вынужденных покинуть родину после событий 40-60-х годов. При этом он всегда воздерживается от моральных оценок их поведения. Правда, Генассия против модного в современной литературе типа – «аллотропного, неукорененного, онтологически неопределенного героя, который освобождается от «давления социальной системы через «метафизический» бунт, «бегство в искусство», «на острова», в «духовные провинции» [7. С. 5].

В итоге один из бывших чехов врач Йозеф Каплан становится главным героем второго романа «Удивительная жизнь Эрнесто Ч.». По большому счету книга «Удивительная жизнь Эрнесто Ч.» этому персонажу посвящена лишь отчасти. Только последний эпизод интерпретирует факт четырехмесячного пребывания известного революционера в Чехословакии и позволяет автору соединить все сюжетные линии романа в его финале. Он делает Эрнесто

любовником дочери Каплана Хелены, счастью которых мешают вездесущие советские разведчики и беспринципные чехословацкие власти. Основной корпус романа посвящен личности Йозефа Каплана, за которым угадывается персонаж Кафки из романа «Процесс», о чем он несколько раз сам вспоминает в романе. Йозеф молод, хорош собой, талантлив. Он обязан сделать понятный для любого западного интеллигента выбор после испанских событий. В то время как его друзья без страха отправляются на борьбу с фашизмом, он принимает приглашение алжирского филиала института Пастера, по большому счету отрекаясь от своих прежних идеалов. Война и гонения на евреев (Каплан еврей по происхождению) вынуждают его отправиться в изгнание в алжирскую глубинку, где он успешно занимается исследованием вирусов и изготовлением вакцин.

Все перипетии жизни героев связаны с любовными историями, которые прописываются автором как-то схематично и необходимы ему, казалось бы, лишь для того, чтобы поддержать внимание тех читателей, которые интересуются в романе лишь его любовно-авантюрной линией. Однако в отличие от собратьев по перу Генассия никогда не злоупотребляет альковным материалом, а персонажи его в итоге живут не с теми, к кому испытывали настоящие чувства. Их судьбы соединяются с героями, которых история подвергла трагическим испытаниям. Так, Йозеф женится на подруге своего приятеля француженке Кристине, которая в финале предаёт его, отправляясь на родину, захватив с его собой любимого сына. Второй раз судьба его сближает с женой близкого друга – дипломата, который исчезает, чтобы избежать репрессий в годы чехословацкого кризиса и советского вторжения 1968 года. Несчастлива и Хелена, которую лишают привязанности Эрнесто Че и которая в финале романа узнает, что ее нынешний муж – агент спецслужб, который доносил на собственную жену и требовал за это денежного вознаграждения.

Особую роль в романе «Удивительная жизнь Эрнесто Ч.» играет личность Павла Цибульки – карьерного дипломата, сделавшего после Второй мировой войны блестящую карьеру. Он уже фигурировал в качестве второстепенного персонажа в первой книге Генассия «Клуб неисправимых оптимистов». Павел хорошо известен всем посетителям кафе как автор фундаментального труда, посвященного заключению Брестского мира. Был у него и реальный исторический

прототип, которого Генассия встречал в парижском кафе. Он мечтал издать многостраничную рукопись, однако у него не было на это ни денег, ни покровителей.

Во втором романе этот опус вновь становится сюжетообразующим элементом. Он скрашивает трудные дни беременности жены Павла Терезы, которая в итоге перепечатывает содержимое трех огромных папок, фигурировавших в «Клубе неисправимых оптимистов». Генассия завершает на оптимистической ноте и историю научных поисков Павла-историка: «В сентябре 1950 года два толстых тома увидели свет в Чехословакии, а через год вышли в СССР. Тереза трижды перепечатывала 687 страниц рукописи «Брестский мир: дипломатия и революция» [8. С. 233].

Не следует искать в картотеках этот научный труд: сам автор намекает на то, что это плод его художественного воображения. Однако он же утверждает, что книги его – почти исторические исследования, в которых большинство событий и дат соответствуют реальности. Действительно, романы Генассия изобилуют так называемыми внесюжетными элементами: письмами, цитатами, документами. И это не случайно. Ж.-М. Генассия и его книги органично вписываются в модное сегодня на Западе и в России направление литературы «нон-фикшн», в котором, по большому счету, автора художественного невозможно отделить от автора биографического. В произведениях этого направления наряду с документальными или достоверными фактами используются исконно литературные приемы [9. С. 16]. Но, как отмечает сам автор, его документальность на самом деле – это псевдодокументальность, а он – автор текстов, построенных на художественном воображении, главная цель которых – вернуть современному читателю оптимистический взгляд на человеческую цивилизацию несмотря на трагические судьбы героев.

Библиографический список

1. Владимирова А.И. Постмодернизм во французском романе рубежа XX-XXI веков // Романная проза Запада на рубеже XX-XXI столетий. 1990-2014: Уч. пос. / Под ред. В.А. Пестерева. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2014. С. 130-147.
2. Bona D. Romain Gary. P.: Mercure de France, 1987. 408 p.

3. Figaro du 21 mars 2015. P. 6
4. Gengembre G. Balzac. Le Napoléon des Lettres. P.: Gallimard, 1992. 208 p.
5. Ферро М. История Франции. М.: Весь мир, 2015. 832 с.
6. Карельский А.В. Метаморфозы Орфея. Беседы по истории западных литератур. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 279 с.
7. Швейбельман Н.Ф., Кирнозе З.И., Фомин С.М. Этическая преднамеренность зарубежной литературы XX века: Уч. пос. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. 223 с.
8. Генассия Ж.-М. Удивительная жизнь Эрнесто Ч. / Пер. Е. Клоковой. М.: Иностранка, 2015. 416 с.
9. Пестерев В.А. Об искусстве романа рубежа XX и XXI столетий // Искусство романа на рубеже XX-XXI столетий. 1990-2015: Коллективная монография / Под ред. В.А. Пестерева. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2015. С. 5-16.

Сведения об авторе

Фомин Сергей Матвеевич
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и
межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: semafor1952@yandex.ru

ХРОНИКА

Международная конференция «Мир после наполеоновских войн»

С 24 по 26 ноября 2015 г. в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова прошла международная конференция «Мир после наполеоновских войн», посвященная знаменательному событию – Венскому конгрессу (1814-1815), оказавшему влияние не только на политику, международные отношения, экономический уклад Европы и России, но и на духовную жизнь общества первой трети XIX столетия.

Изменения, которые произошли в Европе после окончания Венского конгресса, нельзя недооценивать. Тень Наполеона витала над вновь образовавшимися монархиями, что проявилось прежде всего в усилении цензуры. «Кучер Европы», сильный и влиятельный политик фон Меттерних, контролировал все области культуры, образования, международных отношений. Вместе с тем можно говорить и о значительном развитии некоторых областей знания: возродился интерес к национальным традициям, фольклору, мифотворчеству, появились переводческие школы, развивались лексикография, салонная музыка, песенная культура. Невероятного взлета достигла культура повседневной жизни.

20-30-е годы XIX в. – время, когда вчерашние воины вернулись домой и занялись обустройством поместий, организацией досуга, самообразованием. Радикально изменилось представление о времени, движении истории, целях и смысле существования. Все это стало предметом обсуждения гостей и преподавателей Нижегородского лингвистического университета – участников международной конференции «Мир после наполеоновских войн». В центре научной дискуссии оказалась рецепция этого периода последующими поколениями, аналогии с современностью, размышления о характере диалога между европейскими государствами и Россией.

Настроениям и противоречиям эпохи, следовавшей за периодом кровавых революций и кровопролитных войн, были посвящены доклады, сделанные на пленарном заседании конференции. Профессор Вульф (DAAD, СПб) сообщил о результатах Конгресса, об историческом значении «нового передела Европы», отметив, кроме безусловно прогрессивного характера этого события, его слабые и спорные моменты.

Профессор Ф. Ханзен, знаток творчества Т. Манна, долгие годы проработавший директором музея И.В. Гёте в Дюссельдорфе, посвятил доклад политической лирике Г. Гейне и его восприятию образа Наполеона,

менявшегося на протяжении многих лет. Исследователь отметил, что идеи великого немецкого поэта перекликались с настроениями современных мыслителей, философов, экономистов и были своего рода квинтэссенцией духовных исканий целого поколения европейских интеллектуалов.

Профессор Н. Любимова посвятила доклад формированию идентичности Швейцарии, напрямую связанной с событиями наполеоновской эпохи. Изучение стереотипов, повлиявших на формирование национальной истории Гельветической республики, позволило ей сделать обобщения и выводы об основных механизмах выстраивания политических стратегий при создании национальных мифологий.

Секционные заседания были посвящены трем большим темам: а) рецепции образа Наполеона в русской и мировой культуре; б) стиль и эпоха бидермайер в немецкоязычных странах; в) российско-швейцарские отношения, которые развиваются как официально-дипломатические именно со времен Венского конгресса.

Во время второго пленарного заседания речь шла о романтическом переосмыслении образа Мазепы в произведениях писателей-романтиков, смерти Наполеона в литературном сознании Пушкина и о путешествии в Россию Франца фон Баадера, предложившего утопический проект объединения Европы.

Большое внимание на конференции было уделено русским авторам – В.А. Жуковскому, А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Б. Пастернаку, Б. Окуджаве. Глубину и широту конференции придало участие в ней ведущих российских исследователей английской и американской литератур – О.О. Несмеловой, О.Е. Осовского, Ю.В. Стулова. Образ Наполеона, «наполеонизм» как культурное явление, психологический и экзистенциальный феномен оказал величайшее влияние не только на европейскую и русскую, но и на американскую культуру. Восприятие этого явления в Америке посвятила доклад профессор М.К. Бронич.

Не менее интересной представляется и работа другой секции, посвященной стилю бидермайер. Проф. Г.А. Лошакова, доцент А.Е. Лобков и другие исследователи показали, как ориентация на «мир малого» привела к тому, что бидермайер стал первым серьезным эстетическим явлением, сменившим грандиозную по идейно-философскому и культурному потенциалу эпоху Просвещения.

На конференции речь шла и о проблемах международной дипломатии, в частности судьбе и политической роли Иоанна Каподистрии – подданного Греции, посла России в Швейцарии, посвятившего жизнь установлению и укреплению отношений между нашими странами (доклад сотрудницы посольства Швейцарии в РФ

Е.А. Наумовой). Большой интерес вызвала презентация представителя посольства Швейцарии в РФ М. Мобийяр об особенностях ретороманского языка и его вариантов. Вниманию публики был представлен документальный фильм, посвященный современным жителям кантона Граубюнден, основным языком которого как раз и является ретороманский.

В конференции также приняли участие молодые ученые – аспиранты кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации (А.Э. Акимов, А.В. Карпова, А.А. Фомин) и студенты немецкого отделения переводческого факультета, работающие под руководством доц. Аверкиной Л.А.

Доклады конференции будут опубликованы в специальном выпуске «Швейцарских тетрадей» – журнала, издаваемого как совместный проект НГЛУ и посольства Швейцарии в России при поддержке переводческого факультета, Культурно-информационного центра Швейцарии и кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации.

С.Н. Аверкина

Научная конференция «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении»

28 октября 2015 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова состоялась научная конференция «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении», посвященная 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии Марины Серафимовны Ретунской.

Весь трудовой путь М.С. Ретунской был связан с Горьковским государственным педагогическим институтом иностранных языков им. Н.А. Добролюбова (ныне Нижегородским государственным лингвистическим университетом). После окончания в 1962 году с отличием факультета английского языка Марина Серафимовна поступила преподавателем на кафедру английского языка.

С 1970 по 1973 гг. обучалась в очной аспирантуре ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова. В 1974 году под руководством профессора Ю.М. Скребнева защитила кандидатскую диссертацию «Английское окказиональное словообразование (на материале окказиональных имён существительных и прилагательных)».

После присвоения ей ученой степени кандидата филологических наук Марина Серафимовна была зачислена на кафедру английской филологии, где прошла все должностные ступени – ассистент, старший преподаватель, доцент (с 1977 года), профессор (с 1999 года).

Почти 20 лет с 1992 по 2011 год руководила кафедрой английской филологии.

В 1998 году защитила докторскую диссертацию «Английская аксиологическая лексика» в Санкт-Петербургском государственном университете.

М.С. Ретунская была одаренным лингвистом, талантливым многогранным ученым, преподавателем высочайшей квалификации, прекрасно владела английским языком и методикой его преподавания. Ее отличали искренняя любовь к языку, глубокая преданность науке, творческая энергия, интеллектуальная свобода, постоянный научный поиск, разносторонность научных интересов. М.С. Ретунской опубликовано свыше 90 работ научного и научно-методического характера, среди них монография «Английская аксиологическая лексика», учебники по лексикологии и теоретической фонетике английского языка.

С 1993 года М.С. Ретунская руководила научной школой «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи», которая продолжает традиции её основателя, заслуженного деятеля науки РФ,

доктора филологических наук, профессора Ю.М. Скребнева. Пропаганде научного наследия учителя благодарная ученица и преемница посвятила всю свою жизнь. Благодаря ее трепетному отношению и творческим усилиям в НГЛУ была открыта мемориальная аудитория, ежегодно проводится научная конференция «Скребневские чтения», публикуются сборники научных трудов.

Заслуги М.С. Ретунской в области высшего образования и науки отмечены высокими ведомственными наградами: «Отличник народного просвещения» (1990 г.), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (1998 г.), Диплом лауреата премии Ю.М. Скребнева (2010 г.), Почетная грамота губернатора Нижегородской области. В 2012 году ей было присвоено звание «Почетный профессор НГЛУ».

М.С. Ретунская воспитала несколько поколений студентов и аспирантов. Под ее научным руководством защитили диссертационные исследования более 30 аспирантов, которые сегодня работают в НГЛУ, других вузах России и за рубежом (США, Великобритания, Франция, Турция).

В конференции приняли участие (очное и заочное) 49 ученых из Нижнего Новгорода, Пятигорска, Кирова, Петропавловска-Камчатского, многие из них – ученики и коллеги М.С. Ретунской.

С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор НГЛУ д-р пед. наук, профессор Б.А. Жигалев. На пленарном заседании с воспоминаниями об ученом и руководителе выступили коллеги М.С. Ретунской: канд. филол. наук, профессор И.М. Деева, д-р филол. наук, профессор З.И. Кирнозе, канд. филол. наук, доцент Н.Н. Сальникова, канд. филол. наук, доцент А.Н. Кочетков, д-р филол. наук, профессор Е.С. Гриценко. С научным докладом выступила д-р филол. наук, профессор С.В. Постникова (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского).

На секционных заседаниях обсуждались актуальные проблемы современной лексикологии, аксиологии, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, типологии коммуникативных стратегий и тактик в различных тональностях общения, лингвистических основ и литературоведческих аспектов межкультурной коммуникации.

По итогам работы конференции вышел сборник научных трудов и докладов: Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении: Материалы научной конференции 28 октября 2015 г. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. 247 с.

И.Н. Кабанова

VII Молодежная научно-практическая конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире. Проблемы лингвистической безопасности»

С 12 по 14 октября 2015 г. переводческий факультет Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова провел VII Молодежную научно-практическую конференцию «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире. Проблемы лингвистической безопасности».

В конференции приняли участие около 150 студентов, магистрантов и аспирантов из 19 вузов России, ближнего и дальнего зарубежья. С большим воодушевлением участники конференции приветствовали коллег из Севастопольского государственного университета, активно вливающих в российское переводческое сообщество.

На пленарном заседании конференции с докладом на тему «Проблемы лингвистической безопасности в странах ОДКБ» выступил д-р ист. наук, зав. кафедрой международных отношений НГЛУ им. Н.А. Добролюбова профессор С.В. Устинкин. Он также зачитал приветственное слово Исполнительного директора Университетской лиги Организации Договора о коллективной безопасности И.Н. Панарина к участникам конференции.

В целом программа конференции была чрезвычайно насыщенной и включала, помимо пленарного заседания, конкурсы научных работ (с докладами выступил 61 студент, магистрант и аспирант), конкурсы письменного и устного перевода (общее количество участников – 148 человек), имитационно-деловую игру «Лингвистическая безопасность и проблема сохранения языков», моделирующую работу устного переводчика на международной конференции (общее количество участников – 16 человек). В качестве ораторов во время деловой игры выступили проректор по научной работе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Е.С. Гриценко, директор по технологии и качеству переводческой компании «АКМ-Вест» М.В. Берендяев (Москва), Элен Ривьер (Университет Иналко, Париж), Рикарда Нирхаус (Университет Магдебурга, ФРГ). По завершении игры свою оценку работе переводчиков дал сотрудник переводческой компании «Трансконтакт» В.В. Закин (Нижний Новгород).

С огромным энтузиазмом студенты разных университетов участвовали в переводческих конкурсах. Приятно отметить, что и в этом году были своего рода открытия – яркие, очень способные студенты,

продемонстрировавшие высокий уровень профессиональной подготовки. Вот их имена.

Конкурс письменного перевода английского языка

I место – Валентина Мягова, Севастопольский государственный университет;

II место – Елена Краева, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;

III место – Анна Буданова, Марийский государственный университет.

Конкурс письменного перевода немецкого языка

I место – Анастасия Шестопал, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;

II место – Евгения Кудревич, Севастопольский государственный университет;

III место – Людмила Сизова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

Конкурс письменного перевода французского языка

I место – Зоя Косолапова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Ксения Чупракова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;

III место – Екатерина Пимкина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (2-е место не присуждалось).

Конкурс устного перевода английского языка

I место – Федор Махлаюк, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Антон Голунов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва;

II место – Алина Чертушкина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;

III место – Елена Краева, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

Конкурс устного перевода немецкого языка

- I место – Анастасия Шестопап, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;
II место – Евгения Кудревич, Севастопольский государственный университет;
III место – Константин Чепурной, Московский государственный лингвистический университет.

Конкурс устного перевода французского языка

- I место – Денис Девочкин, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;
II место – Кира Аверьянова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова;
III место – Екатерина Пимкина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

В этом году, в соответствии с общей тематикой конференции, в рамках конкурса научных работ были прочитаны доклады, посвященные проблемам лингвистической безопасности. Однако основной стала все же переводоведческая тематика. При этом можно отметить, пожалуй, две заметные тенденции. Во-первых, значительно больше внимания стало уделяться рассмотрению переводческих проблем с позиций коммуникативно-функционального подхода, предполагающего выполнение текстом перевода назначенной ему функции в рамках определенной коммуникативной ситуации. Во-вторых, внимание исследователей по-прежнему привлекают особенности перевода текстов разных функциональных стилей, включая рекламные тексты.

Конференция имела ярко выраженную практическую направленность: представителем московской переводческой компании «АКМ-Вест» Максимом Берендяевым были проведены мастер-классы по использованию облачной системы *Memsources* для участников конференции, а также преподавателей переводческого факультета; была проведена встреча с московскими переводчиками-синхронистами И.В. Зубановой и К.А. Ельцовым, а также синхронистом, выпускником переводческого факультета НГЛУ В.В. Чапановым; доцент МГЛУ И.В. Зубанова провела мастер-класс по синхронному переводу для студентов переводческого факультета.

Участники конференции активно участвовали во всех мероприятиях, демонстрировали искреннее желание овладеть замечательной профессией

переводчика. Самое главное – они получили возможность узнать из первых рук об особенностях, прелестях и трудностях переводческой профессии, оценить свои возможности и умения, поняли, над чем им предстоит работать, чтобы стать настоящими специалистами.

Летом 2016 г. на нашем сайте www.translation-conference.ru будет открыта регистрация для участия в очередной – восьмой – молодежной научно-практической конференции, которая состоится осенью. Приглашаем студентов, магистрантов и аспирантов принять в ней участие.

В.В. Сдобников

Международный круглый стол «Образование – путь в будущее, терроризм – в никуда!»

18 декабря 2015 года на базе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова состоялся международный круглый стол «Образование – путь в будущее, терроризм – в никуда!».

Работа круглого стола началась с приветственного слова ректора НГЛУ им. Н.А. Добролюбова д-ра пед. наук, профессора Бориса Андреевича Жигалева, в которой он обозначил глубину и значимость заявленной темы мероприятия. После приветственной речи ректора слово предоставили декану факультета международных отношений, экономики и управления д-ру ист. наук, профессору Сергею Васильевичу Устинкину; начальнику международного отдела НГЛУ Галине Леонидовне Петровой; д-ру филос. наук., профессору кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Елизавете Петровне Савруцкой; заведующей кафедрой культурологии, истории и древних языков канд. ист. наук, доценту Марии Павловне Самойловой, а также заведующей кафедрой международных отношений и политологии канд. полит. наук, доценту Екатерине Константиновне Рудаковой.

Модератором дискуссии выступил канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии факультета международных отношений, экономики направления НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Дмитрий Сергеевич Коршунов, который обозначил основные проблемы в сфере противодействия терроризму как угрозе современной международной и региональной безопасности, а также указал на особую роль семьи и вуза в патриотическом воспитании российской молодежи, в формировании культурно-нравственных ценностей граждан Российской Федерации, а также озвучил новые методы и технологии в преподавании политологических дисциплин в контексте террористической угрозы.

Декан факультета международных отношений, экономики управления д-р ист. наук, профессор С.В. Устинкин выступил с докладом «Проблемы противодействия технологиям цветных революций в молодежной среде». Он отметил важность недопущения властями любого современного государства дестабилизации политической системы. Для этого необходимо проводить активную работу с молодежью с целью лишения факторов внешнего воздействия на политическую систему какой-либо дестабилизирующей силы. Представителям государственной власти необходимо защищать национально-государственные ценности, не допускать падения авторитета политических деятелей, проводить работу по формированию единой концепции развития общества и государства с

интеллигенцией, средними слоями населения, национальными меньшинствами и конфессиями, учитывая реально существующие противоречия. Что касается студентов, то их необходимо вовлекать в общественно полезные проекты, содействовать им в создании контролируемого студенческого самоуправления, решающего молодежные проблемы, формировать в учебном заведении самодостаточную информационную среду, в которой обучающиеся могут находить ответы на все интересующие их социально-политические и экономические вопросы, также необходимо иметь обратную связь между студентами и руководством университета с целью внесения необходимых поправок в молодежную политику и адекватного реагирования на изменяющуюся ситуацию в молодежной среде.

В своем выступлении «Образование как инструмент противодействия идеологии экстремизма и терроризма» д-р филос. наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Е.П. Савруцкая акцентировала внимание на роли образования и высших учебных заведений в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи, высказала мнение о значимости патриотического воспитания в студенческой среде и формирования толерантного отношения к различным культурам, этносам и конфессиям, что формирует основу правовой, социальной и культурной грамотности в студенческой среде и способствует нивелированию различного рода деструктивных факторов.

Выступление заведующей кафедрой культурологии, истории и древних языков канд. ист. наук, доцента М.П. Самойловой «Развитие православного образования в нижегородском регионе как фактор этноконфессиональной безопасности» характеризовалось внимательным отношением к девиантным формам поведения российских граждан в связи с наличием в массовом сознании этноконфессиональных стереотипов, провоцирующих националистические настроения в обществе. Современная Россия представляет собой полиэтническое и многоконфессиональное государство. В условиях интенсификации миграционных процессов она становится все более многоконфессиональной, в результате чего повышается интерес российского общества к религиозной самоидентификации. Это ставит проблему межэтнического и межконфессионального взаимодействия и воспитания толерантности, патриотизма как принадлежности своему Отечеству и готовности всеми силами содействовать его процветанию и устойчивому, стабильному развитию в ряд первоочередных государственных задач и целей образования. Одним из инструментов формирования в современном обществе молодежи с устойчивыми,

консервативными (в хорошем смысле этого термина) ценностями как раз и является образование, в том числе православное. Развитие конфессиональных форм образования происходит во всех регионах РФ, однако именно Нижегородский регион является наиболее показательным с точки зрения положительного опыта развития системы православного образования, прежде всего системы гимназий, педагогическая концепция которых строится на основе сочетания современных образовательных технологий и соответствия требованиям ФГОС с положительным опытом классических гимназий. В соответствии с задачами развития православного образования в Нижегородском регионе постепенно и планомерно выстраивается система православных учебных заведений всех уровней. В настоящее время на территории Нижегородской митрополии ведут образовательную деятельность 10 православных гимназий (планируется открытие еще одной в Канавинском районе Нижнего Новгорода), десятки воскресных школ (только на территории Нижнего Новгорода действует 31 школа).

Заведующая кафедрой международных отношений и политологии канд. полит. наук, доцент Е.К. Рудакова выступила с докладом «Эффективность молодежной политики и образовательных технологий противодействия радикальным установкам в молодежной среде». Ею был затронут вопрос использования современных информационных технологий при распространении радикальных установок в молодежной среде. Также Е.К. Рудаковой были выделены ряд причин неэффективности современной молодежной политики в данном контексте. Так, например, одной из причин выступает отсутствие понимания молодежного «запроса» при формировании целей государственной и образовательной молодежной политики и, как следствие, потеря молодежного доверия к власти. Если учесть, что основным инструментом распространения радикальных установок в молодежной среде является Интернет, то именно здесь должны быть максимально сконцентрированы государственные и образовательные усилия по противодействию радикализму. Молодежная политика должна стать профессиональной. Должно происходить повышение квалификации сотрудников средних и высших учебных заведений по вопросам противодействия радикализму и терроризму. На базе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в 2016 г. начнет действовать программа повышения квалификации для учителей школ и преподавателей вузов по проблемам профилактики радикализма в молодежной среде. Должно осуществляться внедрение курсов по обучению безопасности в сети Интернет, обучение навыкам выявления радикальных материалов, привлечение молодежи к общественному мониторингу сети, поскольку противодействие экстремизму и терроризму в Интернете исключительно

методами МВД, ФСБ и прокуратуры невозможно. Должны осуществляться информационно-пропагандистские мероприятия, вскрывающие опасную сущность экстремизма и терроризма.

Обсуждение вышеназванных вопросов вызвало живую дискуссию. Участники задавали многочисленные вопросы, высказывались самые различные точки зрения, что позволило обсудить проблемы многогранно и всесторонне. По итогам проведения круглого стола была принята резолюция, в которой были обозначены основные тезисы мероприятия, рекомендации и пожелания.

С.В. Устинкин
Е.М. Рогожина

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 32

Редакторы: А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 25.12.2015

Формат 60x90 1/16

Печ. л.

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а